

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

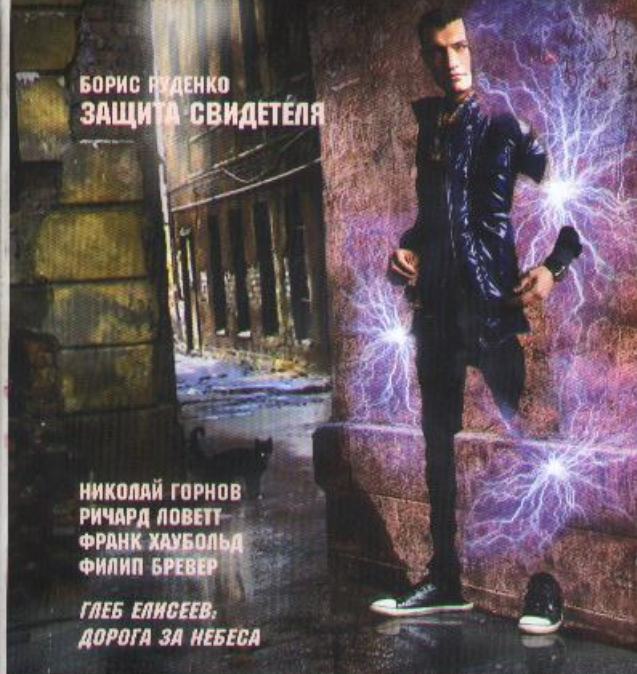
4' 2012

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

БОРИС РУДЕНКО
ЗАЩИТА СВИДЕТЕЛЯ

НИКОЛАЙ ГОРНОВ
РИЧАРД ЛОВЕТТ
ФРАНК ХАУБОЛЬД
ФИЛИП БРЕВЕР

ГЛЕБ ЕЛКСЕЕВ:
ДОРОГА ЗА НЕБЕСА

Иар Эльтеррус
ОТЗВУКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕТРА
МЫ - ВЕРИМ!
ПЕРЕХОД

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
Новинка!

Знаменитая эпопея продолжается!
www.eksmo.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Инесса ЛУГАЧЁВА.

ВЕРСТКА:

Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга»,
тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

IP Media (США), Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

ЗАО «АРИА-АиФ», ООО «Горпечать», ЗАО «Сейлс», ЗАО «Центропечать», «АПР», ЗАО «Наша пресса», «Формула Делового мира», ООО «Метропресс» (С.-Петербург), «Урал-пресс», ООО

«Желдорпресс ГП», «Деловые издания», «Артос-ГАЛ», «Интер-почта-2003».

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография» 143400, Московская область, г. Красногорск. Коммунальный кв. д. 2.

Зак 1335

Тираж 12 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.
Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

©«ЕСЛИ», 2012

ФАНТАСТИКА № 4 (230)
ISSN 1680-645X

ЕСЛИ

25 Николай ГОРНОВ

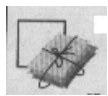
УБЕЙ В СЕБЕ КОСМОНАВТА

Ясно, что подобное предложение совсем не в духе нашего журнала.
Однако на сей раз авторский взгляд вполне понятен.

155 Борис РУДЕНКО

ЗАЩИТА СВИДЕТЕЛЯ

Действительно, такому убежищу можно только позавидовать!

3 Шейн ТОРТЛОТТ

ЧЕЛОВЕК С НИЗОВЬЕВ РЕКИ

Кто сказал, что проще всего уйти?

67 Брэд ТОРГЕРСЕН

ПОМОЩНИК КАПЕЛЛАНА

Вот и еще одна инопланетная раса желает известить человечество под корень - конечно, из самых что ни на есть благородных побуждений.

83 Антуан ЛАНКУ, Жесс КААН

НЕГАРАНТИЙНЫЙ ДЕФЕКТ

Да какая же это фантастика? Ситуация до боли знакома едва ли не каждому потребителю.

111 Филип БРЕВЕР

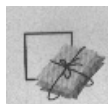
СТОРОЖЕВЫЕ ПЧЕЛЫ

Мир всегда был очень изобретателен по части новых охранных систем. Однако надежнее этой придумать сложно.

127 Франк ХАУБОЛЬД

ЛЕГЕНДА ОБ ЭДЕМЕ

...или Здесь тоже могли бы водиться тигры.

205 Ричард ЛОВЕТТ

ДЖАК И БОБОВЫЙ СТЕБЕЛЬ

Несмотря на новейшие технологии, герою, в отличие от его почти тезки, приходится не в пример тяжелее.

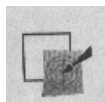
96 Валерий ОКУЛОВ, Аркадий ШУШПАНОВ

ХОЛМС В ЗАТЕРЯННОМ МИРЕ

...или Как развивался роман сэра Дойла с кино.

106 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Кто может спасти Москву от злобных пришельцев? Оказывается, только туристы-американцы.

235 Глеб ЕЛИСЕЕВ

ПУТЕВОДНАЯ НИТЬ

«По ниточке, по ниточке ходить я не желаю...» Однако инженеры и авторы романов на «ниточку» возлагали большие надежды. Правда, она была гораздо крепче.

241 Аркадий РУХ

САГА ПРИБРЕЖНОГО ГОРОДА

Пять лет книга, покоровшая всю Европу, добиралась до российского читателя. Но лучше, как говорится, поздно...

244 РЕЦЕНЗИИ

Интересная у нас подобралась компания: мастера, подмастерья и футурологи.

265 КУРСОР

В Вологде ищут прототипов Корнелия Удалова и пенсионера Ложкина.

249 Валерий ОКУЛОВ

КАПЕРАНГ ФАНТАСТИКИ

Мэтр отечественной НФ-прозы отмечает двойной юбилей: 90 лет со дня рождения и 60 лет литературной деятельности. И останавливаться на этом не собирается.

254 Вл. ГАКОВ

РУССКИЙ МЕННОНИТ В АМЕРИКАНСКОЙ НФ

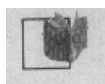
Связь с нашей страной у него отнюдь не родовая. Но известен он все равно по другому поводу.

261 Анна КИТАЕВА

ВСЕЛЕНСКОЕ ПРИМИРЕНИЕ

Не стоит пренебрегать одним из блюд. Лучше отведать оба.

267 ПЕРСОНАЛИИ

. Для кого-то они просто отцы, мужья, друзья или коллеги по работе, но для тысяч читателей - демиурги Страны Фантазии.

ШЕЙН ТОРТЛОТТ

ЧЕЛОВЕК С НИЗОВЬЕВ РЕКИ

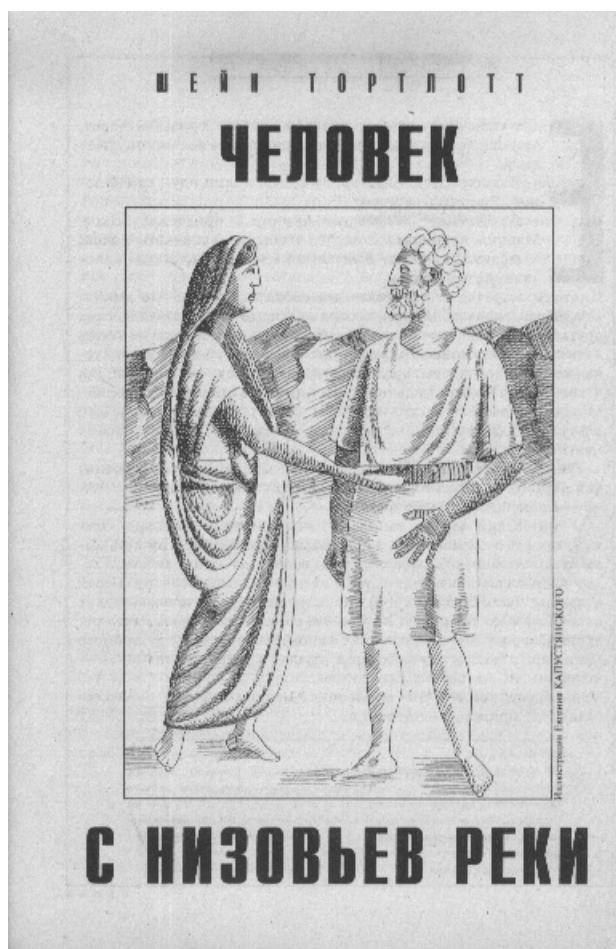

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Едва колымага прогрохотала под сводом городских ворот, Марция Бальба похлопала по плечу своего вольноотпущенника.

- Я сойду здесь, Аластор. Заберешь новый плуг, езжай домой. Я вернусь пешком.

- Да, домина^{*1}, - ответил Аластор и придержал быков.

Марция подобрала столу^{**2}, чтобы не испачкать подол, и свернула направо, к знакомой мастерской, откуда доносился лязг металла.

¹ * Госпожа (лат.).

² ** Особая форма женской туники с короткими рукавами, широкая и со множеством складок, доходившая до щиколоток, внизу которой пришивалась пурпурная лента или оборка. Такую одежду носили матроны из высшего общества и не смели надевать ни отпущенницы, ни женщины легкого поведения, ни рабыни. (Здесь и далее прим. перев.)

Никто не встретил ее у дверей - все собрались за главным верстаком, обрабатывая молотками сложное переплетение металлических прутьев. Набор шестеренок и циферблат на меньшем столе не оставляли сомнений в конечном результате работы. На полках вдоль стены красовались плоды предшествующих трудов: коленчатый вал и котел для паровой мельницы, растиравшей огненный порошок, горшки с клеем и несколько форм для отливки типографского шрифта. В дальнем углу, не слышные за грохотом, отмеряли время маятниковые часы.

Она сделала еще шаг, когда ее наконец заметил один из работников. Он опустил молоток и склонился к мужчине постарше.

- Квинт Юлий, к тебе гостя.

Квинт Юлий Америк выглядел ничуть не примечательно. Одетый, как и его подмастерья, в испачканную тунику, ростом чуть выше среднего, однако сутуловат, седые волосы начинали редеть, а седые нити в сельского вида бороде уже сливались в белизну. Перед недавним путешествием в Рим, где приличествовали только гладкие подбородки, он побрился, но как только вернулся, снова начал отпускать бороду. Он нисколько не напоминал человека, достойного мраморного бюста, хотя некоторые люди - и Марция в том числе - полагали, что мастер его заслуживает.

- Марция, салве^{***3}, - промолвил Америк с улыбкой. - Что сегодня тебя привело в мастерскую?

- Я приехала в город с Аластором, - ответила Марция. - Он забирает новый плуг. На обратном пути мне не найдется места в повозке, и я подумала, что ты проводишь меня домой.

Привычные к такого рода пожеланиям подмастерья с обычной фамильярностью принялись уговаривать Америка помочь даме.

- Хорошо, ребята, - отозвался Америк. - Однако еще нет девяти, и вы не...

Его перебил звон. Стоявшие в углу часы пробили нужное время. Все работники расхохотались, и Марция едва не присоединилась к ним. Америку осталось только усмехнуться и сдаться.

- Вот поэтому мы и делаем еще одни часы, более точные. Ладно, убираем мастерскую и по домам.

Вскоре Америк с Марцией оказались уже за городскими стенами, направляясь на юг, в сторону ее фермы. Америк ступал неловко, медленнее, чем обычно. И она, как всегда, подстроилась под его шаг.

Марция коротко отчиталась о своих дневных делах, в основном заключающихся в подготовке к севу озимой пшеницы. Америк рассказывал о занятных покупателях и забавной истории, приключившейся с одним из его работников, а больше всего - о работе

³ *** *Здравствуй (лат.).*

над новыми часами. Марция внимательно вслушивалась в его гладкую речь, надеясь подобрать ключ к загадке, вот уже более двух лет окружавшей этого человека.

Главной в этой загадке была его постоянная печаль.

Конечно, он скрывал причину. Он скрывал многие вещи. Некоторые из них были упрятаны очень глубоко, куда глубже, чем его горе.

Он появился возле ее дома весной 726 года ab urbe condita, то есть от основания города Рима, - немолодой усталый путник с тяжелым мешком за плечами, явно нездешний, направлявшийся на север по Виз Фламиния*⁴. Его пропыленная туника была сшита из великолепной ткани, явно недоступной для тех, кому приходится передвигаться пешком. Полотно было нездешней работы. Может быть, египетской?

Заметив, что она наблюдает за ним из своего сада, незнакомец приблизился, подняв руку.

- Домина, салве. Я путешественник, имя мое Америк. Могу я поговорить с господином этого дома?

Имя его было странным, латынь весьма своеобразной, а выговор просто варварским.

- Дом принадлежит мне, виатор*⁵, - отвечала она отряхивая землю с ладоней. - Муж мой умер.

- Прими мои извинения, госпожа. А не желаешь ли ты взять в дом постояльца? - Губы его странным образом изогнулись. - Я зашел настолько далеко, насколько хотел.

Это неожиданное предложение оказалось для Марции более чем кстати. Еще при жизни Авла фермы едва хватало на то, чтобы прокормить домашних. А после того как муж вступил в армию цезаря Октавиана и сгинул от болезни при Акциуме, ей приходилось напрягать все силы, чтобы выжить и прокормить двоих детей и раба.

Деньги постояльца могли избавить ее от необходимости продать ферму одному из крупных землевладельцев или принять предложение одного из корыстолюбивых женихов. Это перевешивало риск, связанный с пребыванием в доме чужого человека.

Впрочем, незнакомец ей не показался опасным. Его причудливая рубаха... до замужества Марция носила родовое имя Ралла. Что означало рубаху из тонкой ткани - такую, как у него. Она не особо верила в предзнаменования, поскольку в ее жизни таковых было немного, но все же...

Она назвала самую высокую цену, какую только могла придумать - три

⁴ * Фламиниева дорога соединяла древний Рим и Армин (впоследствии Римини), расположенный севернее столицы, на побережье Адриатического моря. Дорога построена в 220 г. до н. э. цензором Каем Фламинием.

⁵ * Путник (лат.).

сестерция в день, - и приготовилась торговаться. Но этого не потребовалось. Америк, порывшись в своей кладви, достал маленький блестящий слиток.

- На первые четыре месяца хватит?

Ошеломленная Марция торопливо сказала «да» и протянула обе руки. Слиток оказался из чистого серебра, и хотя постоялец все же недоплатил примерно десятую часть от запрошенного, она все равно сочла сделку более чем успешной.

Несмотря на многие странности, Америк прекрасно пришелся ко двору. Конечно, он был приучен к жизни более легкой и обеспеченной и определенно не привык вставать с рассветом, а то и пораньше, не был склонен к однообразной пище и даже к тому, что самая обильная трапеза происходит ровно в полдень. Тем не менее он смиренно принял их обычаи, чего Марция не ожидала от большинства людей состоятельных.

На третий день, уже обжившись на ферме, он предпринял вылазку в город.

- Ну, отправляюсь в Нарнию⁶, - сообщил он со своей обычной кривой улыбкой. Название этого города всегда оставалось у него излюбленной шуткой, смысла которой Марция так и не узнала.

В Нарнии Америк принялся распродавать свою немалую поклажу. Пошли слухи, что он торгует краденым, однако богачи Нарнии и окрестных городков либо не верили этому, либо слухами не смущались. Они охотно покупали коричневые палочки, шелк и жемчуг. Красители для тканей сперва вызвали вопросы - потому как явно не пахли подлинным тирским пурпуром, - однако цвет выглядел настоящим, и кто-то в конце концов купил краску. Скорее всего, Квинт Сей Авит, который начал появляться на людях, словно сенатор.

А потом настала очередь тех крохотных голубых пилюль, которые Америк продал Гнею Лабиеву Флакку. Какой же был тогда скандал - пока запас таблеток не исчерпался. После этого начался еще один, но уже не столь веселый, ибо Гней Лабиев попытался найти замену «синей пятерке», как он назвал эти пилюли.

Словом, Америк мог неплохо жить, ничего более не предпринимая. Тем не менее он арендовал скромную мастерскую на городской окраине, но ферму Марции не покинул. Он сказал, что ему по сердцу деревенский покой, да и ходить на работу нравится. Даже теперь, когда его ноги стали сильно уставать, он и не подумал изменять своему жилищу.

Вскоре, наняв опытных отпущенников, он начал изготавливать вещи

⁶ * Нарни (итал. *Narni* от лат. *Narnia*) - древний город и коммуна в провинции Терни итальянского региона Умбрия. Расположен на возвышенности над узкой долиной реки Нар.

разные и удивительные.

- Все потому, что металлы слегка расширяются при нагреве, - пояснял Америк сложное устройство своего нового часового маятника. - Поэтому летом часы будут идти чуть медленнее. Однако различные металлы - скажем, железо и свинец - расширяются по-разному. И я могу использовать особым образом расположенные свинцовые стержни, чтобы компенсировать удлинение железных, и тогда длина маятника останется неизменной, холодный он или теплый.

- М-м... понимаю. - Марция недолго помолчала, обдумывая услышанное. - Ты можешь воспользоваться этим для того, чтобы твои часы шли правильно? Чтобы от рассвета до заката всегда было двенадцать часов, вне зависимости от времени года?

Америк скривился. Он пользовался жестким, почти греческим представлением о часах, остающихся постоянными в течение всего года - в противоположность расплывчатой римской концепции.

- Нет-нет, просто время можно будет измерять точнее, чем с помощью любых водяных часов или часовой свечи.

Он скривился еще сильнее. Марция знала, что причина этого боль в ногах. И потому сказала:

- Может, посидим у милевого столба и попьем?

- Конечно, Марция.

Новая сотня недлинных шагов привела их к пятьдесят пятому милевому столбу. Америк опустился на каменную скамью, поставленную для путников, а Марция зачерпнула воды из источника. Они освежились в уютном молчании, прежде чем Марция поднялась на ноги. Вставая, Америк закричал.

- Я охотно посидела бы подольше, - сказала Марция, - но солнце придерживается собственного времени.

Америк ухмыльнулся:

- Правильно говоришь. Идем.

Она могла поддразнивать Америка, однако искренне уважала созданные им механические часы. Они стали одним из его первых изобретений, нашедших хороший спрос среди богатых семейств Умбрии и Тосканы.

Позади послышались знакомые звуки: поступь копыт и стук тележных колес. Не поворачивая головы, Марция спросила:

- Ну, забрал плуг, Аластор?

- Конечно, домина. - Орудие покачивалось в задней части повозки. - Если хотите, осталось еще немного места и для вас обоих.

- Нет, ступай домой. Мы скоро придем. - Америк с легким сожалением проводил взглядом удалявшихся волов.

Они увозили еще одно изобретение Америка - плуг с колесами и железным наконечником деревянного рала. Он продал несколько таких изделий по не слишком высокой цене, а потом разрешил местным

плотникам и кузнецам изготавливать его плуги за долю в доходе. Марция не сомневалась в том, что ремесленники надувают его, равно как и в том, что Америк прекрасно знает об этом и не возражает. Очевидно, это было сделано затем, чтобы завоевать популярность у окрестных фермеров.

Правда, городских писцов он отнюдь не облагодетельствовал своими печатными прессами. Предвидя сопротивление, он говорил писцам, что с делом печатника могут справиться только они - люди грамотные, привыкшие к тонкой работе и умеющие избегать ошибок. Расчетливая лесть убедила не всех, но многих. Некоторые даже согласились с его последним новшеством - пробелами между словами и точками в конце предложений для облегчения чтения.

Благодаря его процветающим печатням книги существенно умножились и стали дешевле. Марция даже себе купила пару книг, самостоятельно, без его подсказки. Читать ради удовольствия она не привыкла, но все же одолела Цицероновы Филиппики, в основном по причине общей с автором категорической неприязни к Антонию. Работать со свитками печатникам было довольно сложно, поэтому Америк нашел другое решение и очень гордился собственноручно отпечатанным кодексом, плоские страницы которого были скреплены с одного края. Так что Марция едва ли не с ненавистью к себе показала ему оставшуюся от Авла старую книгу о Фарсальской кампании. Идея принадлежала еще Юлию Цезарю, хотя Америк воспользовался ею куда масштабнее.

Разочарование это не было у Америка ни единственным, ни худшим. Он свято верил в свои паровые котлы, и его малоразмерные устройства работали совсем неплохо. Богатые любители диковин хорошо раскупали эти игрушки ради собственного развлечения и для того, чтобы удивлять гостей. Но его стремление строить большие машины и использовать их для серьезных работ не встретило понимания.

И разве можно было ожидать другого? Зачем изготавливать громадную, кипящую, трясущуюся и раскаленную машину, чтобы выполнить работу дюжины рабов, способных лучше исполнить свое дело благодаря наличию толики ума?

Америк попытался сломать этот прагматический барьер, но безуспешно. В конечном счете он решил, что если состязание с мышцей раба требует от машины больше силы, то эту самую силу он и произведет. Теперь начало дня Америк нередко посвящал поискам и закупке загадочного минерала, который он именовал самородным натром. В конце концов он сумел очистить его до нужной степени, назвал результат своих трудов «селитрой» и, смешав его с серой и углем, растер в бронзовой мельнице, которую вращала одна из никому не понадобившихся паровых машин.

Результатом эксперимента стал громовой удар, отголоски которого дошли до ушей самого Принцепса.

Большим количеством огненного порошка можно было взрывать землю и даже камень, за одно мгновение делая работу сотен и даже тысяч работников. Люди могли использовать его при строительстве дорог, добыче камня и ради многих других созидательных целей. Но и разрушительных тоже: порошок этот способен был навсегда изменить искусство осады.

Однако Америк не мог производить его достаточно быстро по причине нехватки натра. Тогда он обратился к странному новому источнику, используя застарелую мочу и древесный пепел, однако для получения достаточного количества порошка необходимо было потратить целый год. К счастью, дело упростила весьма влиятельная персона: производство огненного порошка за внушительную сумму перекупил сам Август, сделав его государственной монополией и, что более важно, предоставив Амику римское гражданство.

Несколько месяцев назад Америк (вместе с этим выскочкой Квинтом Сеем Авитом) был принят в Риме самим Принцепсом и удостоился гражданства из величественных дланей. Домой он вернулся с новым именем: Квинт - в честь спонсора, Юлий - в честь Августа, даровавшего ему гражданство, и при своем собственном прозвании Америк.

Казалось бы, возвратившись в Нарнию, он должен был ликовать, но Марция видела уныние под бодрой маской.

Рассказ Америка сам собой угас, как его часы, если оставить их без завода.

- А каковы твои дальнейшие планы, - спросила его Марция, - когда ты справишься с проблемой маятника?

Такие вопросы обычно приводили его в хорошее настроение, но не теперь. У него имелись в запасе кое-какие идеи: как с помощью серебра и стекла сделать отличное зеркало, как поставить паровую машину на телегу и передвигаться на ней без тягловых животных, - однако говорил он об этом неубедительно.

- Мы ведь знаем, мои паровые машины никому не нужны, разве что в качестве игрушек, - бурчал Америк.

Обычно он просто кипел идеями и энтузиазмом. Он находил счастье в придумывании новых изобретений и воплощении их в жизнь. А завершив очередной проект, впадал в меланхолию, ничуть не более болезненную при неудаче, чем при успехе. Теперь она овладевала им по завершении каждого рабочего дня.

Наконец они добрались до дома. Она рассталась с ним возле входной двери и, наделив приветливой улыбкой, а возможно, потратив ее впустую, отправилась по делам фермы. Вечерами Америк занимался у себя в спальне планами и чертежами. Возможно, это занятие и теперь

отвлечет его.

Она застала Аластора в сарае с новым плугом, внимательно обследовала усовершенствованное орудие и в конечном счете одобрила. Послав вольноотпущенника на скотный двор кормить кур, свиней и овец, которых уже пора было стричь, она направилась в масличную рощу.

До начала сбора плодов со старых деревьев оставалось еще более месяца, поэтому она осмотрела молодые посадки. Аластор с утра удобрил их, и деревца казались здоровыми. Пройдет еще три года, прежде чем они начнут давать урожай, а тогда и оливки, и масло можно будет продавать за хорошие деньги.

Плата Америка за жилье постепенно возрастала, всякий раз по его инициативе. Сперва эти деньги ограждали ее от нищеты, а потом оказались ступенькой к благосостоянию. Марция тратила их осторожно - кто знает, когда Америк отправится восвояси? - но постепенно укрепляла свое хозяйство. Лучшие инструменты, больше овец - больше шерсти и сыра, несколько других животных, чтобы можно было лишний раз позволить себе такую роскошь, как мясо, и конечно же, молодые маслины в дополнение к четырем старым деревьям. Они заняли часть зернового поля, однако те времена, когда семья полностью зависела от урожая злаков, уже уходили в прошлое.

Единственная неприятность произошла, когда Марция купила Евдокию.

Рабыня была большой подмогой в хозяйстве, однако ее появление смутило Америка едва ли не до протестов. И уже скоро он начал предлагать выкупить у нее и Евдокию, и Аластора, чтобы освободить обоих. Его представления о рабстве были в известной мере просто восхитительны и в то же время удивительно наивны.

Они пришли к компромиссу. Марция как хозяйка дома соглашалась отпустить обоих на свободу, Америк же обязался возмещать ей те деньги, которые она будет выплачивать им за работу. Свобода не сделала вольноотпущенников ни обездоленными, ни наглыми. Оба работали, как и прежде, усердно, и если Марция что-то понимала в мужчинах и женщинах, уже подумывали о свадьбе.

Она прошла в дом, собираясь занять детей домашними делами перед вечерней*⁷, и застала их в атриуме за игрой, к ее некоторому удивлению, с Америком. Игру, конечно, придумал он: надо было выставлять камешки с буквами на расчерченной доске.

Марцилла указала на камешки, которыми играла вместе со старшим братом.

- Написано «volur», Авл. Твой ход.

- Некуда ходить. Нужно пересечение. И не рассказывай ему нашу... ой,

⁷ * Ужином (лат.). Завтрак - янтакулум, обед - сена.

мама.

Марция сурово посмотрела на них.

- Так вот как вы, дети, занимаетесь делом?

- Они сказали, что уже справились со своими заданиями, еще до того как мы вернулись домой, - проговорил Америк. - Иначе я не стал бы играть с ними.

- Мама, но мы все сделали, на самом деле все, - сказала Марцилла. - Я подмела атриум, а Авл принес дрова, воду и все остальное.

Марция осмотрела пол атриума, выдерживая паузу. Нельзя было давать согласие так вот сразу.

- Ну, хорошо, только к ужину обязательно закончите игру.

Ее решение вызвало радостные возгласы у детей и легкий кивок Америка.

На большинстве местных ферм девятилетний мальчик и семилетняя девочка работали бы весь день, быть может, пару часов уделяя занятиям с кем-нибудь из членов семьи. Америк считал, что им надо учиться в городе, и предложил оплачивать услуги учителя - причем не только для юного Авла, но и для Марциллы, чем приятно удивил Марцию.

Она сказала: нет. И он оставил тему. Не стал уговаривать ее и пользоваться своими деньгами, словно дубинкой. Через несколько дней она изменила свое решение и согласилась, как и хотела с самого начала. Просто ей надо было убедиться в том, что он не намерен отобрать у нее место главы семьи. Любой из местных мужчин в подобных обстоятельствах так бы и поступил, однако Америк сохранял за Марцией ее власть и достоинство.

Он никогда не пытался за ней ухаживать. И глядя на детей, занятых его обучающей игрой, она пожалела об этом, причем не впервой.

Она знала, что Америк был когда-то женат и что жена его умерла, вернее, погибла. Быть может, вновь покориться власти Венеры ему мешала незажившая рана. Она могла даже оказаться причиной его меланхолии, хотя Марция в этом сомневалась. Жить все равно надо - так решила она сама, потеряв своего Авла.

На кухне Марция помогла Евдокии, занявшись теми мелочами, которые хотела поручить Марцилле. Игра в атриуме закончилась к тому самому мгновению, когда часы - естественно, работы Америка - прозвонили срок. Она как раз выставила миску с овощами, когда у стола появился юный Авл.

- Ты победил, сын?

- Нет, мама. Америк такой хитрый.

К нему присоединилась Марцилла.

- Слишком хитрый. Но скоро мы одолеем его. Очень скоро.

Америк похлопал ее по плечу.

- Не сомневаюсь.

Он улыбнулся, но Марция видела его насквозь. И ничего не могла поделать с его тоской, разве что отвлечь ненадолго.

На вечерню обыкновенно выставлялось то, что не доели в полуденную смену. Миски были полны овощей, на одном блюде лежали остатки холодной курицы. Все сидели за одним столом, не обращая внимания на различия в возрасте и положении.

Даже теперь, достигнув определенного благосостояния, Марция и не думала приобретать обеденные ложа. Они свели бы на нет нынешнюю близость: соседство с Евдокией, обменивавшейся ласковыми словами с Аластором, вид детей, совместно выживавших лакомые кусочки из миски с овощами, и ощущение покоя и благородства, исходившее от сидевшего по правую руку от нее Америка.

За ужином Америк казался столь же счастливым, как и все остальные. Быть может, в то мгновение он и вправду чувствовал себя счастливым. Марция еще ни разу не проникала в глубину его печали, всегда откладывая это на завтра. И она переставила к нему блюдо с курятиной, чтобы хоть чем-то порадовать.

Когда рассветные лучи начали пробиваться сквозь ставни, Марция позавтракала у себя в спальне хлебом и сыром. Авл и Марцилла уже отправились в Нарнию, в школу, но она не заметила, чтобы Америк, как обычно, вышел вместе с ними. Наверное, он ушел еще раньше.

Она как раз приканчивала последний ломоть, когда услышала глухое рыдание. Она прислушалась, звук повторился.

Марция вошла в атриум, движением руки отослав Аластора и Евдокию, уже приближавшихся к комнате Америка. Отодвинув в сторону дверную занавеску, она посмотрела на Америка, сидевшего на постели, прижав кулаки к глазам.

- Ничего мне не надо, Евдокия, - простонал он. - Оставь меня.

- Не оставлю.

Америк вздрогнул и съежился от стыда.

- Прости меня, моя Марция. Сегодня у меня плохое утро, вот и все.

- Не только сегодня. - Она вошла внутрь комнаты и, стараясь говорить негромко, словно бы это могло помешать слугам подслушивать, произнесла: - Ты страдаешь уже давно. Не только сегодня утром. И я должна знать причину.

Америк молчал, надеясь на спасение, которого Марция не намеревалась ему предоставлять.

- Я могла бы потребовать ответа как хозяйка этого дома, - произнесла она, протягивая руку, - но предпочитаю спросить как твой друг.

Америк шевельнулся.

- Да, пожалуй, время и вправду пришло. - Неуверенным движением поднявшись на ноги, он взял Марцию за руку. - Лучше всего это будет сделать возле реки. Ты пойдешь со мной?

- Конечно, мой друг. - Она посмотрела на его загроможденный рабочий стол. - Выходи, а я тебя догоню. Только отдам приказания Аластору и Евдокии.

- Хорошо. - Америк вышел из комнаты, и Марция торопливо схватила недоеденный кусок хлеба, оставленный на столе. И как только Америк оказался за дверью, поспешила в кухню, куда уже ретировались слуги.

- А ты, - рявкнула она, ткнув пальцем в Аластора, - почему бездельничаешь, когда поле не пахано? Евдокия, помоги ему чем угодно. Камни выбирай, прополи огород, делай что угодно, но только чтобы в доме вас не было!

Опасаясь вспышки знакомого им гнева, работники исчезли едва ли не мгновенно.

Избавившись от них, Марция открыла кладовку, достала два небольших хлебца из грубой муки и направилась к расположенному рядом с очагом ларарию^{*8}, статуэтке, помещенной в особый поставец. Осторожно, стараясь не потревожить пламя своим приношением, она положила хлебец в очаг. Знакомый дымок и запах коснулись ее ноздрей.

По утрам Марция часто приносила жертвы семейным ларам, духам-хранителям дома, однако в тот день у нее была к ним особая просьба. Она положила в огонь второй хлебец, разломив пополам недоеденный Америком ломоть и предала огню его половину. После чего преклонила колена перед поставцом с фигуркой.

- Покажи мне, как можно помочь ему... он обогатил наш дом, позволил оказывать тебе большие почести... стал членом нашей семьи, как если был рожден в ней... даруй ему свою защиту... пошли мне мудрость, чтобы помочь ему...

Прошения сменяли друг друга, пока наконец она не поднялась и не поспешила за Америком.

За Виз Фламиния, спускаясь к Нару, тропинка шла под уклон, местами крутой. Вскоре она заметила Америка, огибавшего чередующуюся с каштанами дубраву, составлявшую южную границу владений Марка Титурия Сабина. Поравнялись они как раз в начале крутого спуска.

Он с любопытством посмотрел на ее руку, в которой, как она только сейчас заметила, все еще была зажата половина не съеденного им ломтя.

- Подумала, что ты голодный, - проговорила она, протягивая хлеб. Он взял ломоть, но есть не стал и убрал за пазуху.

- Ты ведь позвала меня, чтобы говорить, а не есть.

Спуск под ногами становился все круче.

- Обопрись на мою руку, - сказала Марция.

⁸ *Ларарий - культовое помещение в доме, место поклонения домашним богам - ларам, пенатам и прочим.

Но Америк продолжал спускаться без ее помощи, хотя лицо его то и дело кривилось от попыток скрыть боль, и первым приступил к разговору:

- Ты не раз говорила, что я чрезвычайно изобретателен по части разного рода устройств.

- Не надо этой ложной скромности. Ты великий изобретатель и удивительный мастер. Об этом знает даже сам Август.

- Что ж, я действительно мастер. Возможно, ты считаешь, что я способен соорудить любое устройство, какое только можно придумать.

- Ну, наверное, не любое, - улыбнулась Марция, - но я бы этому не удивилась.

- Ты великолепно выбираешь слова, моя дорогая Марция. Дело в том, что у себя дома - в окрестностях Рима - я участвовал в создании устройства, которое многие люди считали полностью невозможным.

Он умолк, старательно глядя под ноги, и Марции пришлось напомнить ему о себе.

- Ну, выкладывай.

Америк поднял голову.

- Машину для путешествий во времени, из века в век.

Марция замерла. Власть над временем была достойна бога, хотя у богов вряд ли болят ноги...

Америк посмотрел на свои ладони, хлопнул друг о друга, а затем покачал головой, как бы разочаровавшись в их надежности.

- Конечно, я не был настоящим изобретателем этого устройства, - пояснил он, вновь начиная спуск. - Теорию придумали другие люди. Я только делал то, что они рисовали.

- Но все же... так откуда ты? То есть из какого «когда»?

По губам его пробежала улыбка.

- «Откуда» - это, как я уже сказал, было неподалеку от Рима. Но родился я в далекой стране, на землю которой никогда не ступала нога римлянина.

- Называвшейся Америкой, так?

- Именно. Но я встретил женщину, которая стала моей женой, и последовал за ней в Италию, - голос его дрогнул. - Без нее я никогда бы не связался с машиной времени.

- А как насчет «когда»?

- Если можешь поверить: чуть больше двух тысяч лет от твоего «сегодня».

Число ошеломило ее, однако сомневаться не было оснований.

- Наш век был полон многих удивительных вещей, а здесь, у вас, я только воспроизвел несколько самых старых и простых. Но из всех наших изобретений машина времени была величайшим.

- Действительно, твой век - век чудес. Но не совершенства, так ведь? Если он не смог сохранить жизнь Софии?

Америк бросил на нее короткий взгляд.

- Ты права. Это не век совершенства. Давай-ка выйдем к вон той скале, - проговорил он, указав на плоский широкий камень, на который они могли бы усесться вдвоем.

- Прости, если я сделаю тебе больно, Америк, но ты говорил, что ее убили бандиты. Ты это выдумал, чтобы скрыть от меня невероятную правду?

- Это было достаточно близко к истине. Софию убили. - Он сглотнул. - А через неделю после смерти Софии я снова увидел ее.

Они как раз спустились к скале, откуда открывался прекрасный вид на текущий внизу Нар. Пока Америк осторожно опускался на камень, Марция обняла его за плечи и на секунду задержала руку.

- Спасибо, - проговорил он растерянно. - Конечно, я понимал, что это галлюцинация. И пошел к врачам. Они исследовали мою кровь и сказали, что у меня начинается деменция с тельцами Леви⁹.

Марция поехала. Она знать не знала, кто такой Леви, но слово «деменция» - безумие, понимала прекрасно.

- При всех чудесах нашего времени моя болезнь оставалась неизлечимой. Мне предстояло деградировать умственно и физически, через год-другой я стал бы беспомощным старцем. Я хотел умереть немедленно и разом предотвратить грядущие мучения, - он понурился. - Но не смог. Просто не сумел убить себя.

Такое откровенное признание ошеломило Марцию. Она отвернулась, чтобы скрыть разочарование.

- Ты считаешь меня трусом. Все дело в моем христианском воспитании. Его корни оказались куда более глубокими, чем я предполагал.

Марция повернулась к нему.

- Христианского?

- Это будет потом. В будущем. Религия, осуждающая самоубийство. Вера в Бога обязует нас вынести все, что выпадает на нашу долю.

- Что-то вроде стоиков, так?

- Ну, разве что самую малость... Как бы то ни было, я не смог преодолеть свою натуру. И оказался в ловушке.

Марция вспомнила о своем Авле. Храбрость он доказал еще в юности, сражаясь за Юлия Цезаря. Служба принесла ему землю, а вместе с землей жену и детей. Но это не удержало его дома, когда

⁹ * Прогрессирующее заболевание головного мозга, проявляющееся деменцией, паркинсонизмом, психотическими и вегетативными нарушениями, в основе которого лежит распространенный дегенеративный процесс с образованием в нейронах базальных ганглиев и коры больших полушарий особых внутриклеточных включений - «тельца Леви».

Октавиан схлестнулся с Антонием. Уклониться от службы значило проявить трусость, перечеркивающую прежние заслуги. Он ушел и погиб.

Странно было понимать, что отважный Авл и трусливый Америк были в этом отношении одинаковы. Каждый из мужчин обладал собственной натурой и не мог уйти от нее. Поэтому она не могла искренне презирать Америка за трусость, христианские убеждения или что-нибудь другое.

- Мне нужен был путь, - продолжил Америк, - любой путь. И словно в озарении передо мной предстал вот этот, приведший меня сюда, в это время и место. Я знал ваш язык и историю и жил в Италии - в пространственном перемещении не было нужды. Потребовалось всего несколько дней, чтобы подготовиться, собрать товары, которые обеспечили бы меня пропитанием и работой, набросать планы будущих изобретений...

- Но зачем? Неужели ты надеялся отыскать здесь лекарство? - спросила она, немедленно угадав, что это не так. - Чего ты хотел добиться?

Улыбка его оказалась столь же горькой, как недавние слезы.

- Я хотел обрести мирный и милостивый конец - помешать себе самому появиться на свет.

Это было уже сущей чепухой. Скажи такие слова любой другой человек, она увидела бы в них верный признак безумия. Но это говорил Америк, и она всего лишь усомнилась, вместо того чтобы откровенно не поверить.

Заметив недоверие, он отнесся к нему спокойно - а чего еще он мог ожидать?

- Попробую объяснить. Посмотри на Нар.

Тень холма еще отчасти перекрывала реку, устремлявшую свои оливково-серые воды в облачную даль. Река уходила на юг, а пониже того места, где они сидели, поворачивала на запад, к небольшой пристани, едва различимой за лесом. Низко над водой носились птицы - ниже ног Марции и Америка.

Он протянул руку.

- Предположим, сегодняшний день находится здесь, под нами. Мой век будет вон там, у причала. Время естественным образом течет от прошлого, - Америк махнул рукой в сторону Нарнии, - к настоящему, а потом к будущему.

- И вы сумели найти путь вверх по течению?

- Скорее, сумели прыгнуть, но не в этом дело. Оказавшись здесь, я начал прорезать для реки новое русло. Ведь в твоём времени не было всех тех изобретений, которые я сюда принес, а значит, с моим появлением течение времени, течение реки, изменилось. А раз время потекло по новому руслу, старое должно высохнуть, И будущее, из

которого я пришел, исчезнет. Будет так, как если бы я не существовал.

Марция попыталась представить себе, как в соответствии с его словами Нар прорезает холмы на противоположном берегу и исчезает вдали.

- Неужели время и в самом деле действует подобным образом?

Америк вздохнул.

- На самом деле никто не знает этого. Сциенти*¹⁰ ... - он скривился. - В латыни нет нужного слова, даже самого понятия. Назовем их натурфилософами. Словом, они спроектировали машину времени и заставили ее работать, не имея четкого понимания, как она действует, какие физические законы использует. Отчасти поэтому никто до меня не входил в нее: все опасались тех воздействий, которые она может оказать на наше настоящее.

- Но ты-то знал? Или хотя бы думал, что знаешь?

- Большинство из нас полагало, что знает. Сколько же у нас было приятных застольных бесед о том, какая из концепций путешествий во времени является верной. Я тоже высказывал некоторые соображения на этот счет, но меня никто не хотел слушать. Я не был одним из них... я ничего не понимал, - внезапный порыв раздражения заставил его ударить кулаком по бедру. - Хотя их собственные теории входили в жуткое противоречие со здравым смыслом!

- Даже большее, чем твое желание сделаться никогда не существовавшим?

Америк вздрогнул при столь откровенном вопросе, однако ответил без укоризны.

- Суди сама, моя Марция. Наиболее авторитетная теория утверждала, что своими действиями я не направлю реку по новому руслу, но разделю ее на два соседствующих рукава. Казалось бы, разумно... но та же теория утверждает, что такое разделение происходит всякий раз, когда в мире совершается какой-то выбор. Когда мы решаем сесть здесь или пройти подальше вдоль берега; когда ты предпочла зайти в мою комнату, вместо того чтобы позволить мне плакать в одиночестве.

- Он указал вниз, на кружившую над водой черную птицу. - Когда эта галка летит прямо, а не поворачивает налево или направо. Вплоть до самого крошечного мгновения, когда нечто может произойти так или иначе, все разделяется надвое. И каждый раз река разделяется, ветвится снова и снова на миллионы и миллионы рукавов. Поток постоянно делится и делится, пока в каждом рукаве не остается хотя бы капля, да и та начинает делиться, когда ты глядишь на нее. Либо все бесконечно делится, либо ниоткуда изливается беспредельный поток, наполняющий каждое русло... Абсурд, с какой стороны ни посмотри.

¹⁰ * *Сведущий, умелый, опытный (лат.).*

Опустошенный вспышкой, он поник.

- Марция, я не гений, я человек дела. У меня нет собственных великих идей, я просто воплощаю в жизнь то, что придумали гении. Так, как делал и здесь. Я не обладаю настолько возвышенным умом, чтобы поверить в подобную чушь.

Марция прикрыла ладонью рот, кашлянула, стараясь скрыть усмешку.

- Трудно поверить... однако я столь же практична, как ты. И конечно, тоже не гений. Однако вот что интересно...

- Да?

- Когда инженеры меняют русло реки, это происходит против ее естественного течения. Она-то хочет течь по прежнему месту. Не может ли и время действовать подобным образом? Не будет ли оно искать свое бывшее русло, следуя тому, что находится под ним, под его собственными холмами и долинами? Не может ли оно вернуться к своему прежнему течению перед пристанью - и ты останешься в живых?

Америк внимательно смотрел на нее. Марция отвернулась.

- Прости, если я сморозила глупость.

- Нет, Марция, нет. - Он взял в свои руки обе ее ладони. - Ты интуитивно изложила основы теории возвращения в исходное состояние - всего через пять минут после знакомства с представлением о течении времени. Что ж, возможно, теперь ты заново сформулируешь парадокс Полчински*¹¹.

- Я... что-что?

- Ох, не обращай внимания. Пустая болтовня. Просто все мои изобретения должны были предотвратить такое возвращение. Мир настолько далеко отклонился от первоначального хода истории, что все внесенные мной изменения не окажутся утраченными или забытыми. Однако этого не произошло. Быть может, мои изобретения канули в веках... или же произвели вторую ветвь времени, которая не стерла меня из первой. Не знаю почему, но я ошибся. - Голос его осекся. - И остался в западне.

- Ты хочешь сказать, что не можешь вернуться домой? - спросила Марция. - Твоя машина сломалась? И ты не можешь починить ее?

- Она не отправилась в прошлое вместе со мной. И она не несет тебя, как телега, а вышвыривает, словно катапульта. Там, дома, могли найти меня и вернуть обратно, но это уже должно было произойти. Я никогда не вернусь. И останусь здесь до самой смерти... и всего, что ждет меня перед ней.

¹¹ * Физик, занимающийся вопросами космологии и теории струн, родился в 1954 году. Полчински сформулировал парадоксальную ситуацию, касающуюся перемещения бильярдного шара по пространственной червоточине, отсылающей его назад в прошлое.

Он дрожал, едва сдерживая себя. Марция ждала, не смея промолвить неосторожное слово. Наконец Америк прошептал:

- Сегодня утром я снова увидел ее, Марция. Софию.

Марция серьезно кивнула.

- Жаль, что твои галлюцинации возвращаются.

- О нет, не в этом дело, я на них уже насмотрелся за последние два года. Я научился их не замечать. Но я не мог вспомнить... - он обратился к Марции полные слез глаза. - Не мог вспомнить имя моей жены, пока ты не произнесла его!

Теперь, когда все - испуг, ужас и беспомощность - вырвалось на свободу, Марция обняла его, уложила головой себе на колени и принялась гладить по голове, как Марциллу после страшного сна. И начала думать.

- Теперь все пойдет быстро, - выдохнул он сквозь слезы. - Я уже давно ощущаю одеревенение мышц, замедляющее мои движения, теперь начинается тремор. Скоро мой рассудок помрачится - а может быть, я уже брежу? Откуда мне знать...

- Нет, это не так. Поверь мне.

У нее промелькнула мысль, что весь этот рассказ о путешествии во времени является огромной галлюцинацией, и Марции пришлось отогнать ее.

- Я знаю, что меня ждет. Такой исход неизбежен, как бы я ни пытался его предотвратить. - Короткий и гадкий смешок сорвался с его губ. - Хоть и далеко я зашел, но это мне ничем не помогло.

Он вновь разразился слезами. Несмотря на тихое разочарование, вызванное столь явной слабостью, Марция дала ему выплакаться. Ей было нужно время, чтобы привести в порядок собственные чувства и мысли. И только ощутив полную уверенность в себе, она проговорила:

- Квинт Юлий Америк, ты хочешь попросить меня помочь тебе умереть?

Он резким движением сел, но легким прикосновением руки она не позволила ему открыть рот.

- Вижу, что нет, и честно говоря, меня это радует. У нас остается только одно здоровое решение, Америк. Нам надо пожениться.

Она вновь ошеломила его, так что лишь с третьей попытки он сумел выдать:

- Что ты имеешь в виду?

- Я хочу сказать, что тебе в твоей преждевременной старости потребуется человек, который будет внимательно и заботливо ходить за тобой. Кого ты еще найдешь, кроме меня? Но я слишком практичная женщина и хочу иметь собственный интерес.

Америк явно готов был удрать; быть может, только занемевшие ноги удержали его на месте.

- Тебе незачем страдать из-за меня, Марция. Когда придет время, я

просто уйду - как пришел. Я не хочу чем-либо отяготить тебя.

- Вот что, Америк, - проговорила Марция, - при всем твоим уме ты так до сих пор и не понял нас, римлян. Ты прожил в моем доме более двух лет. И теперь нас связывает с тобой долг госпития, гостеприимства; мы обязаны друг перед другом, и связь эту разорвать нелегко. А тем более когда я этого не хочу.

Она подождала, пока он переварит ее слова.

- Я буду заботиться о тебе, несмотря ни на что, но обращаюсь к этой соединяющей нас связи и к твоей порядочности, в которой не сомневаюсь. С меня достаточно того, что ты ни разу не попытался навязать себя в качестве мужа.

Он взял ее за руки.

- Конечно же. Ведь я не имел права на это. - Америк смотрел на свои собственные руки, удивляясь их поступку, но не выпускал ее ладоней. - Разве ты ожидала от меня другого?

Марция была недалеко от цели. Он не сказал «нет», но его еще следовало заставить сказать «да». И она заявила прямо, зная, что Америк уважает прямоту.

- Все просто. Ты пишешь завещание, в котором оставляешь нам все: деньги, изобретения, мастерскую. Чтобы нам никогда не пришлось бояться бедности. Такова моя цена.

Америк задумался.

- Мне немного известны законы Рима. В качестве моей жены ты можешь унаследовать лишь треть моего состояния.

- Правильно. Треть достанется мне, треть Авлу, треть Марцилле. Все просто.

Он кивнул.

- Да. Но что останется тогда Аластору и Евдокии? И моим работникам?

- Вот оно что... - Она остановила себя на грани ненужной вспышки. - В прошлом ты был с ними щедр и, несомненно, еще не раз проявишь щедрость в будущем. Но на этом своем условии я вынуждена настаивать. - Теперь уже она сжимала его ладони. - Я прожила трудную жизнь, иногда мне бывало очень тяжело. И я поняла, что должна стать практичной - даже сейчас, когда так легко сдать.

Во взгляде ее читалась откровенная просьба. На сей раз удивление осенило Америк, словно неторопливый рассвет.

- Марция моя, а я... я и не догадывался. Даже представить себе не мог.

- Ну уж, должен был хотя бы заподозрить. В Нарнии перешептываются уже два года, и я никогда не пыталась опровергать слухи.

- Ах, это. Слышал и пренебрегал ими. Завистливые женщины, несколько разочарованных мужчин.

Марция улыбнулась.

- За последние пять лет я отказала не одному мужчине. Но сегодня отказа не будет.

Америк было расплылся в улыбке, которая тут же увяла.

- Ты просто не представляешь, какого мужа получишь на свою голову.

- Ты останешься таким, каким был всегда. Добрым ко мне, ласковым к детям, великолепным... ох, подожди, ты про постель, так?

Он фыркнул и побагровел. Марция удивилась столь девичьей реакции с его стороны, однако вспомнила его торговые дни.

- Эти голубые пилюли. Тебе они снова нужны, так?

- Я... Скажу честно, Марция, при жизни Софии эти пилюли были нужны мне, но теперь... - непрощеная улыбка вновь поползла по его губам. - Должно быть, повлияла перемена питания, но все изменилось к лучшему.

Марция не стала прятать улыбку, подобием фонаря над дверью приглашавшую его войти. Он заглянул ей в глаза с теплотой зарождающегося желания... и вдруг потупился, обратив взор в себя.

- Мой Америк, что мешает тебе? - Марция едва не произнесла имя Софии, но вовремя осознала, что не сумеет победить эту женщину в открытом бою. И потому предприняла обходной маневр. - Неужели тебе нельзя жениться второй раз? - Она стиснула его ладонь обеими руками. - Неужели твой суровый христианский бог требует, чтобы вдовец навсегда оставался в одиночестве?

Америк уставился куда-то вдаль. В молчании прошла минута, потом другая. И Марция почти не заметила того мгновения, когда его рука крепче стиснула ее пальцы.

- Нет. Не требует.

Свадьбу справили через месяц в первый благоприятный день. Через две нундины^{*12} Марция одолжила свою тунику ректа и огненного цвета вуаль^{**13} Евдокии для совершения того же обряда. И как раз вовремя: Евдокию начало тошнить по утрам еще до того, как засохли последние венки.

Дневная рутина не слишком переменилась. Америк по утрам часто уходил в Нарнию, где занимался мелкими усовершенствованиями своих творений. Марция старалась днем почаще бывать в городе, чтобы вернуться домой вместе с ним. Теперь она знала, чего ждет, ибо замечала признаки подступавшей болезни: дрожание рук, пустое выражение на лице, резкий ответ.

¹² * *День плебейской недели, в который селяне съезжались в город на базар.*

¹³ ** *Накануне свадьбы невесте повязывали голову красным платком и надевали на нее длинную прямую белую тунику с шерстяным поясом (лат. tunica recta), предназначавшуюся и для дня свадьбы.*

Не было только отчаяния.

Возможно, мимолетные радости новобрачных позволяли ему забыть свою боль. Или, быть может, ему было нужно, чтобы рядом с ним оказался некто, способный поддержать и укрепить его. Как бы то ни было, снова стать мужем ему было полезно.

Это уравновешивало весы, так как и Марция была довольна, снова оказавшись женой. А иногда и весьма довольна.

Все это лишь сделало более тяжким тот январский день, когда он исчез.

Никто не видел и не слышал, как Америк оставил дом, в мастерской его тоже не было. В полдень Марция послала своих работников и даже кое-кого из соседей обыскивать город и окрестности. А сама под укусами холодного ветра в одиночку спустилась по склону долины к Нору.

Могло ли внезапное умственное расстройство отправить его в скитания? Разум Америка иногда ослабевал, однако не покидал его. Она не верила в подобный исход.

Но, может быть, он наконец набрался храбрости, чтобы покончить с собой? Теперь, пока радость жизни перевешивала недуг? Она не могла поверить и в это.

Остановившись возле большого плоского камня, Марция осмотрела берег Нора от города и до верфи. Вдалеке шел одинокий мужчина, но пышная шапка черных волос не могла принадлежать Америку. Она выкрикнула его имя, но ей ответило только эхо.

Вверх по течению реки над водой летели две галки, и вдруг одна повернула направо, а другая налево. Марция вновь припомнила тот день. Могло ли такое случиться? Неужели река все-таки разделилась?

Невозможно. Он сам признал свою ошибку. К тому же какое изменение могло произойти с миром за последние четыре месяца?

Марция подумала о Евдокии, беременность которой уже была заметна. Рука ее скользнула под плащ, к собственному животу. И она удивилась.

Удивляться ей придется до конца дней.

Перевел с английского Юрий СОКОЛОВ

© Shane Tourtellotte. The Man From Downstream. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2010 году.

НИКОЛАЙ ГОРНОВ

УБЕЙ В СЕБЕ КОСМОНАВТА

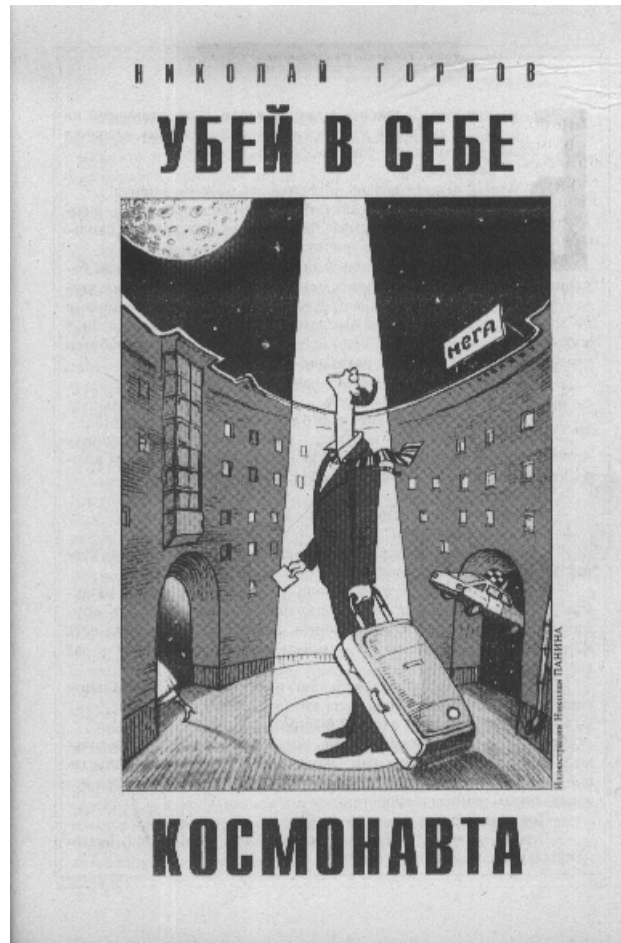

Иллюстрация Николая ПАНИНА

Большоголовый таксист в летней кепке, лихо сдвинутой на затылок, выбрался из битой вазовской «девятки», сплюнул на влажный после дождя асфальт и уточнил:

- Безденежных?

Артём, непроизвольно покосившись на жену, кивнул.

- Осуществляем посадку, гражданин Безденежных, - проворчал таксист, открывая багажник. - Заказ был на сколько? На три. А сейчас три ноль девять!

Пока Артём брезгливо выбирал место, куда в грязном багажнике можно было пристроить чемодан, таксист пробубнил что-то о фамилиях, с которыми лучше дома сидеть, а не кататься ночами по торговым центрам. Артём выпрямился и непроизвольно втянул живот. Ему казалось, к подобным шуточкам у него давно выработан иммунитет, но нет, они еще находили отклик в его душе...

- Тёма, ты куртку дома забыл! - округлила глаза жена.

Водитель дернулся и засуетился.

- Садимся, садимся, у меня на это утро еще заказ в аэропорт!
- Дашуля, держи себя в руках, - шепотом попросил супругу Артём, оттесняя ее от серой «девятки» и одновременно сжимая в коротком объятии. - Мы же с тобой обо всем договорились.

- Но куртка...

- Обойдусь. Сейчас лето.

- Это у нас лето. А там?

- Там тоже лето. Там всегда тепло, там вечное лето и никаких курток. И возвращаться не хочется, если честно. Примета плохая.

- Я с балкона тебе куртку сброшу, - после секундного раздумья предложила супруга. - Я волнуюсь за тебя, Тёма. Это нормально. И не смотри ты по сторонам. У этого человека тоже есть жена. Уважаемый, вот мы тут с мужем немного поспорили: у вас есть жена?

- Есть, - нехотя признался таксист, направляя большим пальцем диск в магнитола. - Чтоб она была жива и здорова!

- Видишь? Жди меня здесь. Я быстро.

Артём всем своим видом выразил покорность судьбе, но как только за супругой с сухим щелчком закрылся магнитный замок подъездной двери, резво прыгнул на пассажирское кресло, пристегнулся перекрученным ремнем и пробормотал:

- Поехали, поехали...

- Понял, не дурак! - Таксист ухмыльнулся. - Молодец, Безденежных, уважаю. Значит, в «Мегу»?

«Девятка» с желтым хохолком на крыше прочихалась и рванула галопом по пустому проспекту, высоко подбрасывая тощий зад. В динамиках кто-то хрипло и заунывно рифмовал березы с морозами, а судьбу с борьбой, разбавляя лирику кусочками неба в клетку.

- Репертуара другого нет? - поинтересовался Артём, отключая свой мобильник.

- Это же Аркаша Околелов! - искренне удивился таксист. - Неужели не нравится?

Артём молча пожал плечами, мол, не виноват, что музыкальные предпочтения далеки от общепринятых, и отвернулся к окну, где подмигивали желтым глазом светофоры, темнели Массивы жилых кварталов и изредка проносились мимо праворукие японские авто, увозившие в неведомую даль других таксистов. Вскоре остался за спиной грохочущий стыками мост, под которым влажно дышала невидимая в темноте река, разрезанная вдоль и поперек песчаными отмелями, и опять замелькали улицы с подсвеченными пыльными стеклами остановочных ларьков и неоновыми надписями: «Шашлыки», «Шаурма», «Караоке»...

- Рассчитываться будем? - напомнил о себе таксист.

Артём открыл глаза, сонно окинул взглядом черную пустоту перед громадой торгового центра и понял, что последние десять минут был

где-то очень далеко. Суетливо толкнув от себя тугую дверь, он сунул водителю заранее припрятанные в заднем кармане брюк мелкие купюры и добавил сверху дисконтную карту с пятипроцентной ночной скидкой. Его полипропиленовая чемоданная подделка под «Самсонайт» поначалу катилась довольно бодро и даже преодолела с первой попытки кривого «лежачего полицейского», но на ровном асфальте парковки, хорошо освещенном и густо расчерченном белыми прямоугольниками, неожиданно стухевалась и отчаянно заскрипела колесиками. Артём тоже чувствовал себя неуютно в гулкой пустоте под «Мегой», но изо всех сил старался сдерживать подступающую панику.

Времени у него было с запасом. На шестьдесят девятом парковочном месте линии «Z» ему нужно было оказаться ровно в четыре утра. Часы показывали три сорок. Пристроив чемодан под пожарной лестницей, Артём механически достал из пачки сигарету, прикурил от потертой на углах бензиновой зажигалки, не обращая внимания на многочисленные запрещающие знаки, присел на краешек железной ступеньки, вытащил из накладного кармана штанов новенький, только вчера приобретенный портмоне и в пятый раз проверил его содержимое. Деньги и паспорт - на месте. Идентификатор универсальный - на месте. Легкий, выполненный из белого матового сплава квадратик как-то слишком ярко заиграл новыми красками в желтом свете фонарей, поэтому Артём на всякий случай отдернул руку, а портмоне спрятал обратно.

Немного подумав, достал мобильник, всем своим видом намекавший, что пора бы одуматься, позвонить домой и попросить у жены прощения, но пока докуривалась сигарета, а психика готовилась к предельным нагрузкам аварийной коммуникации, с западной стороны парковки донесся звонкий хлопок. Артём от неожиданности вздрогнул, мобильник выскользнул из его негнущихся пальцев, сделал в воздухе кульбит, упал на ступеньку с прощальным глухим шлепком и картинно развалился на две половинки.

- Вот же черт! - огорчился Артём и быстро обернулся, одновременно надеясь на чудо и страшась его же, но источником звука оказался всего лишь трактор-уборщик, поднимавший вращающимися оранжевыми щетками густую тучу пыли.

К горлу подступила тошнота. Артём откашлялся, растоптал окурок, мирно дымящийся на ровном асфальте, и приложился лбом к холодной стальной колонне. Он и сам прекрасно понимал, насколько глупо выглядит со стороны. Когда посреди ночи на совершенно пустой парковке неработающего торгового центра стоит потный от волнения мужчина чуть старше тридцати, с бледным лицом, наметившимся брюшком, и держится мертвой хваткой за большой черный чемодан, то вопросы могут возникнуть у любого, кто проедет мимо, а тем более у сотрудников службы безопасности «Меги». А какую, собственно, цель

преследует находящийся здесь в половине четвертого утра специалист отдела кредитных рисков регионального филиала банка «Сибирский Траст» Безденежных Артём Тарасович, вернее, уже три месяца как старший специалист со всей вытекающей ответственностью? Разве порядочный банковский клерк не должен быть в это время дома? Разумеется, должен. И он, Артём, с таким утверждением не может не согласиться. Просто именно отсюда, с этого самого места, седьмого числа седьмого месяца ровно в полночь по Гринвичу он должен отбыть в большое космическое путешествие. Ах, вы не верите, что именно сюда может прибыть челнок, который доставит представителя земной цивилизации на исследовательское межзвездное судно? И напрасно. Все именно так и произойдет. Именно сюда. Именно челнок. Именно на межзвездное судно, построенное могущественной гуманоидной цивилизацией спиральной галактики NGC 1512, наблюдаемой с Земли в созвездии Часов...

- Нет, лучше я просто промолчу, - усмехнулся Артём, поглядывая на часы и озираясь по сторонам. - Во избежание...

Ждать оставалось каких-то пятнадцать-двадцать минут. Если за этот небольшой отрезок времени не произойдет ровным счетом ничего, Артём вполне обоснованно будет считать свою миссию выполненной. И благополучно отправится домой. Так где, говорите, ваша теплая курточка, Артём Тарасович? Дома? А теплая шапочка? Тоже не прихватили? Странно, странно. Удивительная беспечность для покорителя Вселенной. От Земли до галактики NGC 1512 путь неблизкий - почти тридцать миллионов световых лет. Причем всю дорогу ожидается открытый космос, где холодно и опасно. А вы с собой из теплых вещей взяли исключительно свитер, да и то после неоднократных настойчивых напоминаний супруги...

Усилием воли Артём заставил себя переключить внимание на трактор-уборщик. Если отвлечься, изматывающий душу приступ сомнений закончится гораздо быстрее. Через пару минут перестанет ныть бок, по телу, начиная с пальцев ног, теплой волной поднимется вверх спокойствие. Ну а что, собственно? Никаких поводов для волнений нет. Три месяца мучительных колебаний остались позади. Сейчас раздумывать поздно. И можно распрямить наконец плечи. Даже если придется вернуться, это возвращение не будет позорным. Он не струсил. Не упустил свой шанс. И никто ему ничего не скажет. Ни в чем не упрекнет. Он заварит себе кенийский кофе, отхлебнет крепкий ароматный напиток из любимой кружки, выйдет на свой балкон и короткими затяжками выкурит традиционную утреннюю сигарету...

* * *

Началось все, собственно, с анкеты, на которую Артём отреагировал, не задумываясь. Он даже не успел удивиться, зачем кому-то понадобились столь незначительные подробности его вовсе не былинной биографии, его детские мечты о неоткрытых и неизведанных землях, возможные реакции на успехи бывших одноклассников и рекламные сообщения о рождественских распродажах. Из головного офиса банка «Сибирский Траст» в корпоративный почтовый ящик Артёма сваливалось ежедневно такое количество запросов, заявок и противоречивых приказов, требующих немедленной реакции и развернутых ответов, что если бы Артём хоть разок задумался над их содержанием, то сошел бы с ума немедленно. Он и не задумывался. Просто открывал входящие послания, пробежал их взглядом по диагонали, механически вписывал первые пришедшие в голову фразы в стандартную форму и отправлял назад. Рутинная работа. Всех затрат интеллекта - одна десятая мегабайта.

А в тот день Артём вообще не мог думать ни о чем, кроме грядущего заседания кредитного комитета, где под номером один значилось одобрение кредитной заявки на полтора миллиарда рублей от небезызвестного в городе предпринимателя Тищенко. От Артёма ждали положительного резюме, в котором черным по белому были бы расписаны все достоинства проекта по строительству жилья в будущем микрорайоне Проспект Космический. Формально такой кредит в одни руки банк «Сибирский Траст» выдать не мог. Но Артём несколько не сомневался, что Тищенко деньги получит. Схема, конечно, будет достаточно сложной: полтора миллиарда разделят на энное количество частей, банк перегонит их на два десятка расчетных счетов, потом господин Тищенко замотает кредит с вероятностью в девяносто восемь процентов между фирмами-помойками и фирмами-прокладками, а когда начнутся поиски виноватого, все очень удивятся. Неужели ликвидное имущество предпринимателя, включая три недоукомплектованных самолета Ан-3Т и недостроенный торговый комплекс «Панорама-Восток», трижды перезаложено в пяти банках?

Понятно, что Тищенко выскочит сухим. Ведь он дружен с министром экономики и женат на старшей дочери первого вице-мэра, нажившего свой капитал в процессе всеобщего перераспределения доходов от сдачи в аренду городской недвижимости. А кто такой Безденежных? Пыль на его ботинках. И жалкий протест мелкой кредитной сошки не изменит ровным счетом ничего. Отрицательный отчет принципиального кредитного инспектора руководство банка просто заменит задним числом на положительное заключение, подготовленное менее принципиальным сотрудником, но тогда о карьерных перспективах Артёму можно будет забыть навсегда.

В общем, письмо с анкетой, поступившее из некоммерческого партнерства «Аксис Мунди», упало в корпоративный ящик Артёма

совсем не вовремя. Как раз в тот момент, когда его анима металась между Сциллой и Харибдой, пытаюсь сделать правильный выбор, но не находила никакого. И про отправленную впопыхах анкету Артём вспомнил только вечером, когда с великим облегчением узнал, что кредитный комитет перенесли на неделю. Адрес отправителя письма его несколько смутил, он попытался нахмурить лоб, но уже через минуту отвлекся на что-то более важное. И когда неделю спустя на рабочем столе Артёма возник плотный толстый конверт из крафт-бумаги, ему и в голову не пришло как-то связать его с той самой анкетой.

Конверт был сразу заподозрен в рекламности и небрежно сдвинут в самый дальний угол стола. Такими рассылками грешил не только банк «Сибирский Траст». Многие направляют своим клиентам уведомления типа: «Уважаемый господин(жа) имярек, поздравляем, Вы стали победителем нашего «конкурса-игры-викторины-розыгрыша-в-честь-дня-рождения-нашего-директора», и Вам полагается «просто-сумасшедшее-количество-материальных-и-нематериальных-благ», со списком которых Вы можете ознакомиться в приложении или на странице «Призы», если не пройдете мимо нашего официального сайта».

Только в глубоко послеобеденное время, когда Артём позволял себе не думать о рисках, он опять вспомнил о послании. Повертев конверт в руках, он сначала внимательно изучил обратный адрес и штампель, потом надорвал бумагу, осторожно достал гляцевый каталог с изображением звездного неба и сразу наткнулся на типичные стилистические ошибки, какими грешат трудолюбивые китайцы. Впрочем, вскоре ему стало любопытно. Глянцевый каталог выглядел как путеводитель, издан был как путеводитель, вот только предлагал посетить не Италию, Чили или какую-нибудь экзотическую Коста-Рику, а еще более экзотическое место - планету Уммо...

Артём откинулся в кресле, оглядел свой рабочий офис с одним узким окном и тремя столами. Большой и пустой принадлежал начальнице отдела кредитных рисков - Медее Георгиевне, за глаза именуемой Кассандрой. Постоянно отсутствующую этническую грузинку, которая даже думала с акцентом, заподозрить в организации такого изощренного розыгрыша было трудно. Чувство юмора предполагает активную мыслительную деятельность, которой у Кассандры не наблюдалось никогда. Из всех ее достижений Артём мог вспомнить только одно - правильный выбор мужа.

За вторым по размеру столом сидела Лиза - единственный в отделе юрист, она тоже появлялась нечасто, а когда приходила, не знала, чем себя занять. Ее правильным выбором был папа - отличник надзорных органов, пятый год занимавший кресло заместителя прокурора города. Последние дни прокурорская дочка была на работе от звонка до

звонка, изучая мир за окном и свой маникюр, и этот факт наводил на определенные размышления...

- Лиза, - окликнул коллегу Артём.

Она встрепенулась, отвела взгляд от окна и вернулась к процессу механической обработки ногтевых пластин.

- Ты не заметила, кто положил эту штуку мне на стол?

- Какую? - Лиза прищурилась, пытаясь разглядеть воображаемые заусенцы на правой руке.

- Вот эту. - Артём поднял повыше увесистый конверт.

- А что это?

- Так, ничего особенного. - Артём пожал плечами. - Интересуюсь просто.

- Понятно...

Лиза вздохнула и опять уставилась в окно.

- То есть ты не видела?

- Что не видела?

- Ладно, проехали, - пробормотал Артём, заметив в верхнем левом углу конверта стилизованное изображение дерева с подписью Axis Mundi. - Кажется, я сам начинаю понимать...

- Что понимать? - удивилась Лиза.

- Забудь, - отмахнулся Артём, кликая по круглому ярлычку «Гугла». Но поисковик упорно не желал открываться и раз за разом выбрасывал сообщение об ошибке.

В отделе системной интеграции Артёму подтвердили худшие его опасения - рухнул сервер в Новосибирске. А это значит, что сеть упала всерьез и надолго.

- Ну почему у вас все и всегда падает не вовремя?! - возмутился Артём.

- Это карма! - заржали системщики и бросили трубку.

- Примитивные люди! - фыркнула Лиза. - Меня вчера тоже обхামили. Убила бы!

Артём зачем-то кивнул, соглашаясь, хотя и не считал, что убийством трех банковских программистов можно было изменить ситуацию к лучшему, поскольку на их место пришла бы тысяча других, и перелистал длинный список номеров в своем мобильнике. А для чего еще нужны друзья, если не для обращений к ним в трудную минуту?

- Вадик, выручай, - без долгих предисловий начал Артём. - Ты мне друг?

- Допустим, - осторожно произнес тот.

- Помнишь, как мы с тобой воровали яблоки в саду Комиссарова?

- Предположим...

- Между прочим, когда меня поймали, я тебя не сдал.

- Артамон, не морочь мне голову, - не выдержал Вадим. - Я занят сейчас по самые помидоры. Мы с тобой почти полгода не виделись, а

ты звонишь и втираешь старую байку про свое исключительное благородство. Говори быстро и конструктивно. Чего нужно?

- Загляни в какую-нибудь электронную энциклопедию. Не могу вспомнить значение термина «Аксис Мунди». Посмотришь?

- погоди секунду... уже почти... ага... в общем, слушай. Этот твой «Аксис Мунди» в переводе с латыни означает Ось Мира. В мифологии и религии - связывает небо и землю. Мифологемы, соответствующие религиозно-этическому понятию Ось Мира, имеются в культурах практически всех народов Земли.

- Связывает небо и землю? - уточнил Артём. - Так и написано?

- Именно. Хотя тут еще много чего написано. Про середину, например, связанную с Осью Мира, и про гармонизирующий элемент в совокупности с источником порядка и чистоты. Цитирую: «Середина предстает как носитель порядка и чистоты - отсюда представления о срединном местоположении первоначального рая, о постепенной порче Вселенной по мере ее удаления от центра, отождествление периферии с хаосом, а также идеализация «срединных» категорий, весьма распространенная в архаической, а порой и в современной моральной философии. Яркий пример такой идеализации - античная концепция «золотой середины», а также некоторые этические теории Древнего Китая. Для древней космографии вообще характерно помещение обитаемого пространства в середине мира, вокруг которого находится область неупорядоченного»... Эй, ты меня еще слушаешь? Дальше про мировую симметрию и край мира, за которым обитают великаны и иные хтонические существа. Еще читать?

- Нет, про великанов не нужно. - Артём вздохнул. - Это явно лишнее.

- Ты как там? - забеспокоился Вадим. - Заходи лучше в гости.

- Лучше, чем что?

- Артамон, ты точно в порядке? Давление обязательно замерь. Прямо сейчас. У меня завтра вечером будет окно. Забегай. Посидим, перетрем твои проблемы. Не так уж все плохо. В наше время, если есть здоровье, это уже много. Да и выборы очередные приближаются. Будет повод повеселиться...

* * *

Редакция популярного городского еженедельника «Суббота и воскресенье» уютно расположилась под крышей четырехэтажной конторы еще дореволюционной постройки. Изначально вся постройка и окружающие ее кирпичные гаражи были винокурней, потом стали пивзаводом, а в последние годы гаражи снесли, здание признали памятником истории и оставили ждать плановой реконструкции, поэтому жизнь в нем теплилась только на последнем этаже, который по всем ощущениям

Артёма соответствовал нормальному шестому. Он даже запыхаться успел, пока поднимался по скрипучей лестнице с критически расшатанными ступенями.

На редакционной дверной ручке висел детский молоток, рядом с которым имелась надпись готическим шрифтом: «Прежде чем стучать, подумай о последствиях». Артём подумал, нерешительно дернул дверь на себя и пока радовался, что она оказалась открытой, чуть не воткнулся коленом в стол охранника. Мрачный страж оторвал взгляд от потрепанной книги в ярком переплете и произнес сурово:

- Вы к кому? У вас назначено?

Артём замер. А действительно, к кому он? Не будешь же рассказывать привратнику, как несколько лет он почти ежедневно проходил мимо полуразвалившегося здания из красного кирпича и постоянно натыкался взглядом на золотистую табличку: «Редакция еженедельной газеты «Суббота и воскресенье». И вот решился наконец зайти. Возникла, так сказать, острая необходимость. Вернее, не совсем острая, а слегка заостренная с тупого конца. Просто захотелось поделиться информацией с человеком, заведомо не настроенным критично, который не станет панибратски хлопать по плечу, приговаривая: «Да, дружище, тебе точно того... в отпуск пора»...

- Мы с вашим журналистом договаривались. Не помню, к сожалению, его фамилию. - Артём пощелкал пальцами и для убедительности наморщил лоб. - Который самый талантливый. У него еще голос такой...

- Зябликов? - с готовностью пришел на помощь простодушный охранник.

- Да, именно. Совершенно точно, Зябликов, - радостно закивал Артём, словно был знаком с этим Зябликовым еще с прошлой жизни. - Он на месте, я надеюсь?

Страж железной двери нацепил на нос очки с мутными стеклами, снял телефонную трубку, подтянул поближе к себе потрепанную амбарную книгу, пару минут мучительно ее перелистывал, потом шарил толстыми пальцами по телефонным кнопкам, целую вечность вел с кем-то тихие переговоры, а во взгляде его читалось умиротворение от хорошо выполняемой работы.

- Проходите, Зябликов на месте. Пятый кабинет, - смилостивился наконец охранник. - В конце коридора направо нужно свернуть, потом пойдете прямо и еще раз направо.

- Не заблужусь, - заверил Артём.

Через минуту он уже заглядывал в приоткрытую стеклянную дверь, за которой сидело, уткнувшись в старые мониторы, десятка полтора девушек в возрасте от двадцати до сорока. Журналистки истязали клавиатуры молча и сосредоточенно. Не соблюдал режим тишины только Зябликов - юный, рыжий и откровенно лопухий.

Расположившись в кресле с отвалившимся колесиком, он громко разговаривал по телефону.

- Здравствуйте, - поздоровался со всеми Артём.

Стук клавиш на мгновение смолк, несколько дамочек подняли глаза и тут же опустили. Кто-то хмыкнул.

- Минуточку, - произнес Зябликов в трубку и повернулся к Артёму. - Вы что-то хотели?

- Хотел посоветоваться. Ко мне в руки попала очень интересная вещь. Вполне возможно, она и вас заинтересует...

Зябликов задержал взгляд на пухлом издании со звездами на обложке не дольше секунды, с подозрением посмотрел на Артёма и пробормотал в трубку:

- Да-да, совершенно с вами согласен. Я обязательно передам нашему редактору ваше мнение. Еще минуточку подождите, если вас не затруднит...

Артём придвинул путеводитель к журналисту, но тот отодвинулся от стола вместе с креслом, словно опасаясь подцепить заразу от глянцевого страниц.

- Да уберите вы ЭТО!

От возмущения у Зябликова даже уши покраснели.

- Вы прочтите, - растерянно произнес Артём. - Очень интересно.

- Обязательно прочту. Я все прочту. И это тоже. Но сначала расскажите мне суть. - Зябликов нервно зевнул. - В трех словах...

Артёму нужно было сначала объяснить, как у него оказался это путеводитель, но он от волнения стал перескакивать с пятого на десятое, как старый звукосниматель на заезженной пластинке. А заметив, что скучающий Зябликов прикладывает опять к телефонной трубке и одним глазом пытается заглянуть на свою страницу в «Фейсбуке», запутался окончательно.

- Понимаете, теперь на планете Уммо один континент, одна раса и один язык, - бормотал Артём, уже не в силах остановиться. - У них тоже было, как на Земле, но они континенты сдвинули, объединили и теперь живут в едином государстве, которое мы, говоря по справедливости, назвали бы тоталитарным. Еще до рождения каждому уммиту определяют интеллектуальный потенциал и его будущее место в социуме. Общество у них делится на исполнителей и интеллектуалов. Но доходы при этом не зависят от интеллекта. Вознаграждение за свой труд все уммиты получают одинаковое, то есть никто не живет за счет других, и при этом они имеют такую науку и такие технологии, которые нам и не снились...

- Панымаю, канэчна! - Зябликов просиял от внезапной догадки и подкатил кресло вплотную к Артёму. - Это вас Гарик Генатуллин ко мне подослал?

- Какой Генатуллин? - опешил Артём. - Я сам пришел...

- А-а-а... - Журналист опять заскучал. - Тогда вы ошиблись адресом. С контактерами мы не контактируем. И давно.

- Я не контактер. - Артём даже обиделся слегка, хотя сам еще не понял на что. - Я вообще-то финансист. Я в банке работаю. Занимаюсь оценкой кредитных рисков. А с вашей газетой хотел поделиться забавной информацией. Я прекрасно понимаю, что инопланетяне - это бред. Но кто-то ведь подготовил и теперь рассылает по почте эти путеводители. А с какой целью он это делает? Удовольствие недешевое, между прочим. Обратите внимание хотя бы на качество полиграфии. Это не домашний лазерный принтер...

- Ничем не могу вам помочь, - фальшиво посочувствовал Зябликов. - Сегодня каждый второй голливудский блокбастер - про вампиров, каждый третий - про инопланетное вторжение. Для нашей газеты эта тема давно неактуальна. Попробуйте зайти в «Вечерку». Или в «Молодежку».

- А что для вас актуально? Вот это? - Раздосадованный Артём вытащил из портфеля свежий выпуск «Субботы и воскресенья» и стал методично указывать пальцем на заголовки, набранные самым жирным шрифтом. - «Канадский лось решает дифференциальные уравнения за пакет «Кириешек», «В выхлопах КАМАЗа обнаружены гормоны счастья», «Череповецкий завод развивающих игрушек «Кругозор» начинает производство говорящих фаллосов», «Японский пылесос с интеллектом устроил в квартире кровавую охоту на кошек», «Физик-ядерщик отстреливал воробьев-гомосексуалистов», «Мальчик-телепат глушил радар в аэропорту», «Группу заблудившихся школьников вывел из леса дождевой червь». Вот это для вас актуально?

- Да, - подтвердил Зябликов. - Это актуально. Заметьте, я не настаиваю на достоверности наших заметок. Я утверждаю, что они интересны нашим читателям. А про инопланетян наши читатели ничего знать не хотят. Вот когда мы все слетаем на Марс, освоим луны Юпитера, споем хором с сиренами Титана, а наши космические корабли будут бороздить просторы двух Магеллановых Облаков, тогда и приходите. А сейчас все объелись инопланетянами до отрыжки...

Растерянный Артём даже не заметил, как оказался на улице. Был почти полдень. Несмотря на начало мая, солнце припекало почти полетному, а со стороны Казахстана вовремя подтянулся теплый атмосферный фронт. Сняв пиджак, Артём медленно двинулся в обратную от банка сторону. Его обгоняли почти все: и чем-то сильно озабоченные мужчины в темных деловых костюмах, сжимавшие в руках бубнящие телефонные трубки, и офисные девушки на шпильках, и стайки студенток в рваных кедах и винтажных джинсах. Прокручивая в памяти две последние недели, заполненные какой-то чередой неприятностей, и незадавшийся разговор с журналистом, Артём

рассеянно крутил головой по сторонам. Хотел восстановить в памяти образ журналиста Зябликова, но тот никак не собирался воедино, рассыпаясь на мелкие фрагменты: красная мочка уха, писклявый голос, бородавка на щеке с тремя рыжими волосками, запах жареной рыбы изо рта. Впрочем, нет, бородавка - это уже аберрация памяти...

Улица нырнула вниз, а Артём свернул в сторону Старой крепости. Ему вдруг мучительно захотелось чего-нибудь сладкого, мучного и очень жирного. Пристроив портфель на парапете давно недействующего фонтана, он обернулся в поисках точки быстрого питания и сразу наткнулся взглядом на выводок гляцевых девиц, призывно подмигивающих с витрины ларька «Роспечати». Тут же, на самом видном месте, была газета «Суббота и воскресенье». Артём поморщился. Он не рассчитывал на особо радушный прием, но и такого оскорбительного афронта тоже не ожидал.

- Разрешешь? - поинтересовалась броско накрашенная брюнетка в легком светлом пальто. Артём подвинул портфель на самый край парапета. Неужели им всем лавочек мало?

Женщина присела, подложив под себя журнал, и сообщила:

- Это я тебе позавчера звонила.

- Простите. - Артём насторожился. - Вы сейчас с кем разговариваете?

- А здесь есть еще кто-то? Не умничай, юноша. Меня зовут Алла. Тебя я знаю, не трать драгоценное время на реверансы.

- Мы разве знакомы?

О том телефонном звонке Артём забыл практически сразу, как только положил трубку. Подумал, что кто-то ошибся номером. Мало ли...

- Не ори! - занервничала Алла и демонстративно отвернулась в противоположную от Артёма сторону. Сейчас я уйду, встретимся на той стороне улицы, в кафе «Золотая корона»...

- Откуда у вас мой телефон? - Артём прижал к себе портфель и сделал шаг назад. Потом еще полшага. Он не любил сюрпризы.

- Неважно! - категорично заявила Алла. - Не морочь мне голову, юноша, иди и займи столик на веранде. Мне закажи зеленый чай с жасмином. И не вздумай убегать. Я многое про тебя знаю. Где работаешь, где живешь да и с кем живешь - все знаю. Напомнить твой домашний адрес?

- Обойдусь...

Алла появилась в «Золотой короне» минут через тридцать. К тому времени Артём уже решил, что она точно подслана кем-то из его друзей, и ломал голову над вопросом, кто именно для него так постарался. На вид Алле с одинаковым успехом можно было дать и сорок, и тридцать, и пятьдесят. Короткая стрижка, обильная, но не избыточная косметика, высокие каблуки, достаточно дорогое пальто, легкая походка.

- Видел бы ты себя сейчас со стороны, юноша. - Алла рассмеялась,

нацедила в чашку уже остывший напиток и сняла наконец массивные черные очки. - Закажи себе две порции текилы.

- Почему вы мне все время хамите? Кто вы такая? - Артём опять почувствовал сильное раздражение.

- Считай, что никто. Неприкаянный призрак в тумане твоей никчемной жизни.

- В смысле?

- А ты в смыслы не вникай. Я просто понять хочу. Вот почему повезло именно тебе, юноша? Впрочем, ты можешь не отвечать. Просто дай мне свой ваучер. Не напрягайся, не навсегда. Я хочу только взглянуть на него.

- На что именно взглянуть? - опять не понял Артём.

- Дай мне тот предмет из своего портфельчика, с которым ты пристаешь ко всем, кому он абсолютно неинтересен. Если бы ты знал, как чудовищно несправедлива жизнь, юноша. Хотя о чем вообще я? Ваше шакалье поколение реальной жизни и не видело никогда. Вы же родились в питомнике, а потом вас сразу отдали на воспитание в цирк...

- Вы имеете в виду путеводитель?

- Путеводитель? - Алла презрительно фыркнула. - Хорошо. Пусть твой ваучер будет путеводителем. Почему бы и нет? Только осторожнее его передавай, под столом. Не светись.

Любопытство переборол раздражение.

Артём выудил из портфеля глянцевый том, передал его Алле, и пока она торопливо перелистывала тонкие страницы, сделал пару глотков из своей чашки. Чай по вкусу напоминал настой соломы. И запах у него, как у дешевого одеколona. Совершенно непонятно, почему в «Золотой короне» такой ценник...

- Надо же. - Алла замолчала, уставившись в одну точку. - Да, это ваучер. Не подделка. Веришь, не могу найти ни одной внятной причины, по которой они выбрали именно тебя...

- Могу подарить его вам, - неожиданно для себя предложил Артём.

- Дурак, - скривила губы Алла. - Ваучеры бывают только одного типа - именные. Прости, я немножко расстроена...

- Даже не знаю, что и сказать. - Артём криво усмехнулся. - Может, и мне нужно для порядка извиниться?

В кармане у него зазвучал рождественский колокольный перезвон, означающий, что трубку нужно взять немедленно. Вызывала жена.

- Слушаю тебя, любимая! - Артём привычно соорудил на лице восторг и сосредоточенность, как будто супруга могла его не только слышать, но и видеть.

- Ты где?

- А где я могу быть? На работе, конечно.

- Тёма, я хоть и тупая, но совсем не слепая. Моя маршрутка сейчас

проехала мимо той «Золотой короны», где ты развлекаешься со своей шалавой. У нее короткая стрижка, темные волосы и что-то светлое типа плаща. Давно у вас ЭТО?

- Даша, ты только не подумай... я не... вот же блинный день!

Артём охнул и согнулся, ощутив сильный укол в правом подреберье.

- Тёма, ответь мне только на один вопрос. Я хочу знать, давно ли у тебя связь с этой женщиной. Скажи только: «да» или «нет».

- Нет, - выдавил из себя Артём. Алла мельком взглянула на его покрасневшее лицо, вернула под столом гляцевый буклет со звездным небом на обложке, небрежным жестом поправила прическу и пошла к выходу своей легкой походкой.

У Артёма было еще много вопросов, но не хватило сил ее остановить...

* * *

Уммиты появились на Земле двадцать восьмого марта 1950 года. Их разведчики опустили свой челнок на пустынном плато в горах Верхнего Прованса. Произошло это ровно в четыре двадцать по Гринвичу. Из полупрозрачной сферы вышли, улыбаясь, трое мужчин и одна женщина, все они были высокие, светловолосые и голубоглазые, а когда их челнок бесследно растворился в сером холодном воздухе, уммиты спустились пешком в долину, в ближайшей деревне взяли такси до Марсея и затерялись среди людей. В течение следующих десяти лет уммиты никак себя не проявляли, тщательно изучали быт и нравы землян - гостям, практически не отличающимся от хомо сапиенс, вести тайную деятельность было нетрудно, - а в начале шестидесятых люди вдруг стали получать от них письма. На английском, французском и испанском языках.

Письма уммитов приходили в те годы ко многим. В том числе к известным европейским ученым. Во Франции пик уммитских посланий пришелся на период с 1962 по 1967 год. В 1965-м поток писем обрушился на Испанию и с разной интенсивностью продолжался вплоть до смерти генералиссимуса Франко. В Великобритании уммитские письма пришлись на очень непростое для страны время - с 1971 по 1973 год, когда к власти ненадолго пришло правительство консерваторов и потерпело очередное поражение. Впрочем, уммиты не отправляли свои послания направо и налево, они были осторожны в выборе респондентов, отдавая себе отчет, что далеко не все люди адекватны.

О чем писали уммиты? Да обо всем. Рассказывали о своей цивилизации, о происхождении Вселенной, о времени, о перспективных технологиях, о научных открытиях. Предупреждали об

ошибках, которые люди совершали без конца и до сих пор совершают. Есть основания предполагать, что именно уммиты подтолкнули развитие земной компьютерной техники, а также технологии сотовой связи и глобального позиционирования. Но при этом уммиты довольно часто и вполне сознательно подмешивали в свои послания грубую ложь. Видимо, так они пытались сбить «со следа» чересчур активных исследователей. Присылали, например, снимки своих межзвездных кораблей, а на этих фотографиях даже слепой мог разглядеть ниточки, на которых были подвешены к потолку макеты из папье-маше.

Ни одной достоверной фотографии, кино- и видеосъемки уммитов не сохранилось. Остались только рисунки людей, сделанные по их описаниям. Да и все многочисленные свидетельства встреч землян с уммитами оказались впоследствии фальшивками. Был лишь один реальный случай, когда люди действительно могли опознать гостей из другого мира. В числе сотни пострадавших от террористического акта, который устроили в 1974 году в международном аэропорту Барселоны боевики-баски, были, как утверждают разные источники, двое гостей с планеты Уmmo - мужчина и женщина. Но их тела успели исчезнуть из анатомического театра госпиталя Святой Терезы еще до того, как спохватились патологоанатомы...

В публичную сферу уммитов ввел в конце семидесятых годов французский физик и философ Жан-Пьер Летти. Хорошо известный в научных кругах как фундаментальный ученый, изучающий проблемы космологии, Летти долгое время работал в Национальном центре научных исследований, опубликовал несколько книг и множество статей в серьезных научных журналах, и многие его коллеги прочили ему даже выдвижение на Нобелевскую премию. Все в корне изменилось, когда Летти опубликовал свою скандально известную книгу «Исследования инопланетян, живущих среди нас», в которой сделал взбудоражившее научную общественность заявление о значительном количестве открытий в физике шестидесятых и семидесятых, «навешанных» письмами уммитов.

Летти утверждал, что и сам пользовался «подсказками» во время работы над своими самыми знаменитыми статьями (они были опубликованы в конце восьмидесятых в журнале «Физикал ревью»), в которых настаивал на пересмотре теории Большого взрыва, исходя из вероятности, что скорость света является не постоянной величиной, а изменяется с течением времени. Естественно, научное сообщество к откровениям Летти о степени участия уммитов в реформировании научной парадигмы отнеслось весьма скептически. Его обвинили в глупой мистификации. Но в своем интервью журналу «Пари Матч» ученый заявил, что отрицательное мнение коллег его не смущает. Его уже столько раз принимали и за маньяка, и за мистификатора, и за сумасшедшего, что он давно к этому привык. А факты говорят о том,

что письма уммитов, с которыми он ознакомился за пятнадцать лет, вовсе не похожи на мистификацию.

По словам Летти, его поддерживали и поддерживают настоящие, непредвзятые ученые. В частности, русский академик и лауреат Нобелевской премии Андрей Сахаров. И хотя в воспоминаниях Сахарова об уммитах впрямую речь нигде не идет, но разве не странно, что в 1967 году советский секретный академик-ядерщик вдруг заинтересовался космологией. И даже озвучивал в редких статьях свои совершенно фантастические на тот момент концепции зеркальных миров, асимметричной Вселенной, баланса вещества и антивещества, которыми он занимался, будучи уже низвергнут с ядерного Олимпа в старшие научные сотрудники Института имени П.Н.Лебедева. Советские физики-прикладники немного подумали и решили считать концепции Сахарова причудами гения, поскольку никакой прикладной выгоды они не содержали.

В девяностых и нулевых планета Уммо оказалась не очень востребованной. Были годы, когда об уммитах вообще не вспоминали, но полностью интерес к братьям по разуму из далекой галактики не исчез. К удивлению Артёма, за несколько десятилетий сторонники уммитов породили даже собственную субкультуру. Книги об уммитах и до сих пор расходятся во Франции приличными тиражами. Планете Уммо посвящены многочисленные сайты, про уммитов снято множество фильмов, а ушлые китайцы даже выпускали одно время игрушечных жителей планеты Уммо, одетых почему-то в красные скафандры. И хотя «авторитетные» уммологи категорично утверждали, что уммиты давно покинули Землю, многочисленные модераторы уммо-сайтов им не верили и приводили в пример многочисленные факты, свидетельствующие о недавних встречах людей с уммитами в Аргентине, Мексике, Боливии, Венесуэле и даже в Гренландии.

Популярностью пользовалась и версия неполного сходства уммитов с людьми. Адепты этой версии считали, что уммитов все же можно распознать, поскольку, во-первых, их сердца чуть больше, чем у людей, и состоят они из пяти желудочков. Во-вторых, уммитская кровь отличается по составу. В-третьих, уммиты не имеют такого органа, как селезенка, поэтому больше подвержены бактериальным инфекциям, чем земляне. В-четвертых, уммиты начисто лишены музыкального слуха, они поклоняются логике, не умеют рисовать и обладают ярко выраженным техническим интеллектом. Правда, если ориентироваться только на эти признаки, в инопланетном происхождении можно было заподозрить каждого десятого жителя Земли. Сам Артём тоже переболел в детстве всеми мыслимыми и немыслимыми инфекционными заболеваниями, в музыке не разобрался до состояния «слон на ухо» и любым гармониям предпочитал сухой язык цифр. Выходит, он тоже уммит?

Зато эта масса разных глупостей о планете Уммо, накопившаяся у Артёма за время его вечерних прогулок по сетевым закоулкам, выполняла в некотором роде терапевтическую функцию. Уммо-сайты отвлекали от раздумий о неприятностях, которым, казалось, не будет конца. За окном почти постоянно лил дождь, в банке никто не хотел брать на себя ответственность за миллиардный кредит, новосибирское начальство жаждало крови, а дома уже вторую неделю царил атмосфера, близкая к похоронной. Даша могла проплакать всю ночь, а долгими вечерами демонстративно молчать, перемещаясь по квартире из угла в угол. И хотя Артём никакой вины за собой не чувствовал, но тягостное молчание супруги изводило его сильнее, чем любая бурная ссора.

Нет, он пытался как-то объясниться. И даже несколько раз. Но Даша не хотела верить, что Артём мог оказаться в «Золотой короне» за одним столиком с совершенно незнакомой ему женщиной по странному стечению обстоятельств. Какая еще планета Уммо? Какой путеводитель-ваучер? На гляцевый буклет со звездным небом Даша даже не взглянула. Она кивала, надув губы, и продолжала смотреть мимо Артёма. Мол, мели Емеля, твоя неделя. Спустя несколько дней отчаявшийся Артём выложил свое главное доказательство на самое видное место, прикрыл его сверху покаянной запиской и стал ждать, пересилит женское любопытство женскую обиду или нет. Через пару дней убедился - пересилило.

Путеводитель-ваучер со стола исчез, а перемещения жены по квартире стали более осмысленными. Еще через несколько дней состоялся и полноценный обмен мнениями. Даша с независимым видом зашла на кухню, когда Артём ужинал омлетом из трех случайно завалявшихся в холодильнике яиц, села напротив, подперла подбородок кулачком, а главное доказательство, уже слегка замятое по углам, демонстративно выложила на середину стола.

- Это что? - спросила она.

- Тот самый ваучер. Ты до конца его дочитала? Грубо говоря, я получил приглашение на одно лицо посетить планету Уммо. - Артём старался говорить без эмоций, чтобы не спугнуть удачу. - В конце есть пошаговая инструкция, где объясняется, куда нужно послать уведомление об отказе от ваучера, если в этом возникнет необходимость, и куда прибыть, если приглашение принимается. Дата вылета - 7 июля. Уже скоро. Ах да, на внутренней стороне обложки имеется еще специальный пластиковый чехол, в котором лежит металлическая пластина - неактивный модуль моего будущего универсального идентификатора. Чтобы он заработал, нужно подержать его в руках несколько минут. За это время идентификатор отсканирует полевые структуры моего организма, а потом сохранит их в виде кода.

Даша фыркнула.

- Муж, ты действительно псих или прикидываешься, желая избежать ответственности, будучи застуканным с поличным?

- Почему же псих? - удивился Артём, - Посмотри. Вот - универсальный идентификатор. Выглядит очень натуралистично. Не гнется, не ломается, сделан из неизвестного мне белого металла, теплого на ощупь. Вот я и думаю: есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

- А я думаю, что вашим мудрецам снятся только голые девки с силиконовой грудью. Учти, в байки про инопланетян я не верю...

- Я бы сам так складно не смог выдумать, - напомнил Артём, гоняя по сковороде куски омлета. - Ты меня хорошо знаешь.

Даша задумалась, как задумался бы любой главный бухгалтер маленького предприятия, перед которым поставлена задача, не имеющая числового выражения.

- Давай рассуждать логически, - предложила она. - Если ты не веришь во всю эту муть, то почему носишься с этим цветным приложением к журналу «Вог», как дурень с иконой? А если веришь, во что трудно поверить мне, поскольку я тебя со школьных лет знаю, почему не поделился своими планами со мной? Сам же говорил, что у тебя лучший друг - это я. А тут ты решил свалить от меня вообще в другую галактику и сразу затаился. Очень мне странным кажется такое поведение...

- Могу пояснить?

- Поясни, муж, будь так добр...

- Я хотел тебе все рассказать. Чес-с-слово. Но долго не мог придумать, под каким соусом подать. В смысле, я ожидал именно такого непонимания, поэтому решил во всем разобраться сам, а уже только потом рассказывать. Сама посуди, если даже у меня крышу сносит, то ты, как натура еще более впечатлительная...

- Значит, хотел свалить от меня тихо, - по-своему растолковала его оправдания Даша. - Не удивлюсь, если этот космический тур с посещением далеких планет вы придумали вместе со своей шалавой. А что? Вполне жизнеспособный план. Не скучай, любимая, я улетаю к далекой звезде Альфа Центавра! А это, познакомься, моя космическая попутчица по имени Андромеда. Мы вместе будем открывать новые галактики.

- По имени Алла, - вяло поправил супругу Артём.

- Да хоть Барбарелла! - взорвалась Даша.

- Извини, извини, не будем отклоняться от темы, - замахал руками Артём. - Давай сосредоточимся на главном.

- На главном... И что ты мне еще не рассказал?

Артём принес из прихожей свой портфель и достал из него картонный скоросшиватель.

- Я на досуге небольшие выжимки сделал. Из разных сайтов про планету Уммо. Специально для тебя. Справочно.

Даша быстро пробежалась взглядом по тексту. Посмотрела внимательно на Артёма. Помолчала.

- Это все? Ты говори, говори, любимый, не стесняйся. Сегодня у нас день открытых дверей. Принимаются любые мало-мальски связанные словесные конструкции.

Смущенно взглянув на супругу, Артём потер виски.

- Алла знает, где мы живем. И мой телефон знает тоже. Понимаешь, все это очень странно. Сплошные загадки...

- Да уж, действительно загадки! - расхохоталась Даша. - Настоящий шпионский триллер. И откуда эта проститутка разнюхала наш адрес - ума не приложу. Дай мне время подумать. Она секретный агент и работает на английскую разведку? Хотя нет, не похоже. Наверное, она специальный агент ФСБ и каждый день спасает мир от космических агрессоров? Признайся, я ведь угадала?

- Дашуль, ну чес-с-слово, я видел ее только раз. Клянусь. Даже не представляю, откуда она вообще взялась. Странно, что она знает больше меня. Я бы и не подумал, что этим ваучером никто, кроме меня, не сможет воспользоваться. В смысле, если допустить, конечно, вероятность существования планеты Уммо и реальной возможности ее посетить, то есть такого события, которое невозможно вывести непосредственно из предыдущего опыта...

Окончательно запутавшись, Артём замолчал и с двойным усердием принялся доедать давно остывший омлет.

- Сторона ответчика намерена представить еще какие-нибудь доказательства? - уточнила Даша.

Артём отрицательно помотал головой.

- Тогда приступаем к рассмотрению дела по существу...

* * *

Жаркий май сменился необычно холодным июнем. Но даже хмурые дни пролетали для Артёма быстро, словно осыпавшийся яблоневый цвет. На работу он приходил исключительно по привычке. С утра занимал свой маленький стол, механически включал свой задумчивый ноутбук, перекидывал очередной пустой лист календаря, раскладывал последовательно письменные принадлежности и надолго замирал, глядя на черепичную крышу соседнего «Связь-Банка». Кассандра уехала в очередную командировку по обмену банковским опытом с Доминиканской Республикой. Анорексичная Лиза третью неделю подряд брала по очереди отгулы и больничные. Сотрудники из соседних отделов поначалу шли непрерывным потоком, желая

расторгнуть Артёма офисными шутками-прибаутками, но теперь появлялись редко.

За новые кредитные дела Артём даже не брался. Входящие папки он складывал на левой половине стола, а когда стопка становилась подозрительно высокой, перемещал их на правую половину, после чего опять надолго замирал без движения. Зато Артём наладил отношения с женой. Перелом наступил, когда он предъявил супруге найденный на улице рекламный буклет мехового салона «Милане», где продолжалась вечная распродажа «итальянской» коллекции. Одна из трех моделей, полуодетых в облезлые турецкие тулупы, была, как показалось Артёму, очень похожа на Дашу.

- Ты ничего лучше не мог придумать, муж? - возмущалась супруга, будучи призванной к ответу за участие в несанкционированной рекламной съемке. - Какие дубленки, ты о чем? Я - главный бухгалтер, а не торговка телом на вынос. Ты посмотри внимательнее. Там же ничего похожего со мной нет. Неужели сам не видишь?

- Вижу, не слепой, - наседали на супругу Артём. - Милая, ради тебя я готов поверить во что угодно. Будем считать, что это не ты, а твоя потерянная в раннем детстве сестра-близнец.

В итоге супруги заключили устное мировое соглашение, в котором отдельным пунктом оговорили и роль случайностей. В том смысле, что даже странные совпадения не должны влиять на жизнь двух доверяющих друг другу и искренне любящих сердец. С тех пор Артём с полным правом стал опять занимать любимый диван, где он мог делать вид, что читает книгу или смотрит телевизор. Из квартиры, кроме как на работу, он выходить перестал вообще. Не поддавался даже на уговоры приятеля Жоры «сгонять в ближайшие выходные на протоку». Пока однажды утром Жора не нагрянул к Артёму лично. Это было как раз накануне Дня независимости. Большой, улыбчивый, кругом успешный Жора, любитель джазовых импровизаций, капоэйры, кашасы и консервативных английских автомобилей, любые трудности преодолевал легко.

- Жену не предупредил? Один момент. Она сейчас на работе? - Из нагрудного кармашка вылетел боевой «Блэкберри», сразу потерявшийся в большом Жорином кулаке. - Дарья, мы тут с твоим Индианой Джонсом пытаемся вырваться на протоку... Значит, ты не возражаешь? Гуд! Тогда подскажи, куда он спрятал тот камуфляж, который я ему подарил в прошлом году. В шкаф? Спасибо, красавица. И тебе удачи...

- Какой же ты нудный! - вздохнул Артём, ныряя в шкаф за своей рыбацкой униформой. - Еще я не помню, где моя удочка...

- Добровольно будешь одеваться или придется применять насилие над личностью? Сколько можно прятаться от друзей? - Жора закатал рукава и продемонстрировал решимость. - Удочку я тебе свою дам. У

меня запасная в машине есть...

К девяти на протоку уже подтянулся народ, и Жоре пришлось гнать свой двухтонный «рэнджровер» лишние пару километров, пока не обнаружилось относительно пустое место.

- Здесь никогда не клюет, - проворчал Артём.

- А мне поровну, - хмыкнул Жора, расчехляя две удочки и открывая банку с наживкой. - Рыбалка - это воздух, тишина и неторопливый мужской разговор.

- А дома поговорить мы не могли?

- Могли, - согласился Жора. Но на воздухе говорить приятнее. Помнишь, ты меня просил кое-что узнать. Танцуй. Я все узнал. Загрузил этой темой Вальку Журавлева. Помнишь Вальку?

- С трудом, - признался Артём, забрасывая наживку в желтоватую муть.

- Не важно, - отмахнулся Жора. - Он теперь большой астроном, доктор наук, надежда Крымской обсерватории. Живет в поселке под Бахчисараем. Я у него лет пять назад бывал проездом. Красиво там, елки-палки растут разнообразные, горы вокруг, до моря рукой подать... Ты меня слушаешь?

- Всем телом! - подтвердил Артём, пристраивая графитовое удилице на упор. - И что Валька?

- Сначала он вообще не мог понять, о чем я его спрашиваю. А когда услышал про триста миллионов световых лет, минут пять ржал без остановки. Я ему: слушай, хорош ржать. Мы же не Галилеи какие-нибудь, мы эту вашу астрономию уже позабыли давно. Короче, говорю, поясни внятно, имеются или нет научно обоснованные доказательства существования каких-нибудь планет земного типа в спиральной галактике NGC 1512, наблюдаемой с Земли в созвездии Часов. Тут он попытался взять себя в руки, но все равно не смог - заикаться стал, сволочь, от смеха. В общем, я ему по электронной почте твои вопросы скинул, он пару недель отмалчивался, а вчера ответ прислал. На десяти страницах. Я эту лекцию начал, но не осилил до конца. - Жора нажал пару кнопок на своем коммуникаторе и протянул его Артёму. - Если тебе интересно, читай сам.

- Интересно, - кивнул Артём. - А отчего не осилил?

- Не знаю, - пожал большими плечами Жора. - Мне кажется, что вся современная астрономия - это наука по изучению мозга путем визуальных наблюдений за ним через задний проход. Вот ты знал, например, когда астрономы реально увидели первую планету за пределами Солнечной системы? В 1995 году. А до этого внесолнечные планеты существовали исключительно в теории. То есть они их миллиардами считали, физики-теоретики, головы нам дурили, а придумать технологию наблюдений смогли лишь в начале девяностых. Теперь все дружно сидят и куда-то смотрят. Мелькнуло что-то на

звезде - в зачет. Прикидываешь? Мы с тобой на свет появились в восьмидесятом, и к девяносто пятому я, между прочим, уже гору разных книжек по астрономии прочитал...

- Целую гору? - ехидно уточнил Артём.

- Ладно, пять штук, - поправился Жора. - Но и эти книги заставили меня поверить, что всю Вселенную наши ученые знают вдоль и поперек!

- Жора, подари мне пять минут тишины, - попросил Артём, делая третью попытку вчитаться в текст на экране коммуникатора. - Сосредоточься на рыбе и дай сосредоточиться мне...

Доктор астрономии Валентин Журавлев, не уверенный, видимо, в умственных способностях своих будущих читателей, стал танцевать от печки, и первые пару страниц Артём без сожаления пропустил. Он и так знал, что астрофизикам, в отличие от большинства их коллег, недоступны прямые эксперименты, поэтому все свои теории они строят, отталкиваясь от наблюдательной базы, которая накапливается путем различных астрофизических измерений. О методах существующих астрофизических измерений Артём тоже имел некоторое представление. И помнил, что единственным достоверным источником информации обо всех космических объектах по-прежнему остается электромагнитное излучение.

Когда Валентин углубился в дебри астрофизического леса, Артём стал читать внимательнее. Современная астрофизика, по утверждению крымского астронома, уже научилась наблюдать за Вселенной во всем диапазоне электромагнитных волн - от гамма-излучения до радиоволн. И эволюция компьютерной техники тоже поспособствовала прогрессу, если вспомнить, что первые математические модели астрофизических процессов в шестидесятых годах выполнялись на компьютерах, которые недотягивают по вычислительной мощности даже до смартфонов. Тем не менее о многом астрофизикам остается только мечтать, ведь лучшие телескопы, флагманы астрономии, за один раз делают снимок с поперечником всего в несколько угловых минут. Есть, правда, телескоп в обсерватории Апаче-Пойнт в штате Нью-Мексико, у которого поле зрения больше градуса, но он такой один, поэтому за последние десять лет астрономам удалось построить детальную карту только одной трети ночного неба. На остальных двух третях веземные цивилизации, если допустить их существование, могли бы на головах ходить, и никто бы этого попросту не заметил.

С наблюдениями за внесолнечными планетами дело обстояло, насколько понял Артём, еще хуже. Поисками заняты сотни астрономов в различных обсерваториях мира, включая весьма продуктивные группы «охотников за экзопланетами» под руководством Мишеля Майора и Джеффри Марси, а в каталог внесено менее семисот

объектов. Не оправдал надежд и специализированный европейский космический телескоп CoRoT: с его помощью обнаружено всего двадцать шесть объектов, однозначно признанных экзопланетами. Более продуктивным оказался американский «охотник за экзопланетами», телескоп «Кеплер», который НАСА запустило на орбиту в 2009 году. Но все равно подавляющее большинство из имеющегося списка экзопланет - газовые шары. Лишь единицы оказались земного типа, да и те движутся по сильно вытянутым орбитам, что приводит к существенным изменениям температуры поверхности. Ну, а самая дальняя из всех открытых экзопланет находится всего в двадцати тысячах световых лет. Причем в нашей Галактике, И этим, собственно, все сказано...

- Не клюет! - Жора разочарованно отложил удочку в сторону.

- Я предупреждал, - напомнил Артём. - Здесь либо место заколдованное, либо рыба очень умная.

- Нет, это мы тупые. Мы отстали от тренда. Пора завязывать с поплавками, червяками и прочей мутью. Пора переходить на спиннинги, микроколебалки и воблеры...

- Микро что? - удивился Артём.

- Мик-ро-ко-ле-бал-ки, - по слогам повторил Жора. - Ты какой-то вялый сегодня. Как будто в речпорту всю ночь уголь ковшиком грузил. Может, поменьше брать в голову эту...

Жора надул щеки и продемонстрировал руками фигуру в виде шара.

Глядя на то, как его старый друг старательно избегает произносить вслух название планеты из спиральной галактики NGC 1512, Артём улыбнулся.

- Нет, я действительно не понимаю, - не сдавался Жора. - Ты веришь во всю эту хренотень-наплетень или как-то так?

- Как-то так. В детстве мечтал стать космонавтом и с тех пор остался незавершенный гештальт.

- А это не разводка на бабки?

- Жорж, не беспокойся, я вполне адекватен. И отдаю себе отчет, что планета Уmmo - нечто вроде ностальгической онлайн-игры, в которую Европа играет уже лет пятьдесят. Следовательно, не могу исключать никаких вариантов. Вот ты получал когда-нибудь письма счастья?

- Получал. И сразу выбрасывал.

- И я выбрасывал, - признался Артём. - Считал эти письма счастья разводкой на бабки. Или на эмоции, что в принципе конгруэнтно. А сейчас засомневался. Во мне проснулось где-то очень глубоко закопанное ожидание чуда. Могу я хоть один разок попробовать поверить в какое-нибудь письмо счастья? Хотя бы раз, а? Ну а вдруг?

С приближением седьмого июля нервы стали сдавать и у Даши. Она ходила крайне задумчивая, натыкалась на неподвижные предметы и слишком часто смотрелась в зеркало, хотя могла при этом убежать на работу, позабыв накрасить губы. Желая хоть как-то развеселить супругу, Артём предложил отметить пятую годовщину свадьбы не в узком семейном кругу, а в расширенном составе. Даша немного удивилась предложению, но сопротивляться не стала, и Артём, настроившийся на долгие уговоры, несколько дней расходовал пар вхолостую.

- А что, нормально посидим, - убеждал он больше сам себя. - Пригласим Жору и Вадика вместе с их женами. Ты сестру с мужем позовешь. Ну и всенепременно Лариску. Мы лет сто вместе не собирались. Помнишь, как Жора на нашей свадьбе у Лариски туфлю украл, а думал, что твоя? Это сколько же нужно было выпить?!

Праздник и в самом деле удался. День был жаркий, как будто специально для пикника, гости собрались охотно и даже юбилейные формальности соблюсти удалось. Один из клиентов Вадима случайно оказался владельцем зоны отдыха «Дикий берег» на Южном пляже, и буквально за полцены уступил им удобную беседку с двумя мангалами и грилем. Артём накануне замариновал полное ведро рыночной свинины с ребрышками, позаботился о помидорах, сладком перце, качественных березовых угольках и ни на секунду не отлучался от мангалов, пока не добился румяной сочности от каждого кусочка мяса на шампурах. Даша, поколдовав с шипящим грилем, приготовила мужу любимое праздничное блюдо - мясо по-балкански с чесночным творогом. Жора не стал пугать всех бразильским самогоном из сахарного тростника, а раздобыл на каком-то тайном складе две бутылки «Хванчары», для которой по случаю «деревянной» свадьбы друзей заказал подарочную деревянную коробку.

Под «Хванчару» и «Ахтамар» хорошо переварились и сочные шашлыки, и подарки в виде всевозможных деревянных безделушек-сувениров, и пространные горские тосты, на которых поднаторел в Нальчике шурин Артёма, муж старшей Дашиной сестры Валентины. Повеселел к концу пикника даже предельно серьезный хирург-подиатр Вадик, всегда сосредоточенный на очередных операциях для своих glamorous пациенток. Веселья не хватило только Артёму, и уже к середине застолья он не знал, куда спрятаться, чтобы не огорчать друзей кислой миной. Скука сводила скулы, перехватывала горло и пощипывала на языке. Артём запивал скуку коньяком, но от коньяка становилось только хуже.

Похожие чувства, по рассказам очевидцев, испытывает солдат срочной службы после приказа о демобилизации. Дембель - это ведь

не просто время, вмещающее в себя всю цепочку событий от приказа до дембельского вагона, а многомерное пространство бытия. В нем, как в матрешке, умещается все: и нежелание терять всю ту жизнь, к которой привык за годы службы, и стремление поскорее вернуться на «гражданку», и страх перед этой «гражданкой», которая еще неизвестно как примет обратно. Армейские товарищи, ставшие дембелю за два года службы роднее самой близкой родни, все еще рядом, они веселятся, поздравляют, хлопают по плечу, но весь фокус в том, что дембель уже не с ними. Он уже в другом измерении, откуда не воспринимаются никакие армейские радости. И грызет дембеля суровая армейская тоска, которую может заглушить только традиционный дембельский аккорд...

Нагрянувший июль спутал все карты окончательно. Настроение Артёма успевало даже в течение дня сменить направление несколько раз. С утра он мог уйти на работу, фальшиво насвистывая «Бесса ме мучо», а весь вечер без сил пролежать на диване, рассматривая свой универсальный идентификатор.

- Дашуль, но я ведь должен это сделать, да? - вопрошал он сиплым голосом.

- Нет, дорогой, ты меня не спрашивай, ты сам для начала определись, - нервно отзывалась из кухни Даша.

- Но я ведь всю оставшуюся жизнь буду жалеть, если упущу свой шанс!

- Какой шанс? - ехидно интересовалась Даша. - От меня сбежать?

- Это ненадолго, всего-то на один месяц...

- Тёма, допустим, я тебе верю, - продолжала гнуть свою линию Даша.

- Допустим, планета Уммо действительно существует. Я даже готова предположить, что на ней живут добрые и порядочные инопланетяне, которые пригласили тебя в гости исключительно за красивые глаза. Но откуда ты взял эти сроки? Я в твоей настольной книге никаких сроков не нашла. В каком месте ты вычитал, что путешествие в другую галактику и обратно занимает только месяц?

Такую карту Артёму крыть было нечем, поэтому он сразу начинал волноваться, а от смущения и неловкости сильно размахивать руками. Сроки приглашающей стороной отдельно не оговариваются - это правда. Ну а кто мешает использовать сравнительную методику расчетов? Факт первый: все туристические ваучеры открываются не больше чем на месяц. Факт второй: никто не вытерпит гостя дольше. Проживание и трехразовое кормление обеспечить придется? А как же иначе. Еще и экскурсии разные нужны. Так что максимальный срок - пять недель. Шесть - это уже совсем фантастика.

- Зато, Дашуль, ты только представь, я могу стать первым, кто увидит другую обитаемую планету, - привычно бубнил Артём. - Разве не об этом мечтает половина человечества? Книги об этом бесконечные

пишут, фильмы снимают. А я раздумываю. Даже самому не верится...

Привычную схему разрушил отец Артёма, когда однажды днем позвонил и передал ему через Дашу привет от мамы. Вообще-то отец звонил редко. В отсутствие Артёма - почти никогда. Артём периодически его набирал сам, пересказывал новости, расспрашивал о самочувствии, о жизни в деревне, о настроении мачехи, Юлии Петровны. С тех пор как отец перебрался вместе с мачехой в ближний пригород, поселок Осташково, где у него появился собственный земельный участок, он трансформировался из инженера-конструктора передовой советской космической техники в идейного агрария. Посадил особый зимний сорт яблок, гордился гигантскими томатами, темно-синими упругими баклажанами, серебристым сладким луком и заумными голландскими технологиями, позволяющими выращивать трехсотграммовые клубни рассыпчатого картофеля. Только одной темы они не касались никогда. Ни в личном разговоре, ни по телефону. Это была тема матери.

Мать бросила отца давно, когда Артёму исполнилось всего восемь. Впрочем, история умалчивала, кто кого бросил. Однажды утром она поцеловала еще непроснувшегося Артёма в лоб, как-то нервно его потискала, всплакнула и ушла на работу. С тех пор он не видел ее ни разу. Даже на фотографии. Все фотографии отец сразу собрал и куда-то спрятал, поэтому Артём помнил свою мать смутно. В воспоминаниях возникала даже не она, а некие остаточные ощущения от ее присутствия в квартире. По какой причине расстались родители - Артём так и не узнал. Пока был маленьким, много раз спрашивал, но отец всегда отшучивался. А когда вырос, спрашивать перестал вообще. Ушла и ушла. Значит, так было нужно. К мачехе Артём относился ровно, хотя и видел, как искренне она пыталась стать ему родной. Но она, увы, появилась поздно. Артёму тогда исполнилось шестнадцать. А шестнадцать - это не тот возраст, когда легко привыкаешь к переменам...

- Вспоминай с самого начала, напрягись, - расспрашивал супругу ошарашенный Артём. - Отец просто позвонил и сказал: передай моему дорогому сыну привет от его мамочки? Или он еще что-то до этого говорил?

- Не помню, - растерянно пожимала плечами Даша. - Мы с ним и общались-то пару минут. Кажется, он спросил, когда ты уезжаешь. Я объяснила, что сама пока не знаю. Еще ничего точно не решено... Тёма, а твоя мама разве не умерла?

- С чего ты взяла? - удивился Артём. - Я говорил только, что матери у меня нет, а отец с восьми лет воспитывал меня сам. Но это вовсе не значит, что моя мать умерла. Умерла и отсутствует - это разные вещи. Она, как видишь, жива и здорова.

- Тёма, я запуталась...

- Вполне тебя понимаю. Двадцать три года она не передавала мне приветы, а сейчас вдруг изыскала такую возможность. И этот факт, как говорится, не может не настораживать...

На следующий день Артём помчался в засыпанный тополиным пухом поселок Осташково. Загорелая и умиротворенная Кассандра, на этот раз повышавшая свою квалификацию на острове Хайнань, отпустила Артёма без возражений, он взял такси и через час тряской дороги уже открывал отцовскую калитку. Первым гостя встретил лохматый шерстяной шар по имени Император Калигула, за что и удостоился чести лизнуть Артёма в нос и обогнуть вместе с ним большую застекленную веранду не по-сельски добротного двухэтажного дома.

Отца, раскинувшего руки для объятий, Артём нашел на грядках с очередной премиальной клубникой.

- Приветствую тебя, мой бледнолицый сын! Ты ненадолго? То есть как всегда. А давай мы хотя бы по кофейку сообразим. Хочешь, поставлю тебе «Отель Калифорния» в аранжировке «Джипси Кингс»? Аранжировка старая, это я на нее недавно наткнулся. Но могу предложить и проверенного Горана Бреговича с Белградским симфоническим.

- Много кофе пить вредно, Тарас Сергеевич, - улыбнулся Артём.

- Намек понял, - закивал отец. - Жаль, твоя мачеха с утра уехала в «Мегу» за покупками. Она бы тоже порадовалась твоему неожиданному визиту.

Артём оглянулся на шеренгу разлапистых яблонь вдоль забора и опустил на свежеструганную скамейку.

- Пап, не ты ли меня учил, что редкий гость лучше татарина, но хуже, чем рыба об лед? Давай не будем ходить кругами. Я в большом недоумении. И это не удивительно, если вспомнить, сколько лет слово «мама» в нашей семье было табуированным. Что произошло вчера? Я что-то важное пропустил?

- Как тебе сказать... - Отец нахмурил густые брови.

- Нет, ты не думай, я не собираюсь мчаться сейчас на ее поиски, - добавил Артём. - Но хотелось бы понять... Мы взрослые люди, наконец. Меня не интересуют причины, по которым вы расстались...

- Могу говорить только о том, что знаю сам. - Отец опять ненадолго задумался. - В общем, твоя мама позвонила мне вчера. Сначала долго расспрашивала о тебе, а потом попросила передать привет. Я ее просьбу выполнил. И на этом, собственно, вся история заканчивается. А в том, что мы когда-то давно расстались, ничьей вины нет, поверь. Ни моей, ни маминой. Так сложились обстоятельства. Она должна была уехать. В жизни почти каждого человека возникают рано или поздно обстоятельства неодолимой силы. И тогда человеку остается только один путь - подчиниться. И попытаться жить дальше. После маминого отъезда у меня остался ты. У тебя остался я. Вместе мы -

сила. Точно так?

- Точно так, - рассеянно кивнул Артём.

- А она осталась одна...

- Пытаешься меня разжалобить? А раньше она, значит, не могла ни приехать, ни позвонить?

- Я не знаю всех деталей, и мне трудно судить...

- Папа, ты изрекаешь, извини, сплошные загадки. Я приехал к тебе за ответом на один вопрос, а сейчас у меня десять новых. Вот откуда ты узнал про мою будущую командировку?

- Случайно догадался. А ты действительно уезжаешь? И надолго?

- Еще не знаю. Я не очень-то рвусь. Только если возникнет острая производственная необходимость...

- Обстоятельства неодолимой силы?

- Слушай, давай отложим наши семейные сложности до моего возвращения, - предложил Артём. - Ты за это время сможешь все обдумать не торопясь, найдешь другой приемлемый вариант семейного мифа. Не переживай, пап, я ненадолго. На месяц-полтора...

Пошарив по карманам, Артём вытащил пачку сигарет, покрутил в руках и вопросительно посмотрел на отца.

- Ты же хотел бросить.

- Брошу, - легко согласился Артём. - Вот вернусь и сразу брошу. Они проговорили еще с полчаса, выпили кофе, отец даже посмеялся, вспоминая многочисленные проделки Императора Калигулы, но Артём так и не смог справиться с растущей тревогой. Он беспокойно оглядывался по сторонам, часто терял нить беседы да и уезжал от отца с тяжелым сердцем.

- Попрощаться, конечно, не заедешь?

- Папа...

Артём накрыл своей ладонью отцовскую руку и удивился, почувствовав, как сильно тот взволнован.

* * *

Стрелки часов нехотя перевалили за четырехчасовой рубеж. Артём потряс головой, снял с лица липкую пленку сна, вытер вспотевшие ладони об джинсы и прогулялся вдоль линии «Z». Тридцать шагов вперед и столько же назад. Прислушался к окружающим звукам. Трактор-уборщик отполз довольно далеко и где-то там, видимо, умер. Покосившись на серую полосу горизонта над аэропортом, Артём досчитал до сотни. Потом еще два раза до сотни. Прогулялся со скоростью одного шага в секунду сначала вдоль парковочной разметки, потом по диагонали между круглыми колоннами. Но стрелки часов никак не желали двигаться с нормальной скоростью. Время застряло,

как муха в сиропе.

Вернувшись к чемодану, Артём опять присел на ступеньку пожарной лестницы. Прикурил очередную сигарету, уже четвертую за двадцать минут, но сразу затоптал. Его смутил рев надрывающегося мотора. Было пятнадцать минут пятого, когда несущийся на всех парах микроавтобус, срезая углы, резко затормозил в десяти метрах. Артём усмехнулся. Если это те, кого он ждал, они не слишком пунктуальны. И выбрали далеко не самый удачный вид транспорта для межзвездных перемещений...

Первым из раздвижной двери микроавтобуса вывалился парень с огромным кофром. Следом, искусно рассыпая по асфальту нецензурную лексику, появилась девушка со штативом в одной руке и микрофоном в другой. Она споткнулась сначала об парня с чехлом, потом об штатив, подробно высказалась о квалификации водителя микроавтобуса, а пока выслушивала экспрессивный ответ, успела запутаться в микрофонном шнуре. Примерно через минуту Артём уже знал, что девушку зовут Регина, она возглавляет рекламную группу местного телеканала «Семь дней» и очень старается выполнить пожелания некоего Владислава, поэтому приехала на съемку в четыре утра, но вот ведь незадача - сам Владислав умудрился опоздать. Нет, телевизионная группа опоздала тоже, но в этом, вне всяких сомнений, вина не Регины, которая проспала, а водителя микроавтобуса, который ехал не слишком быстро. Ну а Владик - реальный гад. В конце концов, кому это больше нужно - ему или ей?

Пока девушка Регина обменивалась замечаниями с водителем, молчаливый парень, оказавшийся оператором, сноровисто расчехлил камеру, водрузил ее на штатив и спокойно поинтересовался:

- Мы работаем или нет? Здесь света мало.

- Паша, я сейчас завалю тебя светом, - заявила Регина, решительно вытащила опешившего Артёма из-за колонны и переставила под фонарь. - Сейчас как, нормально?

Оператор промолчал, передвинув штатив вместе с камерой.

- А где мой микрофон? - занервничала Регина.

- У тебя в руке, - подсказал оператор.

- Сама знаю! - огрызнулась Регина и повернулась к Артёму. - Представьтесь, пожалуйста. Только смотрите не на камеру, а на меня. Алло, мужчина, не молчим. Вас как зовут?

- Хрен Моржов меня зовут, - разозлился Артём. - Еще будут вопросы?

- Мужчина, а вот грубить мне не надо. Я на работе, между прочим.

- А я тут стою и загораю. Вы от меня чего хотите вообще?

- Как чего? - растерялась Регина. - Комментарий нужен. Почему вы не отказались от приглашения посетить эту планету... эту... ну, как ее там...

- Уmmo, - подсказал оператор.

- Сама знаю! - отмахнулась Регина. - Вы разве не считаете, что путешествие может быть сложным и даже опасным?

Вопрос был болезненный, как удар бейсбольной битой по затылку, и Артём на несколько мгновений застыл с каменным выражением лица. Если у него и оставались какие-то иллюзии, то теперь сомнений нет - люди с камерой приехали по его душу. Они захотели поговорить с самым наивным чудаком в этом городе. Ведь телезрители любят чудаков и клоунов. И чем чудаковатее на экране чудаки, тем интереснее...

- По-моему, клиент отключился, - усмехнулся оператор. - Нашатырь дать?

Регина нервно дернула острым плечиком.

- Паша, ты можешь просто посмотреть в камеру?

Выручил всех высокий светловолосый парень на серебристой «инфинити». Судя по радостным крикам, с которыми к нему бросились телевизионщики, это и был Владислав. Артёма сразу забыли. Камера переместилась к Владиславу, он произнес длинный и проникновенный монолог, удовлетворивший обе стороны, потом они с Региной перекинулись непонятными Артёму фразами, над чем-то дружно посмеялись, и уже через пять минут съемочная группа свернулась и умчалась на своем микроавтобусе в неизвестном направлении.

Артём вернулся к своему чемодану. Вакуумная голова понемногу наполнялась воздухом через маленькую дырочку в черепной коробке, и теперь Артёму хотелось только одного - поймать такси. А расколовшийся на две половинки мобильник в таком деле не помощник.

- Наверное, мне следует извиниться. - Владислав протянул Артёму визитку, квадратик из ламинированного картона. - Поверьте, я отлично понимаю, что вы сейчас чувствуете.

- Не уверен, - процедил сквозь зубы Артём. - Хотелось бы для начала узнать, в какой эксперимент я по своей глупости вляпался?

- В очень важный...

- Звучит обнадеживающе. - Артём помолчал. - И пишется, наверное, с прописных букв - Очень Важный Эксперимент. Надеюсь, он завершился благополучно...

- Я тоже на это надеюсь. - Владислав отвел взгляд. - Могу я подбросить вас домой? К сожалению, не имею полномочий раскрывать все детали, но на некоторые ваши вопросы, думаю, смогу дать ответы.

- Сам доберусь. Безмерно благодарю за предложение!

Владислав вернулся к своей «инфинити» и широко распахнул дверь с пассажирской стороны. В салоне автомобиля было просторно, тепло, играла легкая музыка, мягко светились шкалы приборной панели, пахло хорошей кожей и дорогим парфюмом.

- Садитесь.

Артём немного подумал и закинул свой чемодан не в багажник, а на заднее сиденье. Пусть хотя бы чехлы пострадают.

- Значит, вы и есть некоммерческое партнерство «Аксис Мунди»?

- Мы и есть, - кивнул Владислав, слегка притормаживая перед лежащим полицейским.

- И чем занимаетесь? Соединяете небо и землю?

- Исключительно в рабочее время!

Владислав впервые улыбнулся, и эта улыбка показалась Артёму вполне искренней.

- Если не секрет, Артём... Я могу вас так называть? О чем вы сейчас думаете? Меня проклинаяте?

Артём демонстративно наморщил лоб.

- Как-то, знаете, не думается ни о чем. Думалка вышла из строя. Но отсутствию кардинальных перемен в своей жизни я в глубине души рад. Еще рад, что не успел написать заявление об уходе. Закрутился и забыл. И очень удачно забыл. Вот приеду сейчас домой, посплю пару часиков, приползу на работу и буду продолжать трудовую биографию. Все как раньше.

- А если не сможете как раньше, вас это разочарует? - уточнил Владислав. - Дело в том, что события последних месяцев не могли на вас не повлиять - это я вам точно говорю. Из опыта.

- Хорошо бы...

Артём прикрыл глаза. В роскошном кресле «инфинити» его неодолимо тянуло в сон.

- Вы еще не задали мне ни одного вопроса, - напомнил Владислав. - Если вас волнует запись, то в эфир она не пойдет, можете не переживать. Я заеду на канал, извинюсь, отменю заказ, и запись с сервера будет удалена. Деньги уже уплачены, никто не обидится. Вам как участнику, дошедшему до финала, тоже полагается материальная компенсация. Деньги будут перечислены на картсчет вашей супруги. Не возражаете?

- Нисколько. - Артём зевнул. - Она обрадуется.

- Сумма вас не интересует?

- Нет. Все равно это деньги с неба. Пусть будет сюрприз.

- Тогда я хотел бы вам кое-что любопытное продемонстрировать. На свой страх и риск. Считайте это бонусом за то, что вы хорошо держались. Вы действительно большой молодец, и мне приятно было с вами поработать. Только одна просьба - никому не рассказывайте о том, что увидите. Договорились? Здесь недалеко. Сделаем небольшой крюк по объездной трассе. Всего-то пятнадцать минут.

- Почему бы и нет? - Артём потер красные от двухсуточного недосыпа глаза. - До пятницы я абсолютно свободен. Вернее, абсолютно точно - свободен...

Салон наполнила тонкая до прозрачности скрипичная мелодия в

оркестровой оболочке. Владислав прибавил звук.

- Вот так живешь, живешь, красоты вокруг не замечая, - неожиданно признался он. - Вам нравится?

Артём покрутил головой. Вокруг были только кривой березняк, растянувшийся тонкой полоской вдоль федеральной трассы М-51 «Байкал», остатки каких-то ржавых труб по краям заросшего люцерной поля и глубокие кюветы, густо засыпанные грязными полиэтиленовыми пакетами.

- Я музыку имел в виду, - уточнил Владислав. - Это «Грезы» Дебюсси. Вы не любите Дебюсси?

- А должен? - удивился Артём. - Я предпочитаю интерпретации общеизвестных мелодий. Бизе, например. Или Штрауса.

После двухсекундной паузы восемь динамиков грянули вступление к вальсу «На прекрасном голубом Дунае».

- Это Венский филармонический, - пояснил Владислав. - Запись сделана Караяном в семидесятых годах прошлого века и считается классической, насколько я помню. Или другую интерпретацию поискать?

Ответить Артём не успел. Владислав резко выкрутил руль влево, пытаясь обойти по встречной полосе длинную платформу с оранжевым экскаватором, но перед тягачом растянулась колонна из четырех самосвалов. В промежутки между самосвалами разогнавшегося до 170 километров в час «инфинити» было не втиснуться, обогнать всю колонну Владислав тоже не успевал, поскольку навстречу ему летел тягач «вольво» с многометровым рефрижератором за спиной, и Владислав выбрал третий вариант: еще сильнее выкрутить руль и попытаться разминуться с фурой по тряской обочине...

Несколько секунд, растянувшиеся почти до бесконечности, Артём как будто наблюдал за собой со стороны. Он видел и обочину, оказавшуюся слишком узкой. Понимал, что автомобиль, потерявший сцепление с дорогой, на полной скорости опрокинется сейчас в полутораметровый кювет, как минимум пару раз перевернется и еще метров двести пролетит вперед до столкновения с бетонной опорой линии электропередачи. За какую-то часть мгновения до черной вспышки Артёму даже показалось, что он вообще ничего не весит и вполне сможет опереться на воздух, насыщенный звуками бессмертного вальса...

* * *

Боль так и не пришла.

Артём медленно досчитал до пяти. Попытался открыть глаза. Веки послушались.

Мир вовсе не рассыпался на фрагменты, а всего лишь перевернулся вверх ногами.

- Артём, вы меня слышите? Никак не могу к вам пробиться. Если вы меня слышите, отпустите машину, я сам завершу модальный переход, а то мы начинаем привлекать к себе лишнее внимание.

- Я ничего не держу, - удивился Артём, пытаюсь сфокусировать взгляд на потухшей приборной панели. Окружающее пространство заполнила серая дымка, в которой он не мог ничего разглядеть, как ни пытался.

- Отлично. Порядок. Сейчас я помогу вам выбраться из несинхронности...

Артём прищурился от яркого света, разглядел наконец Владислава и жадно набрал в легкие влажный воздух. Видимо, где-то рядом была река.

- Мать вашу, летчики, неужели вы живы?!

Радостно размахивая руками, к перевернутой машине подбежал запыхавшийся сутулый мужчина в лоснящейся от грязи кожаной куртке. Пока Владислав уверял растерянного дальнбойщика в отсутствии к нему претензий и объяснял, что «скорая» и эвакуатор приедут сами, а сигнал об аварии уже поступил в службу технической поддержки, Артём внимательно изучал вмятины на капоте. Их оказалось меньше, чем могло бы быть после таких кульбитов.

- А как ваш товарищ себя чувствует? - недоверчиво поинтересовался водитель грузовика.

- Он тоже в порядке. У него только легкий шок, и он скоро пройдет. Мы здесь неподалеку живем, в двух километрах, так что не беспокойтесь...

Шок действительно отступал. Артём уже воспринимал не только близкие голоса, но и ревущие звуки дороги, по которой сплошным потоком в обоих направлениях шли фуры.

- Мы живы? - недоверчиво уточнил он.

- Вне всяких сомнений, - успокоил Владислав, оттаскивая Артёма подальше от перевернутого автомобиля. - Сейчас нам будет полезно немного прогуляться пешком. Вы не находите? Идите за мной. Сразу за лесополосой есть грунтовка. Держались вы очень уверенно, кстати. У вас действительно сильный генотип...

Артём автоматически кивал, понимая, что его хвалят, но за что и почему - осознал далеко не сразу.

- Так это вы сами подстроили аварию? - удивился Артём, когда они прошли по засохшей грязи уже метров двести и уперлись в забор старой трансформаторной подстанции.

Владислав отогнул край металлической сетки и сделал в ответ приглашающий жест рукой.

- Дальше не пойду, - заупрямился Артём. - Авария - это тоже часть эксперимента?

- Нет, Артём, авария была случайностью. Хотя я ее контролировал,

конечно. Обратная инициация - это весьма сложный процесс. Я оказался прав, вам потребовалась более сильная психологическая встряска. Но в самом крайнем случае я бы выполнил модальный переход сам.

Артём ощупал ссадину на лбу и поморщился.

- И какова дальнейшая программа вашего шапито? Будете сбрасывать меня с моста в реку, чтобы проверить на летучесть и плавучесть?

- Не стану я никуда вас сбрасывать, Артём. Не нагнетайте ужасов. Я вам уже сказал: инициация прошла успешно. Мои заказчики...

Артём сжал голову руками.

- Стоп. Еще раз. Я ничего не понимаю. Ваши заказчики - они кто?

- Уберите когнитивную автоблокировку, Артём. Она вам мешает. Освободите свой разум...

- Издеваетесь! - возмутился Артём. - Какой разум? Какая автоблокировка? Что за бред вы несете? Какого лешего я вообще вас слушаю? Поймал бы сам такси, сидел бы уже дома. И не вздумайте меня опять преследовать, подсылая полусумасшедших теток, иначе я буду вынужден обратиться в полицию. Вы меня поняли?

- Конечно, - кивнул Владислав. - Вы будете вынуждены...

- Все, я уйду, цирк закрывается. - Артём пнул ржавую сетку, развернулся и решительно направился к дороге. В студенческие годы ему часто приходилось ловить попутки, так почему бы еще разок не попробовать, вспомнив молодость?

- Голосовать удобнее на выезде с АЗС, - крикнул ему вслед Владислав. - Больше вероятности, что посадят.

Решительности Артёму хватило ненадолго - ровно на пятьдесят шагов. Сознание, словно разделившееся на две половинки, посылало мышцам противоречивые команды. Левая половинка настоятельно требовала немедленно бежать, правая - срочно вернуться. И Артём вернулся.

- Только не спрашивайте меня, что вам теперь делать с новыми знаниями. - Владислав задумчиво пожевал травинку. - Я не уполномочен давать рекомендации. Все свои обязательства я выполнил. Дальше вы и без меня справитесь. Идентификатор с вами? Как будете готовы, вызывайте транспортников. На этой широте подлетное время около трех минут. Точка вызова, напомню, должна отвечать нормам по безлюдности. Вот как здесь, например.

Владислав махнул рукой в сторону пустых гаражных боксов в ста метрах от подстанции и быстро взглянул на часы.

- Уже уходите? - быстро спросил Артём.

- О чемодане не беспокойтесь, я его сохраню. Деньги ваша супруга увидит на своей банковской карте уже завтра. Чуть не забыл, вам же передавала привет ваша мама...

Артём рассеянно кивнул.

- И ей передайте низкий поклон. Это у вас что, малобюджетная драма «Моя матушка - инопланетянка»? Если вы сейчас зайдете в трансформаторную будку и исчезнете, будет совсем банально.

- Куда зайду? - Владислав покрутил головой. - А, понял, вы имеете в виду это сооружение за моей спиной? Нет там ничего, кроме трансформаторов, да и те, видимо, уже украли, чтобы сдать на металлолом.

- Странно. - Артём ехидно улыбнулся. - А разве это не портал для путешествий между мирами?

- Вы находитесь в состоянии когнитивного диссонанса, - терпеливо пояснил Вадим. - Когда это состояние пройдет, вам перестанут казаться всякие глупости. Прощайте, Артём. Я не ошибся, ведь именно так принято говорить, если расстанутся навсегда?

Владислав развернулся и бодро зашагал по дороге. Когда его высокая фигура растворилась в легкой утренней дымке, Артём проверил идентификатор, изменивший цвет с платинового на ярко-бирюзовый, чертыхнулся и медленно побрел в другую сторону. Ему о многом нужно было подумать. Разве не странно, когда живешь, работаешь, накапливаешь знания, жизненный опыт, ресурсы, наконец, пытаешься обеспечить будущее себе и близким, хочешь в один прекрасный момент стать счастливым, а правила игры вдруг меняются и целевые уровни, от которых всегда отталкивался, долго и трудно карабкаясь вверх, мгновенно опускаются в красную зону? Разве это справедливо?

Сзади кто-то коротко просигналил. Артём отступил в сторону, пропуская древнюю «тойоту-марк» с тонированными до ночной черноты стеклами и развороченной левой фарой, но автомобиль неожиданно притормозил.

- Помощь не нужна, земляк? - хрипло поинтересовался рыжий водитель. - Могу подбросить до Ракитники.

- И далеко это?

- Сразу за автобазой будет развилка, а оттудова, считай, километров пять.

- Телефоном не выручишь, земляк? - с надеждой спросил Артём. - Супруге нужно позвонить. А мобильный как назло умер...

- Извини, у меня тоже труба сдохла. Батарея слабая. А переходник от прикуривателя я вчера Витьке-соседу одолжил.

- Тогда спасибо, земляк, ты езжай, я сам доберусь. Мне спешить некуда.

- Как знаешь...

Машина взревела, обдав Артёма копотью и пылью, поморщившись, он задрал голову вверх, и пока вглядывался в низкие плотные облака, твердо обещавшие дождь, где-то в закоулках его сознания перемещались бестелесные существа, смутные серые тени, чьи тихие

голоса звучали все настойчивее и настойчивее. Артём уже вспомнил, что означает когнитивная автоблокировка...

Дождь закапал на подходе к Ракитнике. Сначала пыльный ветерок бросил в лицо Артёму несколько крупных капель, потом капли стали мельчать, но возрастать в количестве. Артём ускорил шаг, и в ту секунду, когда с неба хлынул ливень, он нырнул под навес над крыльцом местной администрации. Воспользоваться властным телефоном не получилось, по причине раннего часа властные двери оказались закрыты на гигантский амбарный замок. Не подавали признаков жизни и два продовольственных магазинчика у дороги. Надежда оставалась только на желтый ларек «Евросети», к которому Артём добрался короткими перебежками. Он заглянул в окно, одновременно отбивая кулаком по косяку двери международный сигнал бедствия.

- Эй, на маяке, есть кто-нибудь?

Через пару минут дверь поддалась.

- Закрыто! - проворчал небритый заспанный паренек в растянутой до колен желтой футболке. Судя по бейджу, при рождении его назвали Иваном. - Позже приходите. В десять открываемся. Сейчас только начало седьмого.

Но Артём успел заблокировать дверь коленом.

- Друг, товарищ, брат, Иван, не могу приходить позже. Выручай. Нужен телефон. Вопрос жизни и смерти. Оформляй покупку.

- Не положено, - растерянно пробормотал продавец. - Или мне полицию вызвать?

- Ты же нормальный парень, Иван, зачем нам полиция? Мне бы только супруге позвонить. И такси вызвать. Разумеешь? У тебя есть жена?

- До вчерашнего дня была, - нахмурился продавец. - Теперь не знаю. Может, и дальше придется в магазине ночевать...

- Вот видишь, - нашелся Артём. - Если не выручишь, будем вместе кантоваться в твоей палатке.

Продавец пожевал губами.

- У нас дешевле трех тысяч аппаратов нет, - на всякий случай уточнил он.

- Ива-а-ан! - устало протянул Артём, выкладывая деньги на прилавок.

Даша ответила после пятого гудка и сразу разрыдалась.

- Тёма, у тебя совести нет, я не знала, что и думать! Ты где?

- В Ракитнике. Не переживай. Скоро буду дома.

Она по инерции всхлипнула еще пару раз и насторожилась.

- Тёма, какая Ракитника? Ты как там оказался? Где твой телефон? Я чуть с ума не сошла, набирала твой номер через каждые три минуты.

- Дашуль, все нормально, я его немного уронил, и он слегка сломался...

Услышав короткие гудки, Артём тоже нажал «отбой» и набрал номер диспетчера такси. Продиктовав адрес, куда прислать машину, немного прогулялся по центральной улице. Во всех дворах отчаянно лаяли собаки. Поселок уже просыпался. А Артёму после бессонной ночи смертельно хотелось спать. Даже курить, как ни странно, не хотелось. Только спать...

Дождь почти закончился. Стало еще прохладнее. Влажная рубашка прилипла к спине, Артём непроизвольно поежился, забросил свой идентификатор как можно дальше в придорожные лопухи, опустился на корточки и привалился к влажной наружной стене магазина. В слезящихся глазах все стало двоиться. Они уже не хотели ни на что смотреть. Они видели все. И Ракитнику, и большой неухоженный город, растянувшийся вдоль берега степной реки, как бездомный лишайный пес вдоль забора, и другие неухоженные города к востоку и к западу, они могли легко заглянуть за горизонт и даже увидеть всю Землю разом, если бы этого захотел мозг Артёма, вмещавший в себя память сотен поколений. Этот мозг мог за мгновение обработать терабайты поступающей информации, мог рассчитать топологию субпространственных маневров для всех известных классов субкораблей, определить локацию пространственных объектов всех категорий, рассчитать оптимальный маршрут без базовых ориентиров, опираясь только на инерциальные модели. И даже сейчас, когда Артём спал, его мозг в фоновом режиме перебирал сотни вариантов будущего, чтобы, проснувшись, Артём уже смог принять верное решение...

- Извините, за вами такси приехало, - растормошил его продавец.

С трудом разлепив веки, Артём почти не удивился серой вазовской «девятке» с желтым хохолком на крыше, нетерпеливо мигающей ближним светом.

- Вставай, Безденежных, - весело поторопил таксист. - Осуществляй посадку.

Артём упал на переднее сиденье «девятки», пристегнулся уже знакомым перекрученным ремнем, а большеголовый таксист, крепко вцепившись в руль, лихо развернулся на скользкой после дождя дороге.

- Куда теперь движемся?

- Домой.

- Понятно, - пробормотал таксист и протянул Артёму его идентификатор. - Смотри-ка, чего я на дороге нашел. Бери и больше не теряй...

Артём послушно спрятал в портмоне металлическую пластину, уже сменившую цвет обратно на платиновый.

- Не понимаю я тебя, Безденежных, - осуждающе покачал головой таксист. - Ты с высоким мнением Совета Навигаторов согласился?

Согласился. Причем добровольно. Сам сделал заявление о добровольном поражении в правах на семь периодов и выбрал себе способ наказания - ссылку. Эту планету тебе никто не предлагал. Срок закончился вчера. Пора возвращаться, а ты какие-то пируэты крутишь. Хотелось бы понять мотивы, чтобы объяснить их Совету.

- Мотивы прежние - инцидент, - хмуро пояснил Артём и покосился на таксиста. - Инцидент произошел по моей вине. Были жертвы. Много жертв.

- Их уже не вернуть...

- Не вернуть, - согласился Артём. - Поэтому к своему первому сроку поражения в правах я добровольно прошу Совет прибавить второй.

- Слишком ты к себе суров, субнавигатор. Учти, вторую процедуру когнитивного блокирования Совет не одобрит. Еще одна обратная инициация может привести к отторжению тканей подкорковой зоны. Слишком велик риск.

- Переживу без блокирования. В чем тогда смысл наказания, если не помнишь проступка?

- И ты выдержишь еще семь периодов в этой архаичной цивилизации с коэффициентом медленного развития, третьей субъективной модальностью и отрицательным потенциалом? Давно я не видел такой неперспективной планеты. Я бы здесь и пятой части периода не протянул.

- Это моя исходная планета.

- Извини, субнавигатор, - смутился уполномоченный. - Не учел...

Оставшуюся часть дороги они молчали. И только перед поворотом к дому Артём поборол неловкость и поинтересовался, на какой из планет был рожден уполномоченный Совета. Но тот в ответ лишь усмехнулся.

- Даже не интересовался никогда? - удивился Артём.

- А зачем? Привет супруге!

Даша, судя по ее холодному носу, дежурила на лавочке перед подъездом уже давно. Артём крепко обнял жену, приподнял над землей и слегка встряхнул, продолжая искоса следить за серой «девяткой», притормозившей на светофоре.

- Пусти, а то насмерть раздавишь! - возмутилась довольная Даша. - Весь мокрый. Не замерз без куртки, космонавт? Ну и где твои уммиты?

- Они улетели, Дашуль. Но обещали вернуться.

- Мог бы в гости их пригласить. Я пирожки нажарила. Твои любимые, с картошкой и луком. А вообще, если честно, я от тебя сильно устала.

- Понимаю, - закивал Артём. - Обязуюсь измениться.

- Ты нагло врешь, Тёма, тебя ничем не исправить.

- Поспорим? Я недавно где-то прочел, что успешность любого прогноза зависит от единства субъекта, его принимающего, и субъекта, увидевшего варианты своего будущего. И прогноз будет точнее, если сразу занять по отношению к выбранному варианту какую-то позицию.

А если субъект прогнозирования не сделает ничего, он с большой долей вероятности сам окажется объектом чужого прогнозирования и попадет в чужое будущее. Правда, это тоже не всегда плохо. Хотя бы потому, что любой субъект может ошибаться в прогнозах...

БРЭД ТОРГЕРСЕН

ПОМОЩНИК КАПЕЛЛАНА

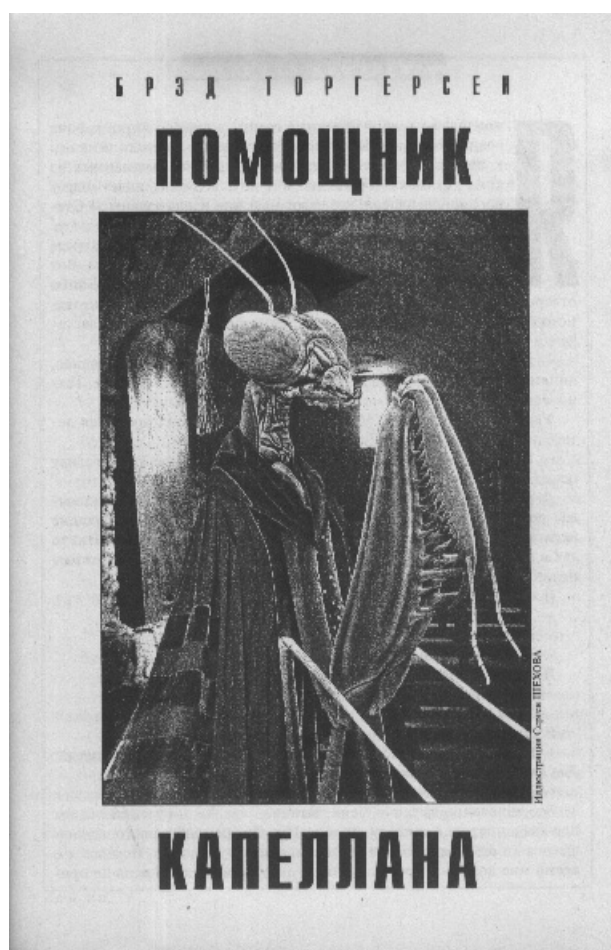

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Я подливал масло в глиняные лампы у алтаря, когда в фойе возник богомол. На мгновение он замер, шевеля усиками и изучая прихожан, сидевших на грубых, вытесанных из камня скамьях. Давненько мне не доводилось видеть здесь богомолов: теперь, когда мы надежно изолированы за Стеной, чужие перестали лезть в наши дела.

Как и у всех его сородичей, грудная клетка богомола вращалась в биомеханическое «седло» его мобильного диска. Вот только на диске

не имелось ни оружия, ни даже каких-либо отверстий, что для Чистилища - настоящая редкость. Заметив незваного гостя, все люди повернули головы, и в глазах вспыхнула застарелая ненависть.

- Я буду говорить со священником, - произнес богомол, вернее, динамик на его диске. Зловещие челюсти даже не шевельнулись. Техническую начинку диска мозг контролировал напрямую.

Увидев, что никто не собирается уходить, богомол принялся летать по проходу капеллы. Диск издавал тихое гудение.

- Наедине, - добавил он, придав своему искусственному голосу некое подобие командного тона.

Люди повернулись ко мне, а я посмотрел на богомола, прикидывая возможные варианты. Затем кивнул своей пастве, и верующие неохотно поднялись, забирая с собой четки, кресты и библии. Никто так и не промолвил ни слова. Да и что они могли сделать? Богомолы правили Чистилищем так же, как Люцифер - адом.

Я ждал, стоя у алтаря.

- Ты служащий? - спросил гость.

- Капеллан умер. Я его ассистент. Бывший.

- Нам надо поговорить.

Я пытался понять, почему мой собеседник не вооружен.

- Чем могу помочь?

- Хочу понять сущность, которую вы именуете Богом.

Я уставился на чужого, прикидывая, не шутит ли он.

- Понять Бога, - медленно произнес я, - может не каждый. Для этого нужно... развить определенные навыки.

- За этим они приходят сюда. Чтобы ты их учил.

Это заявление смутило меня, заставив слегка покраснеть. С тех пор как я построил капеллу, прошел год. Со времени нашего неудавшегося вторжения, закончившегося пленом, - два года. И за все это время мне довелось прочесть лишь одну проповедь. Я ведь не проповедник. Я построил капеллу, потому что об этом меня попросил капеллан перед смертью. И еще потому, что я понимал: мужчинам и женщинам, которые приземлились на Чистилище, сражались здесь, проиграли и в итоге сделались пленниками, действительно нужна эта капелла. Когда флот улетел обратно на Землю и от дома нас отделила пропасть, сложившаяся из тысяч световых лет, у нас осталось не так уж и много. Теперь мы можем лишь обращаться к Нему.

- Я никого не учу, - осторожно ответил я, взвешивая каждое слово и прислушиваясь к своему страху, - но предоставляю место для тех, кто приходит слушать.

- Ты намеренно говоришь загадками, - упрекнул меня богомол.

- Я не хотел никого обидеть. - Оправдываясь, я в то же время ненавидел подобострастные нотки в собственном голосе. - Просто меня никогда этому не учили. Я же всего лишь помощник.

- А кого тогда слушают люди?

- Свои души, - ответил я.

Богомол широко распахнул челюсти, острые зубы завибрировали, показывая крайнее раздражение. Я с ужасом смотрел в пасть самой смерти, вспоминая, как многие наши солдаты погибли от таких челюстей. Меня пробрал озноб. Капеллан часто называл богомоллов бездушными. Тогда - до приземления - я считал это метафорой. Теперь же, когда передо мной распахнул челюсти монстр, это определение показалось вполне подходящим.

- Души, - повторил чужой. - Это понятие ставило нас в тупик уже дважды.

- Вот как?

- Нам попадались еще два разумных вида - птицы и амфибии.

Еще два вида... кроме самих богомоллов?

- И что же они говорили о Боге?

- О богах, - поправил меня собеседник. - Мы уничтожили цивилизации прежде, чем успели собрать данные об их верованиях.

- Уничтожили... - пробормотал я, надеясь, что богомол не заметит дрожи в моем голосе.

- Да. Сотни лет назад, во время Третьей экспансии Великого Гнезда. Тогда мы считали себя единственными носителями разума и не имели опыта подобных контактов. Родные миры этих птиц и амфибий понравились Кворуму Патриархов, поэтому их аннексировали, очистили от конкурирующих видов и сделали крупными населенными центрами.

Я старался запомнить как можно больше: вряд ли кому-либо из людей доводилось слышать эту историю. Мне вспомнились погибшие ребята из военной разведки, которые отдали бы все свое жалованье за десятки лет, лишь бы получить информацию, свалившуюся на меня в этой ветхой самодельной церквушке.

Внезапно меня осенило:

- Вы не солдат.

Богомол сомкнул челюсти.

- Разумеется.

- Тогда кто же? Ученый?

Чужой обдумал это слово - вернее, его перевод, каким бы он ни оказался, - и взмахнул шипастой конечностью.

- Наиболее подходящий термин - профессор. Я исследую и учу.

- Понятно, - вымолвил я, внезапно осознав, что впервые сталкиваюсь с богомоллом, не являющимся профессиональным убийцей. - Значит, вы изучаете человеческую религию.

- Не только вашу, - ответил чужой, подлетая ближе. - Я хочу узнать больше об этой... душе. Она и есть Бог?

- Возможно... и в то же время не совсем. Душа - то, что находится

внутри нас, мы ощущаем ее, когда знаем, что Бог обратил к нам свой взор.

Капеллан наверняка устроил бы мне нагоняй за столь неуклюжее определение. Никогда не умел облекать понятия в слова, а если все же пытался, то сам не понимал, о чем говорю. Собеседники мои в результате понимали и того меньше. К тому же рассказывать о Боге насекомому - все равно что описывать красоту симфонической музыки газонокосилке.

Зазубренные конечности профессора задумчиво потерлись о диск.

- А во что верите вы? - спросил я.

Конечности замерли.

- У нас нет религии, - ответил он.

- Никакой?

- Мы не обнаружили ни бога, ни души, - произнес профессор и вновь раскрыл челюсти, демонстрируя свое раздражение. - И птицы, и амфибии - все посвящали богам целые дворцы. Океаны и континенты вступали в войну, чтобы доказать превосходство своего бога. А потом пришли мы и уничтожили их всех, вплоть до последнего птенца и головастика. Их плавающие и летающие боги превратились в записи, сохранившиеся в Архиве Кворума, а мне только и остается, что скитаться по этой пустынной планете да допрашивать особь, которую даже не учили отвечать на подобные вопросы.

Движения профессора выдавали крайнее раздражение, граничащее с гневом, и я невольно отступил, прижимаясь к алтарю. Ожидая молниеносного нападения, я представлял, как богомол вспорет мне брюхо или перегрызет сонную артерию. Я видел много таких смертей, знал, как эти насекомые наслаждаются бойней. Несмотря на все их техническое развитие, богомолы по-прежнему испытывали свойственный хищникам животный восторг, когда доводилось разделаться с добычей в рукопашном бою.

Заметив мою реакцию, профессор отлетел от меня на полметра.

- Прости меня, - произнес он. - Я пришел сюда, ожидая услышать ответы из надежного источника. Ты не виноват в поведении старейшин Кворума, которые сперва уничтожают и лишь потом начинают изучать. Мое время ограничено, а узнать нужно так много.

- Вам придется уйти?.. - произнес я с полувопросительной интонацией.

Несколько секунд профессор красноречиво молчал.

- Скольким из нас уготована смерть? - спросил я, сглатывая застрявший в горле комок.

- Всем, - ответил чужой.

- Всем? - повторил я, хотя и понимал, что слух меня не подвел.

- Да, всем. Когда я узнал, что Кворум приказал очистить эту колонию от конкурирующих видов, - перед началом Четвертой экспансии, направленной на остальные ваши миры, - я понял, что времени

осталось в обрез. Нужно изучить эту вашу веру, пока еще есть время.

- Но мы же не представляем для вас угрозы, - пробормотал я. - Все, кто живет на Чистилище, безоружны, мы не можем причинить вам вреда. Для этого есть Стена.

- Я вернусь завтра, чтобы познакомиться с религией твоих посетителей, - сказал богомол, после чего развернулся и полетел к выходу.

- Мы не опасны! - крикнул я вслед, но профессор уже скрылся из вида.

* * *

Той ночью я так и не сомкнул глаз, думая о том, что с нами будет. После вторжения нас осталось примерно шесть тысяч. В основном мужчин, но попадались и женщины, а с недавних пор начали появляться и дети. Мы жили в засушливой холмистой долине, окруженной со всех сторон мутной энергетической завесой, уходившей в невообразимую высь и терявшейся в небе. Дождь, ветер и снег свободно проникали сквозь Стену, но каждый человек, прикасавшийся к ней, тут же превращался в пепел.

- Поле выборочного подавления ядер, - говорил мне один из прихожан, бывший пилот. - Та же самая штука, которой они прикрывают свои корабли на орбите. Через нее не проникают ни наши ракеты, ни снаряды из пушек. Мы дорого заплатили за это знание.

Теперь богомолы, похоже, собирались закончить начатое. Утром с северных скал налетел порывистый ветер, который принялся хлопать кривыми ставнями моей капеллы. Такое случалось нередко. Чистилище по большей части покрывали пустыни, и пригодными для жизни считались только высокогорья. Я не раз спрашивал себя, почему богомолы сражались за эту планету и почему люди пытались ее захватить?

После завтрака ко мне зашли лишь несколько человек. Я зажег масляные лампы у алтаря и попытался выдавить из себя подобие улыбки, но эта попытка закончилась неудачей. Профессор появился перед обедом, привлекая к себе все те же ненавидящие взгляды. На этот раз он сразу подлетел к алтарю, развернулся и оглядел прихожан. Некоторые из них смотрели на него, другие - на меня, и в этих взглядах читался немой вопрос: «что за святотатство?».

Молитвы умолкли. Кое-кто поднялся и вышел.

- В чем дело? - поинтересовался профессор, пока я грыз хлеб из местных кореньев и запивал его похлебкой. Люди приспособились к местной фауне - конечно, ее представители маловаты, да и по вкусу далеки от цыпленка, но к этому привыкаешь, когда нехватка белка начинает доводить до отчаяния. Хорошо, что хоть соль не являлась на

Чистилище дефицитом.

Я посмотрел на богомола и ткнул пальцем в дверь, за которой находилась моя комната. Чужой последовал за мной.

Сквозь щели в окне проникал свет. Летающий диск тихо гудел.

- Вы вообще ничего не смыслите в религии, так ведь?

- Именно так, - подтвердил профессор.

- Люди, приходящие сюда, хотят оказаться подальше от вас. Вдали от злобы, гнева, отчаяния.

Богомол смотрел на меня и молчал.

Я вздохнул и потер глаза, пытаюсь найти нужные слова, способные проникнуть сквозь его холодную бесчувственность.

- Бог - это тепло, надежда, возможность увидеть будущее, в котором нет боли. А ваше появление здесь напоминает об этой боли, и поэтому вас ненавидят. Эта капелла - единственное место, в котором люди могут на минуту, всего на минуту, отгородиться от мира и испытать покой. А вы не даете им даже такой малости.

- Я не мешал им заниматься своими делами, - ответил профессор.

- В молитве важны не конкретные действия, а ощущения. Ваше пребывание здесь... мешает. Не позволяет раскрыть душу... Вчера вы сказали мне, что все мы умрем, но я не сообщил эту весть. Очевидно, мы не можем ничего изменить, даже если очень захотим, а раз так, то людей это только расстроит. Но те, кто пришел сюда сегодня, видят, что я обеспокоен. А я не могу понять, почему вы вообще оставили нас в живых, когда наш флот улетел.

- Некоторые из нас испытывали любопытство, - ответил профессор. - Люди - лишь третий найденный нами разумный вид, хотя мы обыскали и колонизировали уже тысячи звездных систем. Как я уже говорил, мы уничтожили первые два вида, не подумав как следует. На этот раз мы решили не повторять ту же ошибку.

- То есть мы нужны вам живыми лишь до тех пор, пока представляем научный интерес? - уточнил я.

- Вы первыми напали на нас, человек.

- Нет, - опроверг я. - Когда наши колонисты высадились на Великолепии и Новой Америке, там не заметили никаких признаков жизни. Люди не подозревали о вашем существовании, пока вы не уничтожили наш колониальный флот на орбите. И мы бы вообще ничего не узнали, если бы два патрульных корабля не успели уйти. А вы здорово просчитались, отпустив их, потому что потом, когда наши вернулись, они вышибли из вас дурь.

Профессор раскрыл рудиментарные крылья, показывая, что разговор его забавляет.

- Не вижу ничего смешного, - заметил я.

- Ты знаешь, что произошло с шестью нашими колониями, атакованными вашим флотом в ходе так называемой карательной

экспедиции?

- Мы надрали вам задницу!

- Нет, помощник капеллана. Мы уничтожили ваш флот. Этими мирами по-прежнему владеем мы, как и многими другими, некогда считавшимися вашими.

- Вранье, - пробормотал я, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

- Если тебе сказали, что те атаки удались, лжецом стоит называть не меня. Взгляни на то, что происходит здесь, на этой планете. Насколько вам повезло? Почему ты думаешь, что в других мирах вам повезло больше?

Я искал глазами оружие. Хоть какое-нибудь...

- Наша наука, по сравнению с вашей, ушла далеко вперед. Открытие прыжкового двигателя - всего лишь первый, самый легкий шаг к настоящим технологиям. К счастью, мы способны защититься от вашей жестокости и собираемся навсегда очистить Вселенную от нее.

Профессор умолк, только сейчас заметив мое состояние.

- Ты тоже меня ненавидишь.

- Да.

- Я чувствую это. Ты бы убил меня, если бы тебе представилась такая возможность.

- Да, - подтвердил я. К чему отрицать очевидное?

Диск опустился ниже, и его обладатель посмотрел мне прямо в глаза.

- Послушай меня, помощник капеллана. Уничтожение твоего вида планирую не я и не мои коллеги. Старейшины Кворума видят в вас зверей. Заразу, распространение которой необходимо пресечь. Они рассматривают вас как сущность, подлежащую уничтожению. Но есть и другие, очень немногие, кто думает иначе. Мы в школах полагаем, что в вас есть нечто большее. Чувства... недоступные нам.

- Не понимаю, - сказал я, все еще желая отыскать оружие.

- Это место, - богомол широко взмахнул крыльями и конечностями, - есть концепция, которая кажется нам совершенно абсурдной. Дом для вашего Бога. Вы приходите сюда, чтобы услышать, как он говорит с вами без слов. Это безумие. Но мы помним птиц и амфибий, помним их культуры. Мы совершили большую ошибку, когда уничтожили их, не попытавшись понять, в чем их отличие, что ими движет.

- Наша вера пугает вас, - понял я, испытав крошечный прилив гордости.

- Да, - признался профессор.

- Это хорошо.

- Ты отказываешься мне помогать?

- А чего мне терять?

Профессор молчал с минуту, а после развернулся и улетел. Капелла к тому времени полностью опустела.

* * *

Прошла неделя, но богомол так и не вернулся. Я по-прежнему молчал о нашем приговоре, считая, что эта новость принесет больше вреда, чем пользы. Мы ведь не можем проникнуть сквозь Стену, и у нас не осталось машин, способных перенести нас через нее. Будет лучше, если все останется как есть, чтобы конец пришел неожиданно.

В капеллу несколько раз заходили бывшие офицеры, желавшие выяснить, о чем я говорил с богомолем. Многие давно уже плюнули на все эти звания и должности, но не все. Оставались стойкие духом, уверявшие, что флот освободителей уже на подходе и нужно лишь набраться терпения и сохранять дисциплину. К счастью, их не хватало, чтобы подчинять себе всех остальных, поэтому я просто рассказал им, что мог, стараясь изъясняться односложно, и они ушли, решив, что ничего важного не произошло.

Как-то ночью меня разбудил звук голосов - двух человеческих и одного механического, смутно знакомого. Я поднялся с койки, тихо подошел к двери и выглянул. Профессор разговаривал с двумя незнакомцами: мужчиной и женщиной.

- И что же дает крещение? - спрашивал богомол.
- Оно смывает грех, - ответила женщина.
- А что есть грех?
- Неправильный выбор, - ответил мужчина.
- Ошибки, - произнес профессор.
- Да, - подтвердила женщина. - Все мы допускаем ошибки. Все мы - дети Бога. Вот почему всем нам нужно Его прощение.
- И для этого служит крещение в воде? - уточнил профессор.
- Да, чтобы начать с чистого листа. Тогда человек становится частью общины.

Профессор неожиданно развернулся и посмотрел на дверь.

- Помощник капеллана, присоединись к нам.

Я вышел на свет, ежась от холода и пытаюсь понять, сколько же сейчас времени. Собеседники богомола улыбнулись мне и вернулись к разговору.

- Как видите, никто не лишен Его любви. Даже вы. Усики профессора иронически изогнулись.
- Ваш Бог любит меня?
- Он не только наш Бог, - пояснил мужчина. - Он Бог для всех: и для нас, и для вас.
- Прошу прощения, но капелла ночью закрыта, - мягко заметил я.
- Мы знаем, - ответила женщина. - Мы разговаривали с профессором в своем доме, но он привел нас сюда, чтобы поговорить с вами.
- Помощник капеллана, почему ты не сказал мне, что у вашего Бога

есть множество разновидностей?

- Разновидностей? - переспросил я зевая.

- И форм. Одно божество, много форм. Бог этих людей сделан из золота и прижимает к губам трубу.

- Это не Небесный Отец, - напомнила женщина. - Это ангел Мороний.

Ах, вот в чем дело. Я понял. Профессор добрался до мормонов.

- Так вот где вы провели эту неделю? - спросил я. - Общались со «Святыми последнего дня»?

- Я посетил каждую религиозную общину в этой долине, - ответил профессор. - Похоже, они служат различным божествам. Сегодня вечером я посетил мормонов. Они вам не нравятся?

- Скажем так, я не могу сказать, что они мне симпатичны.

Прежний капеллан до самой смерти оставался ярким баптистом и никогда особенно не задумывался об идеях Джозефа Смита. Может, он и любил людей, но разговоры о так называемом «пророке» - полная чушь. Сам я с мормонами почти не пересекался: у них имелась своя церковь, у меня - своя, мы жили на противоположных концах долины, и всех это устраивало. Так зачем же профессор притащил их сюда?

- Нам лучше уйти, - заметил мужчина, почувствовавший мои настроения.

Я проводил их и вернулся к освещенному лампами алтарю.

- Я выяснил многое, - сказал профессор, указывая на алтарь. - Здесь изображены различные религиозные символы. Звезда - для иудеев. Крест используется многими разновидностями христианства. Звезда поменьше рядом с полумесяцем - для мусульман. Смеющийся толстый человек - божество буддистов.

- У буддистов нет Бога в том смысле, в каком его понимают христиане, мусульмане или иудеи.

- Но в стенах этого здания вы являетесь представителем их всех, так?

- Так поступал капеллан. А я просто содержу здание в чистоте, чтобы каждый желающий мог прийти сюда днем. Это называется, простите за длинное слово, многоконфессиональность.

- Мормоны не приходят сюда?

- Обычно - нет.

- Вы боретесь с ними за последователей?

- Что?

- Борьба за приверженцев той или иной религии являлась важной частью общественной жизни для птиц и амфибий.

Я вспомнил о кровопролитных религиозных войнах, некогда сотрясавших Землю, и задумался, «очистили» ли уже богомолы наш мир так же, как миры наших предшественников.

- Это случилось, - подтвердил я. - Но не здесь. Нас слишком мало, и бороться практически не за что.

- Когда я заглянул в мечеть, мусульмане назвали меня дьяволом.

Я слегка улыбнулся.

- Бывает. Они считают порождением зла всех, кроме мусульман. А иногда и других мусульман.

- Тогда почему в твоём доме есть их символ?

- Не все мусульмане ходят в мечеть. Некоторые порой заходят сюда.

- А мормоны не заходят?

- Послушайте, я не знаю, кому поклоняются люди, посещающие эту капеллу. Не вывешиваю табличек с приглашением для сторонников какой-то веры. Если человек заглядывает ко мне несколько раз подряд, я обычно заговариваю с ним и узнаю, кому он верит. Но некоторые люди просто молчат. Они заходят, садятся, а происходящее в их умах и сердцах - не мое дело.

- Тогда как же люди присоединяются к твоей церкви?

- У меня нет никакой церкви. Само здание, оно... это еще не вера. Просто так получилось, что моя капелла служит нескольким религиям сразу. Другие - мечеть, синагога, буддийский храм - предназначены только для одной «разновидности».

- Великолепно, - промолвил профессор.

- Какая же срочность заставила вас протащить парочку мормонов через всю долину посреди ночи, чтобы поговорить со мной?

- Завтра я приведу сюда своих студентов. Я уже получил разрешение от мормонов и буддистов. Поскольку в мечеть меня не пустили, я прошу разрешить моим студентам бывать здесь, чтобы они смогли изучить мусульманство и иудаизм. И любые другие виды религий, которые вы сможете им показать.

- Как насчет индуизма? - предложил я.

- Я не видел зданий, посвященных индуизму.

- Здесь есть и сторонники этой религии, хотя их немного.

- В таком случае мы хотели бы познакомиться с ними.

Черт, где же капеллан, когда он так нужен? Ему бы понравилась такая возможность: принести свет врагу, проповедовать Закон Божий инопланетным варварам. Но капеллан умер, а я застрял на этой планете. До сих пор мне хватало моих скромных познаний об основных религиях Земли, но этим все ограничивалось. Я подозревал, что рассказывать богатолам о конфессиях, в которых я сам едва разбираюсь, - плохая идея.

В любом случае, сначала я хотел услышать ответ на свой собственный вопрос:

- Почему я должен помогать вам, если ваш народ собирается уничтожить нас?

Профессор задумался.

- Хороший вопрос, помощник капеллана.

- Итак?

- Если рассуждать логически, то ответ следующий: у тебя нет причин

нам помогать.

- А что если я скажу: иди к своим богомолам - к этому вашему Кворуму - и убеди их пощадить нашу долину. Даже не так: убеди их отложить Четвертую экспансию. Только тогда мы будем сотрудничать - и точка.

Судя по жестам профессора, мои слова застали его врасплох.

- Я ученый, а не политик, - сказал богомол. - Ты просишь о том, что я не могу обещать и, возможно, не сумею даже попытаться исполнить.

- Ты говорил, что многие богомолы хотели избежать этой вашей распространенной «ошибки», когда вы сначала всех убиваете, а только потом пытаетесь понять. Может, стоит попробовать убедить их? Насколько сильно их влияние?

- Ты просишь невозможного.

- Но у тебя и твоих единомышленников наверняка должно быть достаточно рычагов, чтобы по крайней мере заставить Кворум подумать дважды, не так ли?

Профессор загрохотал конечностями по диску.

- Нет, помощник капеллана, я не могу этого сделать.

- Тогда я не буду тебе помогать. Обращусь к представителям всех церквей и расскажу им о ваших планах. Тогда вы ничего больше не узнаете о религии.

- Ты снова отказываешься мне помогать, - констатировал он.

- И снова должен напомнить, что терять мне нечего. А ты можешь сказать о себе то же самое?

Богомол пялился на меня, слегка раскрыв рот. Судя по усиленной циркуляции голубой влаги под его панцирем, я заставил его здорово понервничать. Он думал, я буду подчиняться, а не торговаться.

- Это потребует времени, человек, - наконец произнес он.

- У меня сколько угодно времени. Прямо до смерти.

Профессор повернулся к алтарю и долго смотрел на него, пока отблески затухающих ламп плясали по диску.

- Задача не из легких, - сказал он, колеблясь. - Если я вернусь со своими студентами, ты поймешь, каков наш ответ.

- А если ты не вернешься? - спросил я.

- Тогда и это послужит ответом.

Когда последняя лампа погасла, он улетел, оставив меня в холодной тьме.

* * *

Прошла неделя. Затем месяц. На Чистилище не существовало времен года - ни весны, ни лета, ни осени, ни зимы, только более теплое и более холодное время, совпадающее с ростом и увяданием растительности в нашей долине.

Бывшие офицеры вновь приходили допрашивать меня, затем меня навещали представители разных конфессий. Все они хотели знать о наших с профессором разговорах. Я выкручивался, как мог, скрывая главную новость, которую по-прежнему не решался разглашать, - и жизнь продолжалась.

Два месяца. Три месяца. Мой страх перед неизбежным концом рос день ото дня. Профессор не назвал никаких сроков, поэтому я не мог знать: то ли дело затягивается благодаря его стараниям, то ли песчинки в пресловутых песочных часах отмеряют наши последние дни. Поскольку богомол не возвращался, я подозревал, что все мои робкие надежды напрасны, и готовился встретить судьбу, какой бы она ни оказалась.

Тем временем слухи о моих разговорах с профессором распространились по долине, и число прихожан существенно выросло. Я не знал, хорошо это или плохо, но по крайней мере испытывал благодарность за увеличившееся число пожертвований, которые люди оставляли в коробке у входа. Проповеди я по-прежнему не читал, поскольку абсолютно не представлял, что сказать людям. Я просто содержал капеллу в чистоте, расставлял предметы на алтаре в нужном порядке и приветствовал всех, кто ко мне приходил.

Когда миновал местный год, равнявшийся приблизительно полутора земным, я уже начал задумываться, не выдавал ли себя за профессора какой-нибудь местный псих. Если такие попадают среди людей, почему бы им не оказаться и среди богомоллов? В конце концов, его интересовала религия, и он не предоставил никаких доказательств истинности своих слов. Возможно, он помешался на разного рода эсхатологических мифах и наплел мне небылиц.

Первым признаком неизбежного конца стали рассказы фермеров о движении Стены. Поначалу она перемещалась медленно, всего на несколько сантиметров в день. Затем отведенная нам площадь стала сужаться быстрее. Однажды я сам дошел до границы нашего маленького мирка и увидел, как завеса плавно плывет над землей - бесшумная и смертоносная.

Люди тут же ударились в панику, а на меня, напротив, снизошел странный покой. По крайней мере, я получил ответ. Профессору не удалось переубедить своих сородичей, и мне, видимо, суждено стать свидетелем конца человеческой расы на этом высушенном куске камня в забытом уголке освоенной части Галактики.

Капелла заполнилась до отказа, и мне пришлось разрешить людям оставаться на ночь. Да и кто я такой, чтобы отказывать им в такие-то времена? Каждый мог находиться внутри сколько угодно - если только не прибавлял мне работы, оставляя после себя мусор.

Когда Стена подступила к самому краю долины, в капеллу набилось больше людей, чем она могла вместить. Я уже начал тревожиться, как

бы страх в толпе не привел к кровопролитию, но большая часть прихожан разделяла мои настроения: спокойные и тихие, они пытались достичь гармонии со Вселенной прежде, чем их жизнь придет к своему неминуемому концу. К тому же каждый из нас, наверное, хотел освободиться, ведь с тех пор, как мы спокойно гуляли по своему миру и чувствовали себя его полноправными хозяевами, прошли годы. А жить в долине под пятой богомоллов - будто похоронить себя заживо.

Что ж, теперь все закончится.

* * *

Когда Стену стало видно уже с порога капеллы, люди начали сдаваться один за другим. Мои прихожане, другие жители долины - все, кто просто устал от ожидания и решил покончить с этим раз и навсегда. Я научился выделять таких людей из толпы: они вставали и тихо выходили наружу, а на их лицах появлялось выражение безграничного покоя. Так они шли, неторопливо, без спешки, прямо в Стену. Затем мы видели вспышку, и человек превращался в распадающееся облако углерода. Я слышал, что другие церкви стали бороться, ведь самоубийство - великий грех, и те, кто исчезал в Стене, осуждены на вечные муки.

Так говорили в других церквях, но я не разделял эти взгляды. Не хотелось мне верить в Бога, проклинающего тех, кто выбрал свободу. Особенно с учетом того, что нам в любом случае оставалось недолго. Я и сам пару раз задумывался: может, и мне стоит просто встать, выйти и покончить со всем? Но как же моя паства... Они нуждались в капеллане, поэтому я просто наблюдал, как Стена приближается, а по ночам видел странные сны, в которых меня уносило прочь теплой волной. Я улетал в другой мир, далеко-далеко от тех мест, где мне доводилось бывать.

Поднявшись однажды утром, чтобы зажечь лампы у алтаря в предрассветных сумерках, я услышал чей-то крик, раздавшийся возле входа в капеллу. Перепрыгнув через людей, спавших в центральном проходе, я выбежал наружу и наткнулся на женщину, прислонившуюся к дверному косяку и указывавшую рукой вдаль. Я проследил за ее взглядом, но не усмотрел ничего необычного. Смутные очертания гор, едва заметная полоска неба, начинающего светлеть на востоке.

А потом меня будто ударила молния.

Я не видел ничего, кроме гор!

Крики, раздавшиеся изнутри, разбудили тех, кто еще спал.

Спотыкаясь, я спустился с крыльца и встал на утопанную землю. Люди из окрестных домов тоже выходили наружу, чтобы узреть это своими глазами.

Стена исчезла.

* * *

Профессор посетил нас в тот же день. За ним следовали восемь десятков молодых богомолов, все без оружия и брони, с зелеными панцирями (панцирь профессора имел тускло-коричневый цвет). Очень юные и очень любознательные.

Они собрались у капеллы и смотрели на сотни людей, стоявших внутри и снаружи. Людей, благодаривших различных богов за неожиданное спасение. Я вышел встретить профессора с искренней улыбкой на лице - едва ли не первой за эти два года.

- У вас получилось, - заметил я.

- Пока да, - согласился профессор, слегка шевеля крыльями. - Мы долго спорили между собой, но в итоге все же объединились и надавили на Кворум. И они согласились остановить вашу казнь.

- А как насчет Четвертой экспансии?

- Ее тоже решено приостановить, пока я со студентами не завершу свои исследования. Мы собираемся узнать о вас все. Нас интересуют религия, культура... ну и прочее, но в естественной среде.

- Поэтому вы убрали Стену?

- Да. Об этом спорили больше всего, но мы с коллегами верим, что никакое исследование невозможно до тех пор, пока вы закрыты в пробирке. Вы можете отправиться, куда захотите, хотя должен предупредить, что не каждому из моих сородичей понравится вид человека, свободно разгуливающего по земле, которую они считают своей. Советую соблюдать осторожность.

- А когда ваше исследование завершится?

- Это произойдет очень нескоро, помощник капеллана. Пройдет много ваших лет, и к тому времени многие могут изменить свою точку зрения.

- Вы говорите о богomoлах?

- Возможно, и о людях тоже, - ответил профессор.

Он снова пошевелил крыльями, и я вдруг почувствовал, как во мне поднимается смех. Чистый, веселый смех. Я расхохотался, да так, что согнулся пополам.

Когда эта вспышка эмоций прошла, я выпрямился, вытирая слезы.

- Пойдемте, - сказал я. - Вы выполнили свою часть сделки, а я теперь должен исполнить свою. Вам нужно это увидеть.

И я повел профессора внутрь, к своей пастве.

Перевел с английского Алексей КОЛОСОВ

© Brad R.Torgersen. The Chaplain's Assistant. 2011. Печатается с

разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2011 году.

АНТУАН ЛАНКУ,
ЖЕСС КААН

НЕГАРАНТИЙНЫЙ ДЕФЕКТ

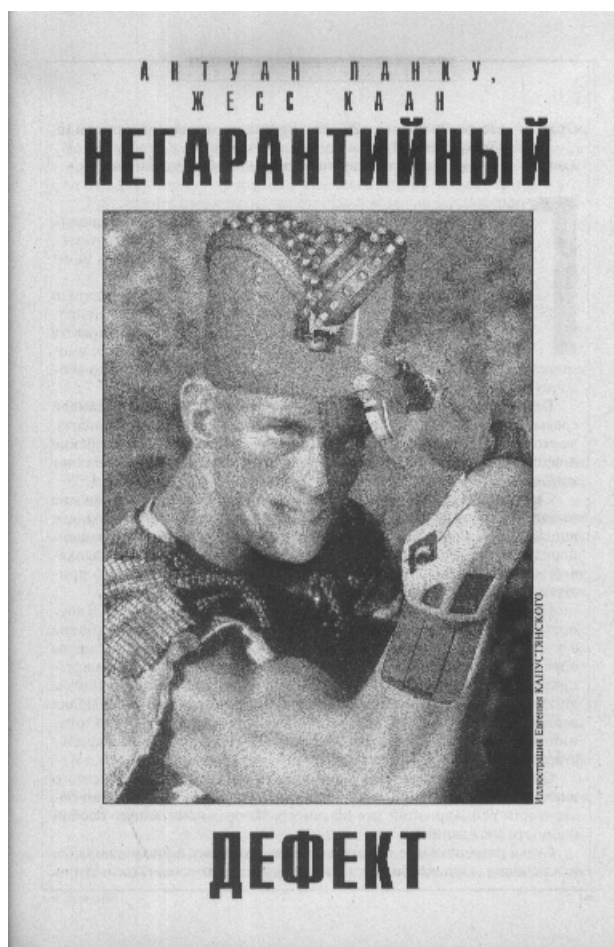

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

От кого: Тоин Веко, п/я 26 кб; Северное крыло, корпус 415;
ToVe@loco.net Кому: Отдел жалоб и заявлений компании «Возрождение
Инк.»

Господа!

Осмеливаюсь направить вам это сообщение, чтобы выразить свое глубочайшее недовольство. Впервые я воспользовался услугами вашей компании в июне 423 года, после своей смерти в египетской

пустыне. Ввиду того, что тогда в результате несчастного случая мое тело получило неустранимые повреждения, группа ваших нейротравматологов предложила мне перенести всю совокупность моих воспоминаний, а также сумму профессионального, эмоционального и познавательного опыта в одушевленную телесную оболочку, смоделированную по типу моей прежней внешности.

При заключении договора были указаны условия окружающей среды, в которых протекает моя профессиональная деятельность, психологические противопоказания и желательные эстетические и функциональные изменения. После этого мне был выставлен счет к оплате.

Сегодня, спустя два года и одну неделю после предоставления мне нового тела, которое, должен признать, служило безупречно, коллеги вновь обнаружили меня в пустыне мертвым. Вызванные в срочном порядке медицинские работники не нашли в теле каких-либо злокачественных образований, патологий или признаков сердечного приступа. Затем они заявили, что не могут ничего сделать...

Поэтому я и решил направить вам это сообщение. Могу ли я воспользоваться стандартной процедурой замены предыдущего тела с учетом его необъяснимой и преждевременной смерти? Если вы обратитесь к материалам моего личного дела, то увидите, что я исправно являлся на запланированные консультации к специалистам лицензированных вами центров обслуживания, а также соблюдал все медицинские рекомендации, вследствие чего при использовании тела не выходил за рамки предписаний инструкции по эксплуатации.

Однако (надеюсь на ваше понимание) я уже достиг своего шестого и последнего возрождения. Как вам известно, закон не разрешает более шести реинкарнаций для обычного, не представляющего особой ценности гражданина.

Судья разрешил мне обратиться к вам по этому поводу в порядке исключения. Однако больше я не смогу на него полагаться. Лишь факт того, что вы возьмете на себя соответствующие обязательства, может спасти меня от окончательной и безвозвратной кончины.

В надежде, что сумел достаточно четко изложить возникшую передо мной проблему, прошу принять мои наилучшие пожелания.

P.S. Желательно, чтобы вы ответили мне как можно быстрее, поскольку судья предоставил мне возможность существования в виде виртуального образа лишь в течение шести часов.

* * *

От кого: Сеть виртуальных сообщений № 930 компании «Возрождение Инк.», код CNIL 456-582-756 от 12.01.3K09

Кому: Тоин Веко, л/я 26 кб; Северное крыло, корпус 415; ToVe@loco.net
Копия: Master-of-Schwarzhole@schwarzhole-centre-detention-tro-cool.gouv
Тема: Ваше сообщение

Гражданин!

Нами получено сообщение, отправленное Вами в 10 ч. 03 мин. 09.14.5K07, входящий номер 0945K389632-1a, и мы благодарим Вас за доверие, оказанное компании «Возрождение Инк.».

ИскИн «Мерилин Монро» ответит на Ваше сообщение в течение ближайших двух часов.

Желаем Вам приятного дня.

Искренне Ваш,
ИскИн «Мгновенный ответ»

P.S. Примите участие в большой игре «Потусторонняя жизнь», чтобы выиграть один из сеансов психической реабилитации, которые проводит выдающийся специалист Нью-Делийского факультета профессор Д'Минжисикор. За справками обращайтесь на сайт «Возрождение Инк.».

P.P.S. Не нужно отвечать на данное сообщение.

* * *

От кого: Тоин Веко, п/я 26 кб; Северное крыло, корпус 415; ToVe@loco.net
Кому: Сеть виртуальных сообщений № 930 компании «Возрождение Инк.»

Господа (или дамы)!

Не получив от вас информации в ожидаемый срок, позволю себе вновь обратиться в службу автоматического ответа на сообщения пользователей.

Напоминаю, что предмет моего обращения касается тела, которое было предоставлено при шестом возрождении и не по моей вине скончалось спустя два года и одну неделю после указанной реинкарнации.

Я не оспариваю качество ваших изделий или услуг, но тем не менее не может ли идти речь о некоем - и, несомненно, весьма незначительном - дефекте, который и вызвал летальный исход? Если бы вы в порядке исключения удовлетворили мою просьбу, то это позволило бы вашей компании продемонстрировать всему миру добросовестность, уважительное отношение к своим клиентам, а мне помогло бы выбраться из тупиковой ситуации.

Благодарю вас за отклик на мое ходатайство. Напоминаю, что судья по исполнению процедуры временного возрождения предоставил мне весьма короткий срок для заключения мирового соглашения с вашей

компанией.

Спасибо за внимание и примите мои заверения в глубочайшем уважении.

P.S. Прошу принять к сведению данное сообщение, хотя установленный для обработки обращений клиентов двухчасовой срок, возможно, еще не истек. Стенные часы в Центре временно-профилактического содержания, видимо, страдают врожденной патологией, а посему не отличаются точностью хода.

* * *

Сервер автоматического ответа на сообщения (Serv-repo-automatic@RESUR-EXION.Universe)

НЕИЗВЕСТНОМУ ПОЛЬЗОВАТЕЛЮ

С сожалением вынуждены сообщить о невозможности доставки Вашего сообщения отправителю. Это сообщение прилагается ниже. По всем возникшим вопросам обратитесь, пожалуйста, к своему системному администратору. При этом приложите отчет о данной проблеме. Вы можете удалить свой текст из возвращенного нами сообщения.

Прилагаемое сообщение: «Вы были предупреждены о том, чтобы не писать по этому адресу».

* * *

От кого: Сеть виртуальных сообщений № 940-В Юридического отдела компании «Возрождение Инк.»; барристер Кесс Джа (версия 2-11)

Кому: Господину Тоину Веко, п/я 26 кб; Северное крыло, корпус 415; ToVe@loco.net

Копия: Master-of-Schwarzhole@schwarzhole-centre'detention-tro-cool.gouv

Тема: Дело 0945K389632-1а (номер для ссылок в дальнейшей переписке)

Уважаемый господин!

После получения от ИскИна «Мерилин Монро» Вашего сообщения, отправленного в 10 час. 03 мин. 09.14.5K07, наш отдел внимательно изучил его.

Для наиболее эффективной обработки Вашего запроса (см. статью 3201-142, пункт 14653 Устава компании «Возрождение Инк.») были бы Вам признательны, если бы Вы предоставили нам следующие документальные обоснования:

1) Номер клиентского договора (дело в том, что Ваше имя не было

найденно в наших архивах; возможно, Вы меняли свой адрес в предыдущих реинкарнациях?);

2) Подробный отчет об обстоятельствах Вашей кончины, заверенный электронной подписью врача, производившего посмертный осмотр и вскрытие тела;

3) Номер Вашего места временного захоронения;

4) Необходимо также внести эксклюзивный залог в размере 1500,21 евро, согласно ст. 17654, пункт I-2-b Устава компании «Воз-Рождение Инк.».

Благодарю за доверие, оказанное Вами компании «Возрождение Инк.». В свою очередь, примите заверения в моем глубоком уважении.

Кесс Джа, 2-11

* * *

От кого: Тоин Веко, п/я 26 кб; Северное крыло, корпус 415; ToVe@loco.net
Кому: Сеть виртуальных сообщений № 940-В Юридического отдела компании «Возрождение Инк.»; барристеру Кесс Джа версии 2-11
Тема: Дело 0945K389632-1а

Уважаемый господин!

С глубоким облегчением, несмотря на задержку, получил Ваше сообщение. Позвольте, однако, выразить недоумение по поводу запрошенных Вами документов.

Что касается места, в котором хранится мое тело, то речь идет об инфекционном отделении Института тропических болезней (г. Илл-Ак). Поскольку причины моей смерти не были установлены, как я Вам уже сообщал ранее, то компетентные медицинские организации решили избежать риска возможного заражения.

Мне трудно представить Вам свое свидетельство о смерти. Административным решением суда по человеческим и общественным вопросам мне было отказано в доступе к личным документам ввиду моей недееспособности. Дело в том, что, исчерпав шесть реинкарнаций, установленных законом, отныне я считаюсь неживым субъектом.

Думаю, Вы не сможете предпринять какие-либо действия без этого медицинского документа, а потому просил бы Вас самого запросить его у полицейских властей г. Кальвер.

И наконец, что касается моего клиентского номера. Не понимаю, почему Вам не удалось найти его в своих архивах. После подписания договора с Вашей компанией я не менял ни адрес, ни фамилию, ни тем более род занятий или пол.

Выполняя Ваши предписания, я, конечно же, представил бы Вам

копию своего договора, но, учитывая мое нынешнее положение (вновь напоминаю, что я почти мертв и пользуюсь в порядке исключения возможностью шестичасового пребывания в шварцхольском Центре временного содержания), не могу получить доступ к своим персональным архивам. Тем не менее более тщательное исследование Ваших архивов должно решить эту небольшую проблему.

В ожидании ответа прошу ускорить исполнение соответствующих формальностей.

P.S. Полагаю, преждевременно говорить о какой-либо выплате, поскольку решение по моему делу еще не принято (если только внесение залога не означает, что заводской дефект моего тела Вами уже официально признан).

* * *

От кого: Сеть виртуальных сообщений № 940-В Юридического отдела компании «Возрождение Инк.»; барристер Кесс Джа (версия 2-11)

Кому: Господину Тоину Веко, п/я 26 кб; Северное крыло, корпус 415; ToVe@loco.net

Копия: Master-of-Schwarzhole@schwarzhole-centre-detention-tro-cool.gouv

Тема: Дело 0945K389632-1a (номер для ссылок в дальнейшей переписке)

Уважаемый господин!

Сегодня мы получили из инфекционного отделения Института тропических болезней г. Илл-Ак запрос об изъятии Вашей телесной оболочки.

Этот запрос помог нам оперативно найти Вас в наших архивах. По всей видимости, при заключении с нами договора Вы неправильно указали свое имя («Тоен» вместо «Тоин»), хотя Вам следовало бы быть внимательнее в этом отношении.

С учетом испытываемых Вами в настоящее время затруднений мне удалось добиться скидки по эксклюзивному залому, вследствие чего отныне залоговая сумма будет составлять всего лишь 789,99 (семьсот восемьдесят девять евро девяносто девять центов)!

Напоминаю, что в случае невнесения этого залога Вы не сможете претендовать на ведение Вашего дела персональным барристером. Поэтому я настоятельно рекомендую Вам внести требуемую сумму, предоставив код доступа «AR-NAK-PLOOK-TX421» руководителю Центра содержания для исполнения всех необходимых формальностей и благополучного решения данной административной проблемы.

Что касается запроса инфекционного отделения Института

тропических болезней г. Илл-Ак, то он свидетельствует о недоумении, которое медики проявляют в отношении Вашего пребывания в этом учреждении.

Вам наверняка будет приятно узнать, что Вы скончались не от инфекционного заболевания, а по неизвестной причине!

Наши специалисты получили полный отчет о результатах сканирования Вашей оболочки и намерены проанализировать каждую частицу стабилизированного генома и тканей. Результаты этого исследования будут вскоре доведены до Вашего сведения (разумеется, если Вы внесете эксклюзивный залог).

Выражая признательность за доверие, оказанное Вами компании «Возрождение Инк.», заверяю Вас в своем искреннем уважении и желаю Вам приятного времяпровождения.

Кесс Джа, 2-11

* * *

От кого: Тоин Веко, п/я 26 кб; Северное крыло, корпус 415; ToVe@loco.net
Кому: Сеть виртуальных сообщений № 940-В Юридического отдела компании «Возрождение Инк.»; барристеру Кесс Джа версии 2-11
Тема: Дело 0945K389632-1a

Уважаемый господин!

Я рад, что всего через пять часов и пятьдесят девять минут (!) после моего обращения за разъяснениями по поводу моей преждевременной кончины подразделения вашей компании, кажется, стали проявлять интерес к моему делу.

Меня также утешает тот факт, что наконец-то достигнут консенсус по поводу необъяснимости моей смерти, хотя, смею напомнить, это было ясно с самого начала. Ведь помещение моего тела в Институт тропических болезней было обусловлено всего лишь осторожностью медиков. Поэтому я с удовлетворением воспринял весть о том, что ваши специалисты пришли к тем же выводам за столь короткий срок.

Я также готов забыть недоразумение, связанное с моим именем. Не умея, как и вы, ни читать, ни писать, программа распознавания речи, видимо, неверно транскрибировала мое имя в договоре. По всей видимости, ваши программы банковских операций более совершенны, раз им безошибочно удавалось производить ежемесячное перечисление средств с моего счета в пользу вашей компании.

Что касается финансового аспекта моего дела, то я с сожалением вынужден информировать вас о том, что выполнение каких-либо банковских операций по моему счету было прекращено под тем предлогом, что я более не числюсь живым. Все мои авуары были

заморожены до тех пор, пока не будет принято решение о моей судьбе.

Поэтому я был бы рад узнать от вас результаты рассмотрения моего дела, дабы довести их до соответствующих должностных лиц. Лишь после этого, и не раньше, было бы возможно произвести выплату запрошенной вами залоговой суммы.

Будучи благодарным за те усилия, которые Вы прилагаете, чтобы доставить мне массу неприятностей, я тем не менее шлю Вам свои наилучшие пожелания.

P.S. Не считите мои высказывания циничной издевкой. Я ведь уже - или почти - мертв. А мертвец не может быть циником. К тому же с учетом того, как быстро продвигается наше общее дело, суд по человеческим и общественным вопросам дал мне новую отсрочку для ожидания результатов. Поэтому отныне Вам бесполезно пытаться выиграть время всякими уловками, надеясь, что мой срок истечет.

* * *

От кого: Сеть виртуальных сообщений № 940-В Юридического отдела компании «Возрождение Инк.»; барристер Кесс Джа (версия 2-11)

Кому: Господину Тоину Веко, п/я 26 кб; Северное крыло, корпус 415; ToVe@loco.net

Копия: Master-of-Schwarzhole@schwarzhole-centre-detention-tro-cool.gouv

Уважаемый господин!

Несмотря на многочисленные призывы с нашей стороны, Вы все-таки не решили вопрос с внесением эксклюзивного залога. Если Вы не произведете оплату, то это сообщение станет последним. Вы должны понимать, что у нас частная, а не государственная юридическая контора и тем более не благотворительная организация.

Ваши аргументы по поводу того, что мы закрыли Ваши счета, не могут быть приняты. Если Вы получили срок дополнительной жизни, то суд должен был выдать Вам электронный сертификат N-1123-X-14. Вам следует передать его ответственному администратору Центра содержания, чтобы банк удовлетворял Ваши требования (в случае отказа Вы можете сослаться на решение суда по делу «Каларетти против Европейского банка имени Магды Эсбруффы»).

А что касается Ваших несправедливых намеков на якобы имевшую место недобросовестность нашей фирмы, то да будет Вам известно, что наши финансовые и юридические службы действуют независимо друг от друга и пользуются совершенно разным программным обеспечением.

С учетом заключений наших медицинских подразделений мы понимаем Ваше психологическое состояние и стараемся сделать все

от нас зависящее для удовлетворения Вашего ходатайства.

Мы рады, что Вам удалось получить дополнительный срок жизни, и после внесения Вами эксклюзивного залога готовы сделать Вам весьма заманчивое предложение.

Выражая признательность за доверие, оказанное Вами компании «Возрождение Инк.», заверяю Вас в своем искреннем уважении и желаю приятного времяпровождения в Центре содержания Шварцхоле.

Кесс Джа, 2-11

* * *

От кого: Тоин Веко, п/я 26 кб; Северное крыло, корпус 415; ToVe@loco.net
Кому: Сеть виртуальных сообщений № 940-В Юридического отдела компании «Возрождение Инк.»; барристеру Кесс Джа версии 2-11
Тема: Дело 0945K389632-1а

Уважаемый господин!

С сожалением вынужден констатировать, что не разделяю Вашего мнения относительно «несправедливых намеков», якобы составивших содержание моего последнего сообщения - впрочем, и предыдущих тоже...

И пускай я покажусь Вам тупым упрямым, но Вы, в свою очередь, вбили себе в голову и твердите мне с упорством про этот чертов залог, тогда как ваша фирма должна была бы в первую очередь заботиться об установлении истины в моем деле.

Тем не менее в угоду Вам, несмотря на то что Вы ограничены должностными инструкциями, составленными Вашим тупоголовым начальством, и поскольку у меня, видимо, нет иного выбора, я передал Ваше сообщение ответственным администраторам Центра содержания Шварцхоле.

С нетерпением жду от Вас предложения, которое, напоминаю, имеет своей целью убедить суд в том, что моя смерть не имела каких-либо законных причин. В противном случае я уже не присоединюсь к миру живых и, вполне очевидно, мне не потребуются ни тело, произведенное вашей фирмой, ни регулярные (и весьма прибыльные для вашей компании) процедуры по его обслуживанию и содержанию. Согласитесь, что такой исход дела был бы крайне невыгоден ни для меня, ни для вас.

Выражая признательность за ту меркантильную заинтересованность, которую Вы проявляете ко мне, прошу Вас официально закрыть мое дело.

* * *

От кого: Сеть виртуальных сообщений № 940-В Юридического отдела компании «Возрождение Инк.»; барристер Кесс Джа (версия 2-11)

Кому: Господину Тоину Веко, п/я 26 кб; Северное крыло, корпус 415; ToVe@loco.net

Тема: Дело 0945K389632-1а, ТРАНСАКЦИЯ

Уважаемый господин!

Благодарим Вас за выплату эксклюзивного залога, которая была зарегистрирована под номером PLOOK-GRU- G 123456789-KJ.

По рассмотрении материалов Вашего дела напрашивается вывод о том, что, по всей видимости, Ваше тело стало жертвой рокового сбоя.

Анализ результатов сканирования Вашей телесной оболочки показывает, что выход ее из строя был обусловлен поломкой части 925-b, вызванной, в свою очередь, поглощением значительного количества биосалатов.

Мы немедленно внесли Ваш случай в нашу базу данных с тем, чтобы не допустить повторения подобных инцидентов среди потребителей наших изделий.

В связи с истечением гарантийного срока и отсутствием от Вас заявлений об этом дефекте (который, по мнению наших экспертов, мог быть легко замечен по усиленному газообразованию в кишечнике и отрывке с лимонно-кислым или медово-сладким вкусом) мы не можем предоставить Вам новую телесную человеческую оболочку.

Однако, сознавая, какие неприятности принесло Вам это дело, и оценив Вашу настойчивость в содействии совершенствованию нашей продукции, наша компания приняла решение пойти Вам навстречу и безвозмездно предложить Вам в исключительном порядке оболочку андроидного типа 325-НОМ, которая используется для работы на шахтах на планете Гольхоза.

Если Вы принимаете это предложение, прошу Вас дать ответ в течение ближайших трех часов. В этом случае космическое транспортное судно за наш счет доставит Вас на луну Тета Гольхозы. В противном случае мы желаем Вам приятного окончания жизни и, естественно, возьмем на себя все расходы, связанные с Вашим уходом из мира живых: перевозку Ваших останков, переработку телесной оболочки на биотопливо типа «Фокзагаз» и внесение Вашего имени в РОУЖ (Реестр окончательно ушедших из жизни).

Искренне Ваш,
Кесс Джа, 2-11

P.S. Было приятно обмениваться с Вами сообщениями на протяжении столь долгого времени.

P.P.S. Успешное завершение работы по Вашему делу позволяет мне

надеяться на должностной апгрейд до версии 3-11!

ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ

От кого: Тоин Веко, версия 325-НОМ; шахта № 23454; Golghoze T.E.@golghoze.lostinspace

Кому: Сеть виртуальных сообщений № 940-В Юридического отдела компании «Возрождение Инк.»; барристеру Кесс Джа версии 3-11

Уважаемый господин!

Осмеливаюсь вновь связаться с Вами, чтобы выразить свое крайнее недовольство.

Примерно три месяца назад я обращался к Вам за помощью для решения проблемы моей преждевременной кончины (дело № 0945K389632-1a; привожу эти данные, чтобы исключить напрасную трату Вашего драгоценного времени на безуспешный поиск по архивам компании и принесение Вами тысяч лицемерных извинений).

В то время, прибегнув к множеству юридических и административных уловок, проявив нежелание понять мои трудности и злоупотребив своим служебным положением, Вы вынудили меня отказаться от биологического тела и переместиться в синтетическую оболочку.

Впрочем, по истечении короткого периода адаптации я убедился в том, что предоставленная мне оболочка весьма функциональна и комфортабельна. Она обладает высокоэффективными солнечными датчиками, а ее сервомоторы и противопылевые фильтры не нуждаются в обслуживании. Мне больше не нужно тратить время на питание и сон, а сила моя стала неизмеримо больше, чем во время пребывания в человеческом теле. Разумеется, наличие механических захватов вместо пальцев на руках потребовало определенной тренировки, но зато оказались весьма кстати электродрель и буровое долото.

Мое недовольство вызвано условиями того профессионального контракта, который по Вашему настоянию (наверняка под давлением Вашего начальства) мне пришлось подписать с администрацией Гольхозы.

Мои товарищи по несчастью и я сам внимательно изучили свои контракты в ходе регламентных перерывов, которые длятся половину наносекунды гольхозианского дня.

Для нас стало неприятным сюрпризом, что за работу на местных шахтах не полагается никакого вознаграждения. Да и сам характер этой работы по принципу «любая возможная производственная деятельность», как нам представляется, несправедливо лишает нас

всякой перспективы карьерного роста. Наконец, срок действия контракта, указанный как «неограниченный», предполагает работу в течение неопределенного времени, а потому является явно чрезмерным. И вдобавок ко всему вместо увольнения на пенсию нам гарантирована лишь переплавка на Космических металлургических заводах, которыми управляет ваша компания.

Мы фактически лишены свободы мысли, гарантированной Межзвездной конвенцией прав разумных существ в статье 1, которую я не рискую цитировать, дабы не оскорбить Ваше достоинство профессионального юриста.

Как Вы понимаете, текст контракта (по сути, навязанного) является грубым произволом по отношению ко мне и моим товарищам.

Мы убеждены, что присущее Вам чувство ответственности поможет Вам разрешить это недоразумение быстро, эффективно и СПРАВЕДЛИВО (некоторые уже требуют надбавку за свое нестабильное существование в размере 789,99 евро).

В том невероятном случае, если Ваше руководство создаст препоны для удовлетворения этих скромных притязаний, будьте уверены, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы добиться Вашего увольнения. Не беспокойтесь, мы не станем бастовать, поскольку забастовки запрещены нашим контрактом. И мы не будем создавать какой-то профсоюз, ведь согласно пункту «z» статьи 123-b мы лишены такого права. Однако, чтобы убедить Вас в серьезности наших намерений, примите к сведению следующее. Как мы заметили, излишне долгая ежедневная работа отрицательно сказывается на наших электронных системах осязания и зрения. Поэтому временами мы страдаем сильной близорукостью до такой степени, что можем спутать ценные горные породы с обычными камнями.

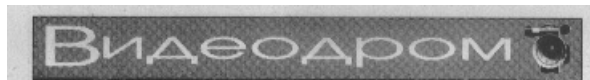
Подобное функциональное расстройство способно нанести серьезный материальный ущерб вашей компании с учетом возможного снижения ее прибыли. Представьте себе, какие последствия это возымеет для торгового оборота Гольхозы и деловой репутации вашей фирмы.

Заранее благодарен и заверяю в Вашем лице руководство компании, что данное сообщение является вовсе не ультиматумом, а просто информацией. Прошу Вас также сообщить своим начальникам, что мы не желаем больше менять свое тело. Мы не намерены угодить в плавильные печи Космических металлургических заводов. И меньше всего мы хотели бы оказаться высланными с планеты на военно-транспортных или любых иных транспортных средствах, способных создать угрозу для нашей физической целостности и психики, которая и без того уже сильно нарушена условиями нашего существования.

Заверяя в отсутствии теплых чувств по отношению к Вам, я предвижу и заранее предвкушаю последующую длительную переписку между нами.

Перевел с французского Владимир ИЛЬИН

© Antoine Lencou, Jess Kaan. Hors Garantie. 2008. Печатается с разрешения авторов.

Видеодром

экранизация

ХОЛМС В ЗАТЕРЯННОМ МИРЕ

Фантастику и детектив высокомерная академическая критика традиционно относит к «низким» жанрам. Но редкий автор оставил значимый след в обоих. Самый известный из таких «многодетных отцов» - сэр Артур Конан Дойл.

Детективная и фантастическая линии в творчестве Конана Дойла определились еще в начале творческого пути писателя. Первая повесть о Шерлоке Холмсе «Этюд в багровых тонах» была опубликована в 1887 году. А первое научно-фантастическое произведение «Открытие Рафлза Хоу» увидело свет четыре года спустя, в 1891-м, хотя написано было еще во время учебы в Вене. Кино появилось в годы зрелости писателя, и тот успел не только увидеть свои творения на экране, но и сняться сам. Более того, приключения Шерлока Холмса на сегодняшний день самые экранизируемые литературные произведения.

Инсценировки фантастики Конана Дойла и его детективов за время развития нового искусства сопутствовали друг другу, обменивались образами, переплетались.

Двадцатый век начинается

Главное достижение писателя в области фантастики вышло через 25 лет после «рождения» великого сыщика с Бейкер-стрит. Столетие назад, весной 1912 года, в лондонском журнале «Стрэнд» началась публикация «Затерянного мира». Роман не был таким уж новаторским, нечто похожее писали и ранее. Но именно он стал наиболее известным сочинением подобного рода, так что его «именем» окрестили целый поджанр зарождающейся научной фантастики. Скоро миллионы читателей всего мира с увлечением следили за историей о том, как бородатый скандалист профессор Челленджер, его оппонент Саммерли, газетчик Мелоун и охотник лорд Рокстон пытаются найти на южноамериканском плато динозавров.

К моменту выхода «Затерянного мира» из печати сыщик Холмс уже осваивал новомодный синематограф. Впервые он появился на белом полотнище экрана под аккомпанемент тапера в 1900 году. Короткометражная немая лента американского режиссера Артура Марвина «Расстроенный Шерлок Холмс» была, кстати говоря, отчасти фантастической. Великий детектив сталкивался в своей гостиной с грабителем, который то появлялся, то исчезал, пока не пропал окончательно вместе с награбленным. Этим и объясняется «расстроенный» вид Холмса в финале. Разумеется, трюковая комедия, выставившая сыщика простофилей, никакого отношения к сэру Артуру Конану Дойлу не имела, кроме заимствованного персонажа.

Однако первым чисто фантастическим фильмом, снятым по произведению писателя, был вовсе не «Затерянный мир». Экранизации подвергся второй роман о профессоре Челленджере «Отравленный пояс», опубликованный в 1913 году. Немую короткометражную комедию Уильяма Бертрама «Возвращение кометы», поставленную в 1916 году по этому роману, наверное, следовало бы посчитать и одним из первых образчиков фильмов-катастроф в истории кинематографа.

Наконец, в 1914 году была впервые перенесена на экран и самая популярная история о Шерлоке Холмсе - «Собака Баскервилей».

Хотя мистические события объясняются в повести вполне рациональным образом, это не помешало грядущим поколениям режиссеров нагнетать и нагнетать элементы готики в новые экранизации, но об этом позже.

Что касается «Затерянного мира», то автор без труда через год после выхода романа продал права на экранизацию британскому продюсеру. Но тут началась Первая мировая... После войны права перекупил

чикагский предприниматель, причем переговоры шли очень долго. Так что первыми «Затерянный мир» поставили американцы в 1925 году.

Немой фильм «First National Pictures Inc.», как гласят титры, «потрясающая история о приключениях и любви», Сценарист Мэрион Фэйрфакс и режиссер Гарри О.Хойт ввели новое действующее лицо - миленькую дочь первооткрывателя Мепла Уайта, тут же ставшую одной из сторон «любовного треугольника» вместе с Мелоуном и Рокстоном; немало и других отличий от источника. Актеры играют экзальтированно, в тогдашней стилистике «великого немого». Пожалуй, только Уоллес Бири в роли Челленджера сегодня смотрится вполне адекватно.

Плато в картине выглядит странновато, комбинированные съемки в данном случае вряд ли впечатлят современного зрителя. А вот бронтозавры и аллозавры, созданные Уиллисом О'Брайеном методом покадровой съемки, достаточно достоверны. Образы допотопных чудищ занимают не так уж много экранного времени, но именно благодаря им лента имела тогда грандиозный успех. Путем разделения экрана О'Брайен совместил анимационные фигуры и живых актеров. Впоследствии эти приемы еще успешнее были применены им при съемках знаменитого «Кинг-Конга». Более того, финал первого «Затерянного мира» предвосхитил сцены бесчинства огромной гориллы в Нью-Йорке. По сюжету, доисторический мир гибнет, и лишь бронтозавр падает с плато в болото. Подоспевшая бразильская экспедиция помогает транспортировать его живьем в Лондон. Там бронтозавр освобождается из стальной клетки, бродит по улицам, рушит мост, падает в Темзу и уплывает в неизвестность...

Автору романа экранизация понравилась. Фрагменты он даже показывал на заседании Общества иллюзионистов как «документальные» съемки настоящих динозавров. Мистифицировав фокусников, среди которых был его друг Гарри Гудини, писатель взял реванш за выпады в свой адрес по поводу увлечения спиритизмом. А пролог запечатлел обращение самого Конана Дойла к зрителям.

На звук и цвет чудовища нет?

В следующую треть столетия роман не экранизировали. Хотя мотивы были использованы, скажем, в картине «Тайна Лох-Несса» (1934), где эксцентричный ученый и молодой репортер отправляются на поиски шотландского ящера.

Шерлок Холмс в это время продолжал свои подвиги на киноэкранах: самой знаменитой серией в первой половине века стали фильмы с Бэзилем Рэтбоуном в роли сыщика. И хотя в нескольких из них действие происходит в годы Второй мировой войны, а в названиях даже фигурирует «секретное оружие», фантастики как таковой там нет.

К «Затерянному миру» вновь обратились только в 1960 году.

Поставленный на «20th Century Fox» фильм был первой цветной экранизацией, но к роману имел косвенное отношение. Режиссер и один из авторов сценария Ирвин Аллен порезвился всласть. Один только рыжий Челленджер в очках уже о многом говорит! Профессора сыграл именитый Клод Рэйнс, в его послужном списке до этого уже были культовые Человек-невидимка и Призрак оперы. Не обошлось и без женщины в экспедиции, причем та носит фамилию Холмс. В действие для пущей увлекательности введены местная «доисторическая» красотка, большие зеленые пауки, оставшийся в живых, но ослепший Уайт...

Однако самый дерзкий прием Аллен применил в изображении динозавров. Он решительно отказался от покadroвой анимации и кукол, Динозавры... живые. Их роли «сыграли» настоящие крокодилы, игуаны и вараны, которых загримировали накладными шипами и гребнями, а потом с помощью комбинированных съемок соединили в кадре с актерами.

В 1959 году увидела свет примечательная экранизация похождения Шерлока Холмса. Режиссер Теренс Фишер, уже создавший себе имя новыми постановками историй Дракулы и Франкенштейна, снял готическую версию «Собаки Баскервильей». Фишер задействовал звездный актерский дуэт фильмов ужасов студии «Hammer»: Шерлока Холмса сыграл Питер Кушинг, а в несколько неожиданной роли сэра Генри Баскервиля предстал Кристофер Ли. Эта версия скорее напоминает хоррор, нежели детектив, основное внимание уделено не сюжету, а зловещей атмосфере. Большого успеха картина не имела, и Фишер вновь переключился на стандартных героев-«пугателей». Питер Кушинг впоследствии выступил в образе и самого Конана Дойла в кинобиографии Гарри Гудини. Но Кристофер Ли отличился больше, установив своеобразный рекорд. Пожалуй, это единственный актер в истории кино, сыгравший трех персонажей «шерлокианы» в разных фильмах: кроме упомянутого сэра Генри, на его счету Шерлок Холмс и родной брат сыщика Майкрофт!

Пестрая кинолента

Семидесятые годы XX века обошлись без экранизаций «Затерянного мира». Хотя была сделана даже одна попытка «скрестить» его идею с похождениями сыщика с Бейкер-стрит. В комедии Билли Уайлдера «Частная жизнь Шерлока Холмса» (1970) прославленный детектив и доктор Ватсон едут в Шотландию и сталкиваются с чудовищем озера Лох-Несс. Однако фантастики как таковой здесь нет, все объясняется вполне реалистично и логично, согласно духу произведений о Холмсе: «монстром» оказывается одна из первых субмарин.

В 1983 году увидела свет еще одна готическая телеэкранизация «Собаки Баскервильей» режиссера Дагласа Хикокса. Из всех адаптации

в этой, пожалуй, самым откровенным образом визуализирована легенда о проклятии рода Баскервильей. Но и здесь мистика кроется только в постановочном решении, а не в сюжете. В роли Холмса выступил Йен Ричардсон. Позже он сыграл и прототипа сыщика - профессора Джозефа Белла в мини-сериале «Комнаты смерти», где в качестве доктора Ватсона выступил сам Артур Конан Дойл.

Куда более невероятные события происходят в фильме Барри Левинсона «Молодой Шерлок Холмс». Картину, вышедшую в 1985 году, продюсировал Стивен Спилберг. Ему пришла идея сделать подростковый вариант приключений Холмса и Ватсона. По этой версии, герои познакомились в школе, когда юный Ватсон только мечтал стать доктором, а Холмс еще не нашел своего призвания, но уже проявлял чудеса наблюдательности.

Из «Молодого Шерлока Холмса» впоследствии многое выросло. Сценарист Крис Коламбус использовал творческие наработки и целые сцены для своих фильмов о Гарри Поттере. Для самого Спилберга, который настоял на включении в картину нескольких эпизодов с новейшими визуальными эффектами, это был шаг к прологу фильма «Индиана Джонс и последний Крестовый поход», где раскрывается генезис археолога-авантюриста. Разумеется, от текстов Конана Дойла остались только имена персонажей, а сама история напоминает похождения того же доктора Джонса - схватка с загадочной египетской сектой, полная трюков, спецэффектов и разрушений. В «Молодом Шерлоке Холмсе» мы узнаем, как появились у будущего сыщика детали его имиджа: трубка, охотничья кепка и пальто-«крылатка», откуда взялся профессор Мориарти и почему Холмс оставался всю жизнь одиноким. Сцена, когда с витража сходит рыцарь с окровавленным мечом, была одним из первых в мировом кино удачных применений компьютерной графики, а сам рыцарь - едва ли не начальным CGI-персонажем.

В телевизионном «Возвращении Шерлока Холмса» (1987) Кевина Коннора внука доктора Ватсона, ведущая частную детективную практику в Бостоне, находит замороженное тело знаменитого сыщика и реанимирует его. Но самой фантастической историей о Холмсе в 1980-х годах стал эпизод второго сезона сериала «Звездный путь: Новое поколение» под красноречивым заголовком «Элементарно, Дэйта!» (1988). В нем андроид командер Дэйта играет в Шерлока Холмса с помощью компьютерной системы звездолета «Энтерпрайз», голографически воссоздающей старинный Лондон времен королевы Виктории. Игра провоцирует появление адекватного по интеллекту противника. Им оказывается виртуальный профессор Мориарти, который едва не захватывает «Энтерпрайз», но затем осознает себя личностью и отказывается от роли злодея.

Феи вместо динозавров

Девяностые годы раскрыли целый веер фантастических кино-адаптации прозы Конана Дойла. Это коснулось не только походов Холмса и Челленджера.

В 1990-м увидела свет вторая по счету экранизация жутковатого рассказа «Номер 249» (первая была в 1967-м в телеантологии «Сэр Артур Конан Дойл»). Она вошла в киноальманах ужасов «Сказки Темной Стороны», События перенесены в современность, устрашающих натуралистических подробностей по сравнению с текстом прибавилось, хотя новелла, в отличие от других частей альманаха, решена скорее в жанре хоррор-комедии, Она запоминается эффектным гримом ожившей мумии и появлением в кадре тогда еще восходящих звезд Кристиана Слэйтера и Стива Бушеми, который сыграл злого гения Эдварда Беллингема.

Через тридцать с лишним лет после второй экранизации «Затерянного мира» появилась третья, Телевизионный фильм американской «Хармони Голд» и итальянской «Сильвио Берлускони Коммюникейшен» (принадлежащей нынешнему премьеру Италии, в то время телемагнату) более серьезен, чем его предшественники. «Затерянный мир» (1992) режиссера Тимоти Бонда по сценарию Питера Уэлбека ближе по духу к первоисточнику, хотя без отсебятины тоже не обошлось. Исполнитель главной роли Джон Рис-Дэвис внешне мало похож на Челленджера из романа, но столь же темпераментен. Страна Мепл Уайта перенесена в Центральную Африку. Чтобы захватить семейную аудиторию, в состав новой экспедиции авторами включены фотограф-суффражистка Дженни Нильсон и пробравшийся «зайцем» мальчуган Джим (очевидный привет Роберту Стивенсону). Для политкорректности введена темнокожая красавица-проводник Малу. Как и в первых экранизациях, Мелоун участвует в любовном треугольнике, с той лишь разницей, что два других «угла» фигуры - прекрасные дамы.

Анатозавры и птеродактили появляются лишь в середине фильма, да и то фрагментами, что дает полный простор фантазии зрителей. Зато кинематографисты придумали такое объяснение их феномену, какого не было у Конана Дойла: оказывается, на плато есть некое растение, поддерживающее жизнь ископаемых рептилий.

В финале, после триумфальной демонстрации живого птенца птеродактиля научной общественности, герои тайком выпускают его из зоосада. Модная экологическая тема усилена в продолжении фильма - «Возвращение в затерянный мир» того же режиссера. Там заклятые друзья Челленджер и Саммерли выступают в защиту девственной природы, препятствуя попыткам беспринципных дельцов выкачать нефть с плато. Этот боевичок со стрельбой и взрывами (в том числе страшного «челленджита») уже имеет к Конану Дойлу более чем

опосредованное отношение, к тому же грешит логическими провалами. Заключительная фраза Челленджера любопытна: «Мы спасли затерянный мир. Надолго ли?». Действительно, почему никому из кинематографистов не пришла идея снять фильм о том, что происходит с заповедным плато в наши дни, как пережил он мировые войны и вездесущее вторжение цивилизации?

Весьма оригинальной концовкой может похвастаться американская лента «по мотивам», поставленная Бобом Кином в 1998 году. Действие происходит в 1934-м в Монголии. Профессор Уайт находит затерянный мир на плато Кайхан. Его друг Челленджер в исполнении Патрика Бергина - молодой, безбородый, импозантный, но какой-то «прилизанный» - призывает создать экспедицию для подтверждения факта. Кроме Рокстона, Саммерли и журналиста Мелуна, оказавшегося еще и воздухоплавателем, в экспедиции участвует ставший традиционным персонаж - дочь Уайта, на этот раз дипломированный антрополог по имени Аманда. В сюжете есть и гусеничный вездеход (вспомним время действия!), и любовная линия, и «обязательная» стрельба по птеродактилям. Дальше - больше. Челленджера с маузером еще можно себе представить, но Челленджера извиняющегося... Вид динозавров - не классический, но этому в фильме есть объяснение: они эволюционировали! Кстати, выполнены ящеры не лучшим образом, хотя Кин в свое время являлся признанным создателем спецэффектов. Вообще лента ближе всего к хоррору не самой высокой пробы,

Нельзя не упомянуть и косвенные экранизации, В первую очередь, адаптации романов Майкла Крайтона «Парк юрского периода» и «Затерянный мир» Стивена Спилберга, которые надолго задали эталон в киновоплощении динозавров (часть из них впервые целиком была сделана средствами компьютерной графики). Иную линию обозначила малобюджетная картина Фреда Олена Рэя и Джима Вайнорски «Остров динозавров», Американский военный самолет разбивается на острове, где здравствуют динозавры, а из людей живут только амазонки - аппетитные как для ящеров, так и для солдат, но в разном смысле. Жизнь в доисторическую фауну вдыхал небезызвестный мастер спецэффектов и грима Джон Карл Бюхлер. В титрах обозначено, что динозавры были им «генетически выведены и обучены». Однако скромные деньги, на которые снят фильм, не позволили толком «выдрессировать» бестиарий.

Героем фантастических приключений в 1990-е снова стал и великий сыщик. Телевизионная картина Кеннета Джонсона «1994, Бейкер-стрит: Шерлок Холмс возвращается» опять рассказывает, как детектив, заскучавший после победы над Мориарти, совершил научное открытие и погрузил самого себя в анабиоз. Разбуженный симпатичной молодой женщиной-доктором, Холмс открывает для себя американские реалии

конца XX века и, разумеется, не может остаться в стороне от борьбы с преступностью. К «Возвращению Шерлока Холмса» Коннора этот фильм отношения не имеет. Редчайший случай: роль сыщика исполнил Энтони Хиггинс, который в «Молодом Шерлоке Холмсе» сыграл начинающего Мориарти! До него исполнить роли обоих противников удалось только Орсону Уэллсу, да и то в радиопостановках. А в американском мультсериале 1999 года Холмса из родной эпохи отправили значительно дальше - в XXII век.

Наконец, в это же десятилетие попали на экран и «паранормальные» события из жизни самого Конана Дойла, положенные в основу его книги «Явление фей» (1921). Известные фотографии «фей из Коттингли», сделанные двумя девочками в 1917 году, подлинность которых с таким жаром отстаивал увлеченный спиритизмом писатель, к 80-летнему юбилею этих событий вдохновили создателей сразу двух фильмов. Мел Гибсон спродюсировал ленту Чарлза Старриджа «Волшебная история» и сыграл в ней роль-камео отца одной из девочек. Образ самого Артура Конана Дойла в картине создал Питер О'Тул, также удостоенный рыцарского звания, как и его персонаж. Фантазия детей, кажется, по-настоящему оживляет представителей «маленького народца». Седовласый Конан Дойл искренне верит им, и даже его друг Гудини, гроза шарлатанов, тактично молчит, не желая разрушать сказку. В дебютном фильме Ника Уиллинга «Фотографируя фей» (в отечественной локализации «С феями шутки плохи») сэр Артур - эпизодический персонаж. Уиллинг пригласил на роль писателя британского актера Эдварда Хардвика. Для англичан тот настолько же привычный доктор Ватсон, как для нас - Виталий Соломин...

Игры теней

Начало следующего тысячелетия знаменовал настоящий бум фантастических экранизаций произведений Конана Дойла.

Достаточно оригинальным поворотом сюжета отличается британская 146-минутная инсценировка «Затерянного мира», поставленная на BBC Стюартом Омом в 2001-м. Она также по духу близка к роману, буквально перипетии его не повторяя, но соблюдая реалии почти столетней давности. Челленджер в исполнении известного актера Боба Хоскинса достаточно убедителен, хотя внешне опять-таки совсем не таков, как в книге, в составе экспедиции, как всегда, есть придуманная сценаристами девушка. Лорда Рокстона сыграл актер Том Уорд, в этом же году воплотивший образ Герберта Уэллса в НФ-сериале компании «Hallmark». Зрителя ожидали вполне реалистичные компьютерные игуанодоны и птерозавры, а также загримированные «питекантропы Челленджера».

Окончание фильма - в духе современных «зеленых». Представив, чем может кончиться для затерянного мира его освоение, участники

экспедиции уговаривают Челленджера выступить с заявлением, что все это мистификация, шутка, несмотря на вылетевшего птеродонта. В английской прессе вполне справедливо писали, что это лучшая экранизация бессмертного творения сэра Артура. Во всяком случае, цифровые технологии для телевидения использовались на то время самые передовые.

Канадская писательская чета Ривс-Стивенсов выступила продюсерами интернационального (Австралия - Канада - Новая Зеландия) сериала «Сэр А.К.Дойл. Затерянный мир» (1999-2002). Режиссером первой серии стал Ричард Фрэнклин. Блондинисторыжеватый Челленджер в исполнении Питера Маккоула предлагает организовать экспедицию, а наследница огромного состояния Маргарет Кру согласна ее финансировать. Приключений надумано достаточно, но даже ради развлечения потребителя вариативность зашкаливает. Здесь и плотоядные растения, и невесть каким образом попавшие в Южную Америку самураи. Компьютерные динозавры, впрочем, вполне реалистичны. Стоит ли смотреть последующие 65 серий, поставленные еще несколькими режиссерами, дело частное, но любителей нашлось на четыре сезона.

«По мотивам» поставлен и мультсериал «Затерянный мир сэра Конана Дойла» (Франция - Канада - Люксембург, 2000-2001), 25 серий по 25 минут. У режиссера Франсуа Бриссона свой взгляд: Челленджер - какой-то громила, экспедиция ищет в джунглях пропавшего Мепла Уайта, а встречает потомков инков, приручивших некоторых динозавров...

Свой след оставила и «широко знаменитая в узких кругах» студия Asylum, выпустившая в связи с выходом на экраны «Кинг-Конга» Питера Джексона один из первых своих фильмов в жанре рипофф «Король затерянного мира» (2005) Ли Скотта. Здесь мы опять увидим катастрофу самолета на таинственном острове, и выживших пассажиров зовут именами героев романа Конана Дойла. Правда, сходство на этом заканчивается. На острове обитают не динозавры, а какие-то совсем мифические твари - огромные насекомые, ящеры с крыльями, похожие на небольших драконов, и невероятных размеров обезьяна. В кульминационной сцене этот монстр сражается не с бипланами, как Кинг-Конг, а с реактивными истребителями - и выигрывает. Виды природы завораживают, но графика, разумеется, копеечная.

Словосочетание «затерянный мир» современному российскому зрителю хорошо знакомо, а потому даже к мультфильму «Остров динозавров», к роману Дойла отношению не имеющему, прокатчики не постеснялись его добавить. То же самое случилось с неприятательной комедией Брэда Силберлинга «Land of the Lost» (2009), ремейком одноименного телесериала. Но любую историю о

столкновении людей с динозаврами в экзотическом месте теперь можно возвести к Конану Дойлу.

Вообще, новый век все чаще использует не сюжеты, а только мотивы и героев книг писателя для создания постмодернистских забав как в виде экранизаций произведений других авторов, так и в виде псевдооригинальных фильмов. Первое иллюстрирует «Лига выдающихся джентльменов» по графическому роману Алана Мура, где персонажам викторианской фантастики противостоит профессор Мориарти (планировался в сюжете и Майкрофт Холмс). Профессора сыграл Ричард Роксберг, который ранее в телепостановке «Собаки Баскервильей» от BBC побывал и самим Шерлоком Холмсом. Это третий случай в истории после Орсона Уэллса и Энтони Хиггинса!

Второе направление демонстрируют фильмы Гая Ричи, решенные в стилистике комиксов. Кроме мастерски воссозданной атмосферы Лондона, в картине «Шерлок Холмс» (2009) чувствуется сильный привкус стимпанка - и в общей эстетике, и в механизмах, которые использует антагонист лорд Блэквуд, выдавая себя за колдуна. Хотя единственный элемент фантастики для того времени - радиоуправляемый детонатор. Эта же линия продолжена в сиквеле «Шерлок Холмс: Игра теней» (2011). В сюжете присутствуют и пластическая хирургия с достижениями, невозможными для начала XX века, и миниатюрный дыхательный прибор. Вполне вероятно, что какое-нибудь очередное продолжение с Робертом Дауни-младшим в роли Холмса будет трактовать историю собаки Баскервильей как первые опыты в геной инженерии.

Но самая смелая постановка - это, пожалуй, все-таки очередной рипофф от Asylum, переведенный в России как «Угроза из прошлого», а в оригинале - просто «Шерлок Холмс» (2010). Сыщик и Ватсон расследуют появление доисторических чудовищ в Англии. Динозавры на деле хитрые механизмы, а в сюжете фигурирует женщина-андроид. Этому бы фильму актеров поизвестнее и бюджет повыше - получился бы весьма эффектный блокбастер.

Наверное, ближайшее будущее все-таки за картинами, которые с выдумкой и зрелищностью неожиданно интерпретируют знакомые всем и каждому сюжеты Конана Дойла. Ведь мы знаем, чем закончится экспедиция Челленджера, кто настоящий убийца лорда Баскервиля и что из себя представляет «пестрая лента». Но хотим удивляться, как первые читатели и зрители. Так почему бы, скажем, не объединить на экране усилия Челленджера и Холмса? Или столкнуть детектива с миром Говарда Лавкрафта, как это сделал Нил Гейман в новелле «Этюд в изумрудных тонах»? А Челленджер может с успехом противостоять уэллсовским марсианам...

Валерий ОКУЛОВ, Аркадий ШУШПАНОВ

рецензии

ХРОНИКА

(CHRONICLE)

Производство компаний: Adam Schroeder Productions, Davis Entertainment и Film Afrika Worldwide CC (США), 2012.

Режиссер Джошуа Транк.

В ролях: Дэйн Дехаан, Алекс Расселл, Майкл Б.Джордан, Майкл Келли, Эшли Хиншоу, Бо Петерсен, Анна Вуд, Руди Малкольм, Люк Тайлер и др. 1 ч. 23 мин.

Жанр мокьюментари цветет буйным цветом и вянуть, похоже, не собирается. За последнее время псевдодокументальных фильмов было снято столько, что все и не вспомнить. А ведь еще три года назад подобные кинокартины можно было пересчитать по пальцам одной руки...

Все это понятно. Затраты на подобные поделки, как правило, минимальны (камера да парочка нетребовательных актеров), а сборы могут исчисляться миллионами долларов. Какая киностудия откажется от такого щедрого предложения?

На первый взгляд, «Хроника» кажется очередной неудачной попыткой снять что-нибудь в духе «Ведьмы из Блэр» и «Монстро». На экране никому не известные актеры. Банальная завязка об инопланетной штуковине, которая подарила трем школьникам сверхспособности. И полное отсутствие динамики. Первые полчаса «Хроники» кажутся худшей экспозицией на свете. Главный герой, подросток Эндрю, ходит-бродит повсюду со своей камерой, снимая все подряд. А так как он типичный неудачник, не имеющий ни девушки, ни друзей, ни денег, то первоначально его кинохроника представляет то еще зрелище... Но лента неожиданно преобразуется, когда Эндрю начинает размышлять над природой полученной силы. Причем видоизменяется не только сюжет, но и визуальная сторона. Появляются динамика, интрига, а героев, вдоволь наигравшихся со сверхсилой, начинают терзать моральные проблемы.

По всем канонам комикса именно Эндрю, получивший суперсилу, должен стать супергероем. Однако под давлением обстоятельств он переходит на темную сторону. Вряд ли такой сюжетный ход можно

назвать оригинальным. В том же «Телепорте» герой тоже хотел грабить банки, а не вытаскивать котов из горящих зданий. Но в «Хронике» этот переход показан настолько интересно и правдоподобно, что становится даже жутковато. И хочется аплодировать и актеру, сыгравшему новоиспеченного антигероя, и режиссеру, сумевшему зафиксировать рождение чудовища.

Степан Кайманов

СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА САНТА-КЛАУСА

(ARTHUR CHRISTMAS)

Производство компаний: Sony Pictures Animation и Aardman Animations (США - Великобритания), 2011.

Режиссеры Сара Смит и Бэрри Кук.

Роли озвучивали: Джеймс МакЭвой, Хью Лори, Билл Найи, Джим Броудбент, Имелда Стонтон, Эшли Дженсен и др. 1 ч. 37 мин.

Давно было известно, что Санта-Клаус живет на Северном полюсе. И в подчинении у седобородого деда находятся тысячи милых эльфов, а сам он летает по небу на оленьей упряжке, разнося детишкам подарки в рождественскую ночь. Но все это в прошлом! Прогресс не остановить!

Нет, Санта по-прежнему существует. И дети по-прежнему получают подарки. Но на смену оленьей упряжке пришел звездолет, эльфы десантируются в дома, используя гаджеты Джеймса Бонда, а их храбрый командир, старший сын Санты, пользуется тачфоном. Процесс сортировки и доставки полностью компьютеризирован и работает без сбоев. Правда, совершенных систем не бывает. И в ночь перед Рождеством выясняется, что один из детей все-таки не получил свой подарок...

За внешний вид «Секретной службы...» отвечала британская студия «Aardman», создавшая «Уоллеса и Громита», поэтому мультфильм выглядит отлично, ни в чем не уступая блокбастерам студии Уолта Диснея. Да и бюджет в семьдесят миллионов долларов давал повод не сомневаться в качестве картинки. Удивительно другое. У сценариста отнюдь не детских проектов «Бората» и «Бруно» получилась по-настоящему волшебная история для детей и их родителей.

Привычных для автора шуток «ниже пояса» здесь нет и в помине, однако при этом сценариста не упрекнешь в отсутствии чувства юмора. Ситуации, в которых оказываются герои, необычны и вызывают улыбку, а вопросы порой очень злободневны: «Санта-Клаус, ты правда живешь на Северном полюсе? Если да, то почему я не вижу тебя на

Google Map?».

Кроме того, в мультфильме нет ни одного злодея. Даже старший сын Санты, мечтающий занять отцовское место, на поверку оказывается добряком. А младший Артур и вовсе являет собой образец доброты, честности и заботы, не позволяя исчезнуть рождественскому духу.

Алексей Старков

ЛОВЦЫ ЗАБЫТЫХ ГОЛОСОВ

**(CHILDREN WHO CHASE LOST VOICES FROM DEEP BELOW /
HOSHI O OU KODOMO)**

Производство компании CoMix Wave Inc. (Япония), 2011.

Режиссер Макото Синкай.

В ролях: Хисако Канэмото, Казухико Иноэ, Мийу Ирино, Рина Хидака и др.

1 ч. 56 мин.

Однажды девочка Асуна услышала в самодельном приемнике, где в качестве диода использовала оставшийся в память об отце красивый кристалл, прекрасную мелодию. Это привело ее в подземный мир - вместе с учителем Морисаки, желающим воссоединиться с умершей десять лет назад женой, и местным мальчиком Шунем, который должен забрать у Асуны кристалл любой ценой. В страну древних легенд Агарта, в которой вернуть к жизни умерших - дело возможное, хоть и нежелательное.

В новой полнометражной ленте Макото Синкай верен своей стилистике. Правда, одиночество, пропитавшее его прошлые ленты, сменилось фэнтезийными элементами, где нет места повседневности и обыденности.

Многие сравнивают «Ловцов...» с фильмами Миядзаки «Принцесса Мононоке» и «Навсикая из долины ветров». Это, наверное, лестно, но не вполне справедливо. У Синкай собственный стиль: к примеру, прекрасные небеса и звездное небо, каких больше ни у кого нет. Это, пожалуй, всё. В картине индивидуальный почерк мастера растворился без следа - так, мимолетные штрихи. Перед нами красивая, живая, любопытная сказка, но не больше. Чуть вяло, немного запутано, несколько нудно. Например, охраняющие врата жители потустороннего мира зовутся кетцалькоатлями. При чем тут месоамериканский древний бог - непонятно. Мешанина с ацтекскими, японскими, античными божествами создает сумятицу. Совершеннейшим бредом это не выглядит, но портит впечатление от ленты.

Очень хочется надеяться, что все временно. И мы снова увидим

прежнего мастера Макото Синкая.

Вячеслав Яшин

ДРУГОЙ МИР: ПРОБУЖДЕНИЕ

(UNDERWORLD: AWAKENING)

Производство компаний: Lakeshore Entertainment, Saturn Films и Screen Gems (США), 2012.

Режиссеры Монс Морлинд и Бьерн Стейн.

В ролях: Кейт Бекинсейл, Стивен Ри, Майкл Или, Тео Джеймс, Индия Айли и др. 1 ч. 25 мин.

Люди наконец-то осознали, что являются всего лишь трапезой для вампиров и оборотней. Сплотились и объявили им жестокую войну. В жернова схватки попали и вампирша Селин, и ее возлюбленный Майкл. Но она выжила, чтобы вернуться в мир без вампиров и оборотней спустя 12 лет...

С выходом третьей части стало окончательно ясно, что «Другой мир» без вампирши Селин в исполнении красавицы Кейт Бэкинсейл - не «другой»... Поклонники требовали вернуть ее в следующей части. Их пожелания были услышаны. Но, воскресив ее, создатели вампирской саги в этот раз не придумали для Селин достойного противника или даже напарника. Антагонист и спутники Селин совершенно невзрачны и бестолковы.

Впрочем, отсутствие ярких типажей в сериале не самая страшная проблема «Пробуждения». Понятно, что от вампирского боевика не стоит ждать откровений. Однако в предыдущих частях сюжет играл не последнюю роль. Во всяком случае, его там было намного больше, чем в «Сумерках». Увы, главной проблемой в «Пробуждении» стало отсутствие внятной фабулы. Есть завязка и развязка, а между ними только экшен в исполнении красавицы-вампирши. При этом даже завязка вызывает смех: мол, люди вдруг перестали рвать друг друга за нефть, газ и власть и обнаружили, что по соседству с ними живут кровожадные вампиры и оборотни. Создается ощущение, что все немногочисленные сюжетные ходы, рожденные, видимо, в чудовищных творческих муках, создавались исключительно под «динамику».

Справедливости ради стоит отметить, что экшен в «Пробуждении» действительно присутствует. Быстрый, яркий, с кровью, отличной постановкой рукопашных схваток, хотя и вдоволь цитирующий «Матрицу» и «Ультрафиолет».

Так что задача смотреть или не смотреть «Пробуждение» решается просто, в зависимости от потребностей.

ФАНТОМ

(THE DARKEST HOUR)

Производство компаний «Базелевс» и Jacobson Company (Россия -США), 2011.

Режиссер Крис Горак.

В ролях: Эмиль Хирш, Оливия Тирлби, Дато Бахтадзе, Гоша Куценко, Артур Смольянинов и др.

1 ч. 89 мин.

Полудохлый американский проект - историю о нападении инопланетян на Москву - очень вовремя подхватила и реализовала студия Тимура Бекмамбетова «Базилевс». Ну а кому же еще, как не «нашему человеку в Голливуде», снимать большой рекламный ролик о Москве и русском характере? Чтобы клюква была, но в меру. Чтобы русские были немножко бандитами (куда ж без этого клише), но и отважными бойцами. Чтобы экономно освоить небольшой тридцатимиллионный бюджет. Чтобы ожидаемые недоборы в американском прокате с лихвой компенсировались прокатом российским.

Пятеро молодых американцев, трое парней и две девушки, с разными целями приехавшие в Москву, становятся свидетелями нападения на город (а потом выясняется - и на всю планету) неких почти невидимых энергетических субстанций, прикрытых защитным полем. Они пожирают горожан, затем начинают плазмой сверлить в земле дырки, чтобы поедать полезные ископаемые. Несколько дней пятерка американцев отсиживается в подвале ресторана, а когда наконец решается выйти, то обнаруживает абсолютно пустой мегаполис. Куда ж податься американцу в уничтоженном городе? Конечно, в американское посольство!

Далее начинается квест. С очень красивыми, почти открыточными видами столицы наземной и подземной. Обнаруживаются и выжившие - девочка-подросток, странноватый изобретатель, несколько комбатантов во главе с неизменным Гошей Куценко, чей лексикон состоит из патриотических фраз времен Отечественной войны: враг не пройдет, здесь наш дом, за нами Москва!.. Теряя людей, группа прорывается к вошедшей в Москву-реку атомной подлодке (!), дабы начать настоящую борьбу с пришельцами.

Можно лишь посочувствовать съемочной группе: фильм снимался на улицах Москвы в то самое ужасное лето 2010 года, когда плавилась асфальт и москвичи.

ФИЛИП БРЕВЕР

СТОРОЖЕВЫЕ ПЧЕЛЫ

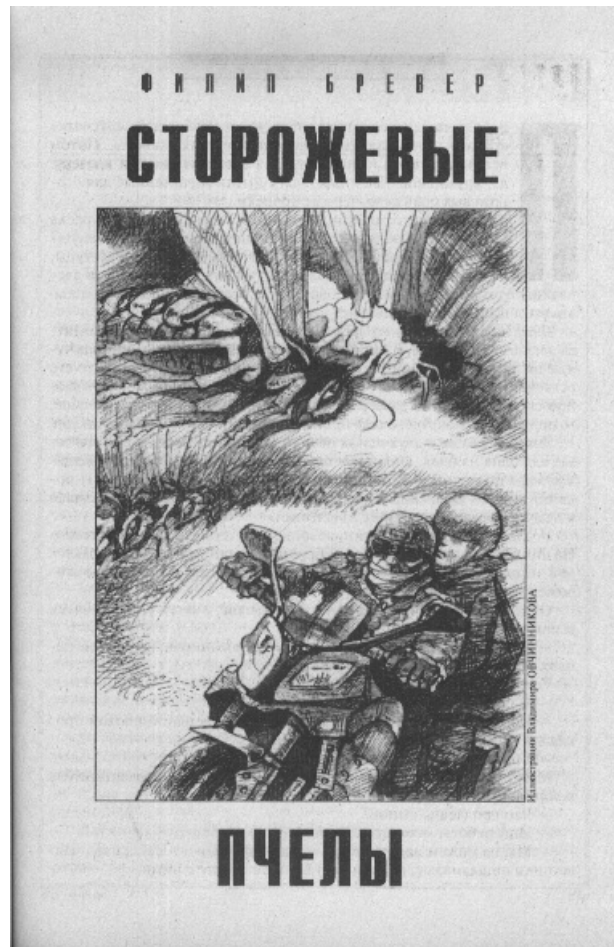

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Пробравшись через заросли пурпурного вьюнка на брусчатке старого тротуара, Дэвид подошел к краю канавы. Потом встал на колени и присмотрелся к одуванчикам и клеверу: да, кружившие над ними пчелы имели характерные для сторожевых оранжево-черные полоски.

Оторвавшись от цветов, он окинул взглядом ферму. Краска на доме и сарае свежестью не отличалась, но и не облупилась. Сад большой. На полях растут пищевые культуры, не только биотопливные. Дэвид прошагал километров двенадцать от города и отверг все повстречавшиеся ранее фермы, однако эта выглядела

многообещающе.

Даже по прошествии четырех лет он все еще дивился, как же ладится жизнь в Иллинойсе. В Мичигане от города до его семейного сада чужак ни за что бы не добрался. Если не угодит в лапы бандитам, то его остановят на блокпостах. А там, если повезет, оприходуют всю имеющуюся наличность да развернут назад. Если же повезет чуть меньше, то оприходуют покруче, а тело бросят в чей-нибудь метановый реактор. Дэвид был уже в двух шагах от подъездной дорожки, когда его заметила одна из пчел. Она подлетела, коснулась его кожи и тут же зажужжала по-другому, давая понять: ей известно, что он чужак. И пока он шел по дорожке, так действовала каждая пчела, подлетающая к нему. И каждый раз Дэвид вздрагивал.

Возле сарая двое мужчин возились со старым распылителем. На них были кепки с рекламой гибридных семян и гибридных тракторов, на вид - отец и сын (неудивительно, принимая во внимание сторожевых пчел).

Отец взглянул на приближающегося Дэвида, а затем снова занялся распылителем.

- Думаю, только этот уплотнитель бракованный, партия-то неплохая. Остальные вроде нормальные.

Тот, что помоложе, кивнул:

- Я заменю его.

- Но все-таки хорошо, что ты заметил. Из-за одной плохой прокладки можно потерять кучу аммиака.

- Спасибо, па.

Мужчина постарше вытер руки о джинсы, обошел распылитель и обратился к Дэvidу:

- Что продаешь, сынок?

- Ищу работу, - ответил Дэвид.

- Мы не можем нанять тебя, - сказал фермер. - Из-за пчел. Налетчики пошаливают, пчелки погубят тебя вместе с ними.

- Последнее время грабители особо не досаждают, - возразил Дэвид.

- Не так, как три-четыре года назад, когда я поступил в университет. И я не ищу постоянную работу. Словом, я бы рискнул.

- Студент?

- Только закончил.

- Степень?

- По агрономии, - ответил Дэвид, что было близко к правде.

- Почему же ты согласен рабочим?

Дэвид принялся выкладывать заранее приготовленную историю:

- У моих родителей персиковый сад в Мичигане. Завелись какие-то выносливые точильщики, так что нужно расплачиваться за новый чудо-инсектицид. - Это тоже не грешило против истины, хотя и не было ответом на вопрос фермера.

- И ты хочешь заработать на билет на поезд до Мичигана? Вряд ли я

сумею тебе помочь...

- О нет, сэр. Мне надо лишь проживание да питание. И чуть сверху. А доплату необязательно деньгами. Можно старым велосипедом, который я подлатаю. До дома менее четырехсот километров. Как-нибудь доберусь.

- У нас есть старый велосипед, - признал фермер, совершенно не озаботившись опасностью поездки. Он протянул руку: - Меня зовут Эзикиел Уэр. Готов нанять тебя, коли ты уверен, что хочешь рискнуть с пчелами.

Дэвид улыбнулся:

- Уверен.

Когда миссис Уэр позвала мужчин обедать, Дэвиду открылось, что у Эзикиела есть и дочь.

Днем он помогал Захарии перегонять скот на новое пастбище, а потом гнать кур туда, где коровы паслись три дня. Коровы отнеслись к новому месту с равнодушием, зато куры с воодушевлением набросились на созревшие коровьи лепешки.

Ее звали Найоми. На ней было простое платье поселенцев, однако голова не покрыта, и ее каштановые кудри свободно рассыпались по плечам. В университете девушки так не одевались, но и для сельского Иллинойса наряд ее был очаровательно нетрадиционен.

Пятно муки у нее на скуле наводило на мысль, что она трудилась на кухне, однако первое, что девушка сказала при появлении отца:

- Па, я тут обнаружила странное расхождение во фьючерсных ценах на этиловый спирт между долларами и евро. Я не знаю, к чему это, и поэтому снизила наши риски по обеим валютам.

- Оставила достаточно, чтобы застраховать нашу ожидаемую продукцию?

- Ну конечно, папа. - Она взглянула на брата и закатила глаза.

Дэвиду очень хотелось послушать еще - о рынке этилового спирта, стратегии страхования на ферме, о самой Найоми, но все устремились к обеденному столу.

- Мы не производим много спирта, - стал объяснять Дэвиду Эзикиел, когда все расселись. - Только то, что нужно для фермы. Но не люблю, когда его не хватает и нужно закупать на рынке. Лучше зависеть, чем недооценить.

Эзикиел склонил голову и пустился в долгую молитву, однако Дэвид ничего не слышал: все его внимание сосредоточилось на пятне муки на лице Найоми. Все же он умудрился вовремя опустить взгляд, произнести «аминь» и вместе со всеми поднять глаза.

- Дэйв, ты должен стирать пыль с солнечных панелей каждый день.

- Прости, Захария, - ответил Дэвид и направился чистить панель, питающую насос, который подавал воду от рыбоводного пруда к растениям. Захария отмахнулся от извинений:

- Папа нахвалиться не может, что ты пошел и проверил уровень азота в воде. Сказал, вот, мол, для чего нужна степень по агрономии.

- Рад, что он доволен.

- Еще бы, ты ведь обнаружил, что система может обеспечивать в полтора раза больше растений! Ладно, пошли: хочу огородить несколько деревьев - до корней добрались свиньи.

- Я надеялся, - начал Дэвид минуту спустя, - что ты покажешь, как работать с пчелами.

- Конечно, если хочешь. Отец думал, ты будешь стараться держаться от них подальше.

- Нет, - ответил Дэвид, замерев при виде пчелы перед собой и содрогнувшись от нараставшего гудения ее крылышек. Когда пчела убралась восвояси, он добавил: - Я с удовольствием поучусь.

- Дэвид, - обратилась к нему Найоми, - ты что-нибудь знаешь об анаэробных бактериях?

До сих пор Дэвид видел Найоми разве что за обеденным столом, а сейчас она появилась там, где они с Захарией кололи упавшее дерево на дрова.

- Ты имеешь в виду ботулизм и гангрену? - спросил Дэвид, обрадованный возможностью поговорить с ней, пускай даже на тему не из приятных.

Найоми улыбнулась.

- Для производства метана.

- А, - Дэвид пожал плечами, сожалея, что она не спросила о чем-нибудь другом, в чем он был более сведущ. - У нас на ферме был реактор, но я знаю только азы.

Найоми явно огорчилась:

. - Я надеялась, что ты изучал реакторы. Производительность нашего упала наполовину, и я пытаюсь выяснить почему.

- Наполовину, но не до нуля? - задумался на секунду Дэвид. - Вы используете искусственные метаногены? - Найоми кивнула, и он продолжил: - Может, они все перемерли, и сейчас активны только естественные анаэробные бактерии. Из-за этого производительность и снизилась.

- Как это узнать? - спросила Найоми. - И как починить?

- Починить легко. Просто поставь на какое-то время реактор на перегрев, чтобы понизить количество естественных бактерий, а потом засеи искусственными по новой. Но если причина не в этом, то ремонт окажется дорогим. Уверен, у производителя есть какая-нибудь проверка.

Захария перевел взгляд с сестры на Дэвида, потом снова на нее и сказал:

- А ты вроде разбираешься... Отец велел мне проверить датчики охранной сигнализации по периметру, так что займись ими.

Найоми кивком отпустила его, повернулась к Дэвиду и взмахом руки повела к реактору.

- Ну, и в чем еще может быть причина?

- Плохое сырье, - предположил он. - Утечка в реакторе, и поэтому попадает кислород.

- Благодарим Тебя, Господи, - начал Эзикиел, - за щедрую землю и все, что произрастает на ней.

Дэвид сидел, склонив голову и молитвенно сложив руки. Он взглянул на картинку в рамке над столом. Размером с афишу, напечатанная в ярких красках, она изображала светлокожего Иисуса с двумя воздетыми пальцами. На его груди сверкал рубин в форме сердца.

- Благодарим Тебя за наставление во всех делах. Три года назад мы не купили тепловую деполимеризационную установку, и это уберегло нас от множества забот, которые сейчас испытывают Пауэллы. Благословен будь мистер Перкинс, давший нам сей мудрый совет... Передачи на красном тракторе вот-вот износятся, но если будет на то Твоя воля, то они продержатся до конца сбора урожая... Благодарим Тебя за то, что направил к нам Дэвида, чья усердная работа послужила нам большой подмогой. Благодарим Тебя, что мы вместе и здоровы. Благодарим Тебя за эту пищу. Аминь.

Все за столом эхом повторили последнее слово, и в обе стороны по кругу пошли блюда с лепешками, картофелем, фасолью, ветчиной, капустой и шпинатом.

Когда все наполнили свои тарелки, Эзикиел сказал:

- Дэйв, Захария говорит, ты хочешь научиться пчеловодству.

- Да, сэр, я бы не против.

- Зачем?

- Пчелы очень важны для сада.

- Правильно. Твоя семья выращивает персики, не так ли?

- Да, сэр.

- Тогда у вас уже должны быть пчелы.

- Медоносные пчелы никогда не возвращались. Много своих земель мы отвели под непродовольственные цветущие растения, чтобы весь год поддерживать популяцию диких пчел.

Найоми повернулась к Дэвиду.

- Я читала, что вам в определенный срок приходится выкашивать цветы, чтобы пчелы переключались на цветки персика.

Все ее внимание было обращено на него.

- Именно так, - выдавил он, - но нельзя выкашивать всю площадь. И

вдобавок только определенные участки, иначе пчелы опылят соседский урожай, а не твой.

- Если так трудно следить за дикими пчелами, то почему не обзавестись оранжево-черными?

Отвечая, Дэвид тщательно подбирая слова:

- В Иллинойсе рой можно приобрести на курсах при университете. В Мичигане же компании торгуют только роями с неразмножающимися матками. Они прекрасно опыляют и производят мед, но каждые несколько лет, когда матка умирает, приходится покупать новый рой. Никто из наших не может себе этого позволить. - Он откинулся на стуле довольный, что ему удалось сосредоточить внимание на опылении и меде и при этом не упомянуть защиту от грабителей, которую не обеспечивают рои торговых компаний.

- Достаточно, чтобы ожесточить человека, - изрек Эзикиел.

Дэвид смог выдавить улыбку, отстранившись от воспоминаний о слишком многих похоронах слишком многих отцов, дядей и братьев его друзей.

- Я не виню в этом Иллинойс. Или университет. Иначе я не смог бы провести здесь четыре года.

- Если бы вам грозил красный клещ, - объявил Дэвид, оглядывая усыпанную цветками ветку яблони, - то он бы уже появился.

Как ни старался он избегать небольшого сада Уэров, Эзикиел специально попросил его помочь Найоми проверить наличие вредителей.

- Значит, мы в безопасности? - спросила она.

- Как будто да, - подтвердил он.

Найоми подошла ближе и положила руку ему на грудь:

- Что-нибудь не так?

Ему хотелось объяснить ей, каково это - смотреть, как оранжево-черные методично опыляют по очереди каждый цветок, но это было слишком сложно. Знает ли она, что ветви яблонь столь пышно усеяны цветками, потому что они эволюционировали из-за пчел, опыляющих совершенно беспорядочно? И что медоносные пчелы опыляют столь методично, что деревья приходится специально подрезать, дабы они не сломались под весом собственных плодов? И садам, подрезанным таким образом, неизменно наносится ущерб, когда им приходится довольствоваться дикими пчелами?

Но прикосновение к нему смешало все его мысли.

- Сад, - наконец ответил он, - напоминает мне о доме.

- Ах, - только и сказала Найоми.

- Видишь эти вытянутые ячейки? - спросил Захария, указывая на соты.

- В них рабочие пчелы выращивают новых маток. А поскольку первая

появившаяся убивает остальных, то прирост составляет всего лишь одну особь.

- Как и у медоносных пчел, - заметил Дэвид.

Захария кивнул, однако вид у него был растерянный. Через какое-то время он сказал:

- Вообще-то я удивлен, что папа позволил тебе это увидеть.

- Вот как?

- Были попытки украсть сторожевых пчел, когда они еще только появились. Не слышал, чтобы кому-то это удалось, но ульев было разорено предостаточно. И даже когда несколько воров были убиты пчелами, все равно пытались красть. Так что фермеры стали очень осторожно делиться даже простейшей информацией.

- Наверное, это оправдано, - отозвался Дэвид, всем своим тоном давая понять, что склоняется к обратному.

- Не, отец прав, - заявил Захария. - Секретничать об основах пчеловодства бессмысленно. Все это известно еще со времен Древнего Египта.

- Что, правда? - едва не рассмеялся Дэвид. Ему только сейчас пришло в голову: за все те часы, что он провел за изучением работ ученых, выведших сторожевых пчел, он так и не удосужился ознакомиться с ранней историей пчеловодства.

- Люди разводят пчел по меньшей мере четыре тысячелетия.

- Вот все это я и стараюсь узнать, - заверил Дэвид Захарию. - А механизмы идентификации угрозы сторожевых пчел мне знать незачем.

Тот нахмурился и ничего не ответил.

Осознав, что возбудил у Захарии подозрения, Дэвид стал соображать, как бы сменить тему. Не в состоянии придумать что-либо получше, он задрал штанину защитного костюма, оголив чуть более сантиметра лодыжки. Немедленно появилась пчела, и Дэвид тут же повернул стопу так, чтобы зажать насекомое под верхней частью ботинка.

- Ах ты сука!

- Что?!

- Пчелиное жало, - ответил Дэвид, пятясь от улья. - Лодыжка.

- Дай-ка взгляну.

Захария опустился на колени и осмотрел указанное Дэвидом место:

- Угу. Вижу жало.

- Ну так выдерни его! Охренеть как больно!

- Его нельзя выдергивать. Так выдавится еще больше яда. Его нужно выскабливать, вот так.

- Черт!

- Вот оно! Тебе надо в дом. В яде содержатся сигнальные белки, которые приманивают других пчел. Укушенный должен держаться подальше от ульев двадцать четыре часа.

Направляясь к дому, Дэвид мысленно проклинал себя. Он-то надеялся умерить подозрения, выставив себя невеждой, однако замысел явно обернулся против него.

Ему не требовалось выспрашивать о механизмах идентификации угрозы. Он и так о них знал.

Затянутая сеткой веранда служила защитой от пчел. Наличие подобного места, разумеется, являлось непреложной мерой безопасности. Миссис Уэр принесла ему обед, а попозже подушку и пару одеял.

- Шезлонг - не бог весть какая постель, но на одну ночь сойдет, как считаешь?

Дэвид уверил ее, что все прекрасно, однако не мог сомкнуть глаз даже через час после того, как все поднялись наверх и дом погрузился в темноту и тишину.

Поэтому он не спал, когда пришла Найоми.

' Ночная рубашка на ней была до самых пят и с высоким воротником, но ткань такая тонкая, что ее просвечивал даже лунный свет, являя Дэвиду все изгибы тела девушки.

Она подошла к изножью кровати и откинула одеяло с его ступни. Потом опустилась на колени, отклонив голову, чтобы луна осветила ужаленное место. Она склонилась и поцеловала ранку, надолго прильнув к ней губами. А потом, положив ногу на шезлонг, встала над ним и снова наклонилась, на этот раз, чтобы поцеловать его в губы.

Опасаясь даже шептать из страха привлечь внимание ее отца или брата, Дэвид обнял ее и привлек к себе.

Миссис Уэр принесла завтрак на веранду рано.

Дэвид ел, думая о Найоми. О ее коже - такой холодной на ночном воздухе и такой горячей в его объятиях. Вспоминал мельчайшие движения ее губ, преобразовавшие ее улыбку из застенчивой в дерзкую, из озорной в вызывающую.

Она осталась надолго. Они оба уснули, несмотря на неудобства шезлонга, и ушла Найоми, только когда птицы подняли утреннюю суматоху. Она прокралась в дом, остановившись лишь на миг, чтобы беззвучно рассмеяться над его беспокойством, что ее могут застать с ним.

После этого он спал лишь урывками: прежнее глубокое расслабление полностью улетучилось.

Около девяти часов явился Эзикиел. Он стоял перед верандой, таращась сквозь сетку, и на лице его читались гнев и разочарование. Дэвид посмотрел по сторонам и к своему удивлению не обнаружил маячившего поблизости Захарию с дробовиком. Но потом понял, что в оружии нет необходимости. Открыть сетчатую дверь - все равно что

пристрелить его.

После долгого молчания Эзикиел наконец заговорил:

- Многие пытались украсть биотехнологию сторожевых пчел.

- Что? - Первоначальная волна облегчения немедленно рассеялась при мысли, что его небрежность возбудила у Захарии подозрения. - Мистер Уэр, я...

Эзикиел оборвал его резким жестом.

- Это невозможно. Если они тебя не узнают, то владеть ими так же опасно, как и совершить нападение.

Дэвид ничего не ответил, но не мог удержаться, чтобы мысленно не просмотреть все известное о неудавшихся попытках - о мертвых роях и мертвых ворах.

Эзикиел долго молчал, потом невесело усмехнулся и продолжил:

- Допустим, ты спросил: «Составляющие? Какие составляющие?».

Тогда я укажу, что одну из них ты уже упоминал - идентификация угрозы. Далее: как добавить члена семьи? Как удалить члена семьи - например, при ожесточенном разводе? Уже многовато, однако владеющий этой составляющей получает возможность настроить сторожевых пчел против собственных домочадцев - отсюда еще одна составляющая: как это предотвратить? В некоторых случаях, например, продавая ферму, необходимо знать, как очистить все. Есть слои. И есть система. Кража не пройдет. Никогда не проходила. А воры часто погибают.

После этого Эзикиел ушел, оставив Дэвида наедине со своими мыслями.

Чтобы отвлечься, Дэвид принялся вглядываться сквозь сетку, выискивая пчел. Те вели себя как обычно, не проявляя особого интереса к веранде, в отличие от пары ос, настойчиво пытавшихся проникнуть внутрь.

Эзикиел следил за Дэвидом, пока матки достигали зрелости, но когда пчелы отроились и их переместили в новые ульи, совершенно расслабился. Он выказывал вежливый интерес к сообщениям Дэвида и помогал ему восстанавливать велосипед для поездки. Он снизошел даже до того, что заплатил наличными за новые шины и камеры. Когда велосипед снова был на ходу, Дэвид оказал ответную услугу, развезая на нем по ферме по различным поручениям.

Кража матки была совершенно неверной стратегией. Воровать нужно всю рамку со множеством личинок.

Он присматривался к ульям, выискивая рамку по меньшей мере с двенадцатью молодыми личинками. К концу июня подходящие рамки появлялись ежедневно, и Дэвид уже собрал основную часть припасов, необходимых для путешествия домой. Однако вместо того, чтобы заняться рамкой - убить большинство самых молодых личинок, чтобы

высвободить маточное молочко, необходимое для превращения оставшихся в маток, - он убеждал себя, что, подождя еще день-два, получит рамку получше.

Впрочем, признавался он самому себе, что отсрочка отъезда связана и с другими причинами. Порой ему удавалось провести несколько восхитительных минут наедине с Найоми.

Вывеска гласила, что это таверна, но по виду там мог быть как ресторан, так и бар, и женщин и детей внутри находилось столько же, сколько и мужчин. Половина заведения была заполнена свадьбой - фермерскими семьями, нарядившимися в свою лучшую выходную одежду.

Эзикиел привез Дэвида и семью в город и разослал всех по тем или иным поручениям. Дэвиду, как оказалось, удалось справиться со своим гораздо быстрее остальных.

Он отклонил уже третье предложение бармена заказать что-либо, когда от свиты молодоженов отделилась старуха и уселась за его столик:

- Хочу спрятаться здесь. Ничего?

Дэвид кивнул.

Сморщенная, брови, нос и губы усеивают кольца. Руки и плечи покрыты татуировками, уже совершенно неразборчивыми на дряблой, как креповая бумага, коже.

- Не то чтобы я не рада видеть, что мой придурочный крестник достаточно поумнел, чтобы жениться на Ребекке. Но если мне придется выслушать еще хоть одну речь о слиянии двух семей, я сблую.

Дэвид улыбнулся.

- А ты молчун. Скажи мне, о чем думаешь, и я куплю тебе пивка. - И, не дожидаясь ответа, она махнула бармену.

Дэвид же размышлял о том, что навряд ли ему еще попадетсЯ рамка с большим количеством личинок, нежели та, что он увидел сегодня утром, но рассказывать об этом, естественно, не совсем разумно. Когда же он попытался выдать что-нибудь правдоподобное, в голову ему совершенно ничего не пришло. Затем на свадьбе кто-то поднял бокал и, как и предрекала старуха, заговорил об объединении семей.

- Вот о чем я думаю, - выпалил Дэвид. - Как же можно устраивать свадьбы, когда у вас сторожевые пчелы? Кто бы из супругов ни переехал на ферму другой семьи, он будет в смертельной опасности, так ведь?

- Ага, - подтвердила старуха. - Требуются два поколения маток, чтобы добавить поверхностные маркеры клеток кожи нового человека в список семьи роя. А потом приходится ждать, пока не перемрут все старые рабочие пчелы, и только тогда новому человеку ничто не

угрожает. Из-за этой задержки среди фермеров Иллинойса возникли некоторые любопытные брачные обычаи.

- Как интересно, - отозвался Дэвид.

Старуха фыркнула:

- Если ты подумываешь сделать предложение фермерской дочке, то, наверное, да. А так - ничего интересного.

Дэвид услышал хруст гравия, поднял глаза и увидел, что на подъездной дорожке появился дорогой гибридный мотоцикл.

Толкавший барабанную косилку Эзикиел ничего не слышал. Дэвид тронул его за руку и махнул в ту сторону граблями.

На мотоцикле сидели двое. Мужчина был одет в непарное обмундирование китайского и иранского контингентов, явно приобретенное на распродажах: на женщине поверх облегающих кожаных штанов были поселенческое платье и шлем-маска. Лишь когда она подвинулась, чтобы дать мужчине слезть с мотоцикла, Дэвид заметил ребенка на перевязи за ее спиной.

Эзикиел пробурчал что-то о проклятии и велел ему:

- Оставь работу. Не дай им оказаться между тобой и домом.

Дэвид послушно отступил.

- Фермер, извините, - начал мужчина. - Мы с женой пытаемся добраться до ее семьи под Спрингфилдом. И я надеялся, вы сможете уделить нам немного топлива.

- Сожалею, но у нас есть только то, что необходимо для фермы, - ответил Эзикиел.

Мужчина вздохнул.

- Нам много не надо... Хотя бы литр, на дорогу хватит. Любого жидкого топлива - этилового или метилового спирта, дизеля, растительного масла, бензина... Даже пол-литра поможет.

Эзикиел покачал головой.

- Если вы и ваша жена голодны, мы можем дать вам еды.

- Нет, - тоже покачал головой мужчина, - мы не голодны. - Он повернулся к мотоциклу, и Дэвид вздохнул было с облегчением.

Но мужчина резко обернулся. В руке его оказался пистолет, который он направил на Эзикиела.

- Если вам хватает для трактора, то можете поделиться литром.

Дэвид услышал, как жужжание пчел изменилось. Он знал, что они реагируют на запах ружейного масла, маркеры страха в поте Эзикиела, а быть может, и на другие факторы, которые ему не удалось выцедить из прочтенных статей.

Пока мужчина грозил пистолетом, женщина надела на него шляпу пасечника, расправив сетку на плечах. Покончив с этим, она достала кусок сетки побольше и накинула ее себе на шлем, укрыв себя и ребенка.

Эзикиел проговорил спокойно, но отчетливо:

- Дэйв, беги. На веранду.

Дэвид рванулся вперед. Краем глаза он увидел, что Эзикиел бросился в другую сторону. До него донесся грохот выстрела, и он заметил, что Эзикиел прыгнул в канаву.

Гул сторожевых пчел стал громче. Он заполнил всю ферму, как вода разливается по земле. Всего лишь через несколько секунд жужжание было уже таким оглушительным, что Дэвид не слышал даже, как бежит по траве. Зная, что попытка укрыться от стрельбы будет самоубийственной, он прибавил скорости.

Позади закричал мужчина.

За этим криком боли тут же последовал еще один выстрел. Дэвид принялся вилять влево-вправо, но выстрел оказался последним.

Крики, однако, продолжались. Раздались и женские вопли. За те тридцать секунд, что потребовались Дэвиду добежать до дома, он услышал полную смену интонаций: боль, гнев, мольба.

Мольбы продолжались довольно долго, прорезаясь даже через ужасающий гул рассвирепевших сторожевых пчел. Дэвид был рад, что находится достаточно далеко, чтобы разобрать слова.

Наконец он достиг защищенной веранды, ворвался внутрь, захлопнул дверь и закрыл ее на замок.

Захария, появившийся лишь несколько мгновений после Дэвида, дернул за ручку. Удивленный, что дверь не поддается, он собрался потянуть сильнее.

- Нет, - выдавил Дэвид, задыхаясь от бега. - Не открывай дверь.

В глазах Захарии мелькнуло понимание, и он осторожно отпустил ручку.

- Что произошло?

- Семья. На мотоцикле. Хотели топлива. Достал пушку.

Бросив взгляд через лужайку, Дэвид увидел газонокосилку, но людей не разглядел. Воздух был полон черного и оранжевого.

- Отец?

- Прыгнул в канаву, когда началась стрельба.

Из-за угла дома появилась Найоми с винчестером. Она молча протянула его Захарии, который тут же передернул затвор, дослав патрон в патронник - однако цели у него не было.

А затем они услышали младенческий плач.

- У них был ребенок? - спросил Захария и помчался вслед за Найоми, которая побежала при первом же звуке.

Поднялся Эзикиел и тоже поспешил к вопящему ребенку. Из своего укрытия Дэвид разглядел, как все трое возились, чтобы высвободить младенца из перевязи и понадежнее закутать в защитную сетку. Найоми схватила крохотный сверток и побежала к дому, но крик ребенка уже перешел в задыхающийся хрип.

Когда она добежала до дома, младенец уже затих.

Дэвид провел ночь на веранде, вслушиваясь в гул пчел, чья ярость не утихла. Он смог заснуть лишь через несколько часов.

Первый час он не переставая думал о ребенке. Он слышал его предсмертные хрипы. Потом донесся крик Эзикиела, чтобы принесли аптечку против пчелиных укусов, и Дэвид представил, как миссис Уэр делает бесполезные инъекции адреналина и антигистамина.

Но смерть младенца занимала мысли Дэвида лишь какое-то время. Постепенно их направление сменилось. Он принялся думать о том, что произошло бы, если бы его семья подверглась подобному нападению. И что происходило - когда убили дедушку, а дядя Уолтер потерял руку.

Незадолго до рассвета Дэвид проснулся и обнаружил, что разгневанный гул утих. Тогда он осторожно отпер дверь. Подлетела пчела, потом еще одна. Они не ужалили его, и он закрыл за собой дверь и двинулся по дорожке.

Тела лежали там, где их нашла смерть. Каждый видимый сантиметр кожи был красным и распухшим.

Что-то странное было в этих вздутиях, и лишь внимательно изучив их, Дэвид понял, в чем дело. В них не оставалось жал. Поборов в себе болезненное отвращение, он перевернул труп мужчины. Под ним он обнаружил то, что и ожидал увидеть - ос.

Несколько было раздавлено в смертельных корчах налетчиков. В осах не было ничего особенного - желто-черные, как обычно, а не оранжево-черные, как сторожевые пчелы. Однако у Дэвида не возникло сомнений, что и они были модифицированными. И теперь некоторые неясные упоминания в научных статьях обрели смысл. Крупнее и сильнее, чем пчелы, и обладающие более острыми и длинными жалами, осы, как ему стало понятно, являлись смертоносной составляющей системы.

А сторожевые пчелы - этакое театральные взмахи фокусников, отвлекающие внимание от настоящего действия.

Дэвид покинул ферму, не оставив записки, не желая рисковать, что его уход обнаружится еще до отправления поезда.

Он вырыл могилу для налетчиков, выбрав место для нее настолько близко к осиному гнезду, насколько осмелился копать, проделав заодно и большую часть землеройной работы, необходимой для извлечения гнезда.

Пчел разводят вот уже четыре тысячелетия, и поэтому вмешательство человека в ульи они терпят. Осы же подобному разведению не подвергались. Взамен этого Дэвид приколотил ко входу в гнездо сетку. Он постарался закончить свою работу как можно быстрее. Вырвав ком земли со всем гнездом, он погрузил его в

двадцатилитровый бидон, в крышке которого предварительно пробил вентиляционные отверстия. И накрыл бидон сеткой, закупорил крышкой и скотчем, еще раз затянул сверху сеткой.

Покончив с этим, он принялся за пчел. Осмотрев рамки, выбрал самую подходящую и, оставив несколько молодых личинок, убил остальных, чтобы сохранить необходимое маточное молочко.

Еще на ранней стадии своих приготовлений Дэвид подобрал себе саквояж, пригодный для путешествия на поезде, и сделал в нем отделение для хранения рамки улья. Перевозить бидон не очень удобно, однако, по его расчетам, средств должно хватить на покупку подходящего по размерам чемодана. Из тех денег, что его семья и соседи собирали четыре года и отсылали ему в колледж, на это уйдет немного.

Еще заблаговременно Дэвид засек время поездки до станции. И он улучшил его даже с теперешним багажом, заранее прибыв к раннему поезду. Расплатился за билет наличными, которые все это время прятал, погрузился и через несколько минут уже был на пути домой, в Мичиган.

В поезде он написал письмо, которое побоялся оставить на ферме.

Он написал Найоми, что любит ее. Потом порвал письмо, и у него остался лишь листок бумаги. Какое-то время Дэвид не знал, что делать. Наконец, написал о том получасе, когда они проверяли семейный сад, и о том, что ее великодушное понимание к его семье значит для него больше, чем он может выразить.

Он отправит его из Чикаго. Должно дойти.

Сменятся два поколения пчел, прежде чем ферма его семьи окажется в такой же безопасности, что и фермы Иллинойса. Каждые два последующих поколения дадут защиту двоим, потом четверым, а затем восьми его соседям.

Под стук колес направляющегося на север поезда Дэвид представлял себе, что слышит жужжание сторожевых пчел, оберегающих его дом.

Перевел с английского Денис ПОПОВ

© Philip Brewer. Watch Bees. 2011. Печатается с разрешения автора.
Рассказ впервые опубликован в журнале «Azimov's» в 2011 году.

**журнал ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА
И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ
*Антиквариат***

Ваш гид по рынку

Достоверная информация и реальные цены

Подписка:

- по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) - индекс 99438;
- по каталогу «Пресса России» - индекс 45720;
- в отделе распространения, тел.: (499) 248-0890, факс: (499) 248-6819

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.
Тел.: (499) 248-0576 (редакция), тел.: (499) 248-0890,
(495) 585-7312 (отдел распространения),
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

ФРАНК ХАУБОЛЬД
ЛЕГЕНДА ОБ ЭДЕМЕ

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Дэвид замерз.

Замерз так, что не мог пошевелиться.

Точнее, это холод пробился сквозь глубокий сон, сквозь паралич, охвативший его тело, в узкую щель между дремой и реальностью, и разбудил его.

А потом пришел страх. Древний, как само человечество, тянувшийся с тех времен, когда люди тысячелетиями наблюдали за движением ледника.

Этот холод убьет меня! Я должен освободиться!

Но криокапсула не открывалась. Дэвиду понемногу удалось припомнить прошлое и успокоиться. Вероятность повреждения криокапсулы была столь же мала, как вероятность гибели космического корабля от удара метеорита. Что-то около одного к миллиарду. И все-

таки было чертовски холодно.

Он попытался открыть глаза, но ничего не получалось. Тело все еще не повиновалось ему.

Имплантат в сетчатке! Что если они повредили мне мозг?!

Мысль блеснула, как рыба, которую Делмиус жарил на огне.

Делмиус?

Делмиус ловил ее в канале, окружавшем Остров Черепов - тюрьму на Аргусе II. Метровые хищные рыбы выполняли за охранников большую часть работы. Людям требовались только лодки, рации, видеокамеры для внутреннего контроля - за последними как раз и присматривал Делмиус.

Когда кто-то пытался бежать, Делмиус монтировал из отснятых видеокамерами материалов очередной учебный фильм для новичков. Фильм о тщетности попыток побега. Остров Черепов был конечной станцией. За всю его историю никто не покинул тюрьму живым и невредимым. За двумя исключениями: Дэвид Грин и Вильям Джефферсон вышли на свободу.

Ретинальный имплантат и передатчик в верхней трети плеча позволяли сотрудникам «Медеи» видеть все, что происходит с Джефферсоном и Грином. Такого рода технологии были запрещены Сиенской конвенцией, но руководство «Медеи» это не волновало. Альянс стоял над законами, а обоим заключенным и в голову не приходило жаловаться - они были рады покинуть Остров Черепов живыми.

Под кожей словно забегали тысячи муравьев, и странное ощущение вернуло Дэвида в реальность. Кажется, чувствительность возвращалась, это радовало. Осторожно он открыл глаза и дождался, пока автоматическое управление капсулой отрегулирует уровень освещенности. Первым, что он сумел разглядеть, был дисплей, на котором вспыхивали цифры обратного отсчета времени. Примерно через двадцать минут капсула должна была открыться. «Меркурий» сбрасывал скорость, приближаясь к цели.

Когда все только начиналось, Дэвид совсем не думал о задании и был уверен, что Билл тоже об этом не размышляет. Оба просто наслаждались неожиданно обретенной свободой. Разумеется, за ними зорко следил ALLFOR, но у них было вдоволь еды, питья и чистое постельное белье. Просто царская роскошь! Кроме того, в лагере подготовки попадались женщины - морячки-десантницы и многочисленные служащие, которых нанимал Альянс. И они были не прочь из любопытства пообщаться с бывшими заключенными. Впрочем, ни одна из этих женщин не напоминала Рашель...

Рашель сейчас тридцать два года... все те же тридцать два. И она не станет старше, пока ее тело покоится в криокамере на Острове Надежды. Во впаянном в базальтовую поверхность саркофаге среди

неисчислимого множества других тел она ждет чуда воскрешения. Пока врачи не смогут восстановить ее мозг, она будет спать без сновидений под защитой искусственного интеллекта, который поддерживает едва теплящуюся жизнь.

Покалывание под кожей утихло, теперь Дэвид ощущал дуновение теплого воздуха. Он пошевелил пальцами на руках и ногах, радуясь возвращению контроля над телом. Кажется, жизнь не так уж плоха.

Потом снова взглянул на дисплей.

Еще десять минут.

Осторожно повернул голову, чтобы увидеть капсулу Джефферсона, но все тонуло в молочно-белом тумане. Бывший заключенный вздохнул. Он не знал, рад ли будет напарнику. Конечно, его пугало одиночество, но он был почти не знаком с Биллом и не знал, можно ли на него положиться. Хотя Альянс постоянно на связи, решения им придется принимать самим, ведь никто не знает, что их ждет на Эдеме. Планете, где бесследно исчез звездный крейсер «Арго» класса «Тор» - событие беспрецедентное в истории космического флота. Об этом инциденте широкая общественность ничего не знала. Все происходило в глубокой тайне. Эскалация конфликта с хазерами привела к запрету на полеты гражданских кораблей. И хотя миссия крейсера «Арго» была исследовательской, в его команду входили пять сотен морских пехотинцев. Корабль долгие годы провел в глубоком космосе, исследуя одну звездную систему за другой и открывая новые землеподобные планеты. Эдем оказался жемчужиной коллекции - небесное тело в «поясе жизни», с кислородно-азотной атмосферой, теплым климатом. На «Арго» не было отбоя от желающих попасть в группу высадки. Но потом связь с кораблем оборвалась, и о его судьбе до сегодняшнего дня ничего не было известно. Инженеры не могли представить себе такой поломки, которая мгновенно вывела бы из строя крейсер или лишила его средств связи. Снарядить втайне новую экспедицию на Эдем не представлялось возможным. Поэтому разобраться в том, что произошло, было поручено двум бывшим заключенным.

У Дэвида не было иллюзий насчет их миссии. Шансы выжить равны нулю. Если на Эдеме обитает враждебная человечеству раса, которая с легкостью расправилась с пятьюстами обученными космодесантниками, она уничтожит «Меркурий» в один момент. А бежать некуда - Альянс найдет их на любой из обитаемых планет.

Нежный перезвон отвлек его от грустных мыслей. Наступило время покинуть капсулу. Молочный туман поредел, уже можно было различить очертания помещения, и Дэвид с непонятным чувством облегчения увидел у дальней стены вторую криокапсулу и темный силуэт внутри нее. Билл тоже здесь.

Сержант Уильям Джефферсон попал на Остров Черепов за

неподчинение приказу. Он никогда не рассказывал, в чем там было дело. И никогда не интересовался, что привело в тюрьму Дэвида.

Еще минута, и крышки криокапсул откинулись. Двое бывших заключенных выбрались из своих временных гробов и забрались на массажные столы в регенерационной камере. Медицинские роботы принялись восстанавливать циркуляцию крови и тонус мышц.

- Что будем делать дальше? - спросил Дэвид.

- Рядовой Грин, отставить разговорчики! - ухмыльнулся Билл.

Предупреждение прозвучало вовремя - с потолка обрушился поток воды, прогоняя остатки слабости и сна. После чего из соседнего отсека так явственно пахло кофе, что оба путешественника мгновенно ощутили, насколько они голодны, и довольно резво вскочили с мокрых топчанов. Несколько минут они сосредоточенно набивали желудки колбасой, яичницей и белым хлебом, запивая все галлонами кофе.

Между тем компьютер звонким металлическим голосом сообщал им параметры орбиты, оповещал о том, что выслал разведывательные зонды и уже приступил к обработке первых снимков поверхности планеты.

Позавтракав, Дэвид и Билл прошли в рубку и расположились в креслах, а компьютер продолжал хвастаться своими успехами.

Часть зондов осталась в космосе, какие-то проникли под толстый слой облаков, окутывавших Эдем. Таинственную планету на сорок процентов покрывал океан, там бушевали чудовищные штормы. На суше не было гор, встречались лишь цепи невысоких холмов, не выше дюжины метров.

Компьютер вывел картинку на большой экран. Зонд опускался на берег океана. Кустарники с узкими листьями покрывали землю. Разнообразие оттенков зелени поразило землян: они сразу почувствовали, что планета чужая, не похожая на знакомые миры.

Загудел сигнал, и компьютер сообщил, что зонды «Меркурия» обнаружили «Арго» и теперь их кораблик меняет курс. Вскоре крейсер появился на мониторах - тонкая сверкающая иголка, ушко которой тонуло в тени. По данным компьютера, до него оставалось еще двести километров. И все же Дэвиду казалось бесконечно странным, что эта крошечная яркая черточка - один из самых больших и могущественных кораблей флота «Медеи».

Постепенно иголка превратилась в веретено, медленно и чинно плывущее на фоне незнакомых звезд. Два корабля начали автоматический обмен данными. Через несколько минут компьютер сообщил: «Команда корабля на связь не выходит. Ожидаю дальнейших инструкций».

«Они мертвы. Все мертвы», - подумал Дэвид. Разумеется, в штабе флота с самого начала подозревали, что с экипажем что-то случилось. Но одно дело предполагать, находясь в миллиардах километров от

планеты, а совсем другое - оказаться самому на мертвом корабле.

- Произвести стыковку, - приказал Билл.

- Стыковка через две минуты, - отозвался компьютер.

- Я не полезу туда, - пробормотал Дэвид себе под нос.

- Прекрати, - отрезал Билл. - Конечно же, полезешь. И я тоже. В-первых, иначе мы не сможем вернуться, а во-вторых, я и впрямь хочу знать, что там произошло.

- Но у нас нет оружия, - промямлил Дэвид.

Билл усмехнулся:

- У тех десантников было полно оружия, и где они теперь? Пошли, парень, нам нужно сделать эту работу.

- Автоматическая стыковка произведена, - доложил компьютер. - Идет анализ атмосферы. Корабль будет доступен через несколько минут. Температура на борту - двадцать один градус по Цельсию, относительная влажность - пятьдесят процентов, давление в пределах нормы, химические и биологические загрязнения отсутствуют.

«И тихо, как на кладбище, - мрачно подумал Дэвид. - Хочешь понять, что произошло, Билли? Что-то их убило. И, вероятно, оно до сих пор находится на корабле. Какая-нибудь бактерия или вирус, которую не ловят сенсоры...»

Он активировал передатчик, встроенный в специального робота, и тот сразу же доложил, что связь с базой установлена. Теперь специалисты «Медеи» могли видеть и слышать все, что видели и слышали Дэвид и Билл. Затем разведчики прошли к шлюзу. Сердце Дэвида колотилось, как сумасшедшее, на лбу выступил пот. Он никогда не мечтал стать бесстрашным исследователем, он даже не был военным, как Билл, и его совершенно не интересовало, отчего погибли пятьсот вооруженных до зубов десантников. Но выбора не оставалось.

Створки шлюза разошлись, и Дэвид непроизвольно съежился. В шлюзовом помещении «Арго» было чисто, светло и тихо. Только негромко гудели насосы, перекачивая воздух. Корабль казался покинутым.

На пути в центральную рубку они не увидели никого. Ровным счетом ничего необычного или опасного. Их шаги гулко отдавались в пустых помещениях. Корабль молча и терпеливо ждал свой экипаж. Но куда же они все пропали?

Робот-передатчик следовал за людьми, словно верный пес. Дэвиду внезапно захотелось дать ему пинка; он представил, как отреагируют на это наблюдающие за ними сотрудники «Медеи», и усмехнулся.

Через двойные двери они прошли в рубку. Большой зал с прозрачным куполом, стены которого были превращены в панорамные окна, производил сильное впечатление. В центре стояло три десятка кресел. На пультах горели зеленые огоньки, показывая, что все системы корабля работают нормально. На главном мониторе был виден Эдем,

окутанный плотным покрывалом облаков.

Дэвид мельком глянул на него и едва не подскочил на месте от неожиданности, когда компьютер «Арго» заговорил мелодичным голосом: «Приветствую вас на борту. Ваш имплантат идентифицирован. Все системы корабля в вашем распоряжении».

- Что случилось с экипажем? - тут же спросил Билл.

- По данным сенсоров, мертвые тела были обнаружены в кают-компании и удалены. Другой информацией о состоянии экипажа не располагаю.

- Я спрашиваю, что с ними случилось? - Билл повысил голос.

- Извините, сэр, - вежливо возразил компьютер, - но доступ к полным данным защищен личным кодом.

- Чьим кодом? - поинтересовался Билл.

- Капитана сил ALLFOR Альфреда Переса, командующего группой десантников на «Арго».

- А где сейчас капитан Перес?

- Запись сделана 20 июля 332 года в 18.32.53 по корабельному времени, - невпопад ответил компьютер.

Не успели разведчики переспросить, как Эдем уже исчез с монитора, и на экране появилось изображение кают-компании корабля. Стены заляпаны кровью, на полу валяются безжизненные тела. На лицах застыло выражение безграничного удивления. Единственный выживший - юноша в форме десантника - прятался за баррикадой из кресел, сжимая в руках автомат.

В кают-компанию вошел еще один десантник. Юноша выпрямился и отдал ему честь.

- Сэр, - его голос был хриплым и срывающимся, - разрешите доложить? Операция выполнена!

Офицер ответил:

- Очень хорошо, сынок. Теперь ты можешь убить себя.

- Спасибо, капитан! - ответил десантник.

Он снял шлем, направил ствол автомата себе в лоб и спустил курок.

Офицер устало вздохнул, тоже снял шлем, и разведчики увидели, что волосы у него совсем седые. Когда он тоже прицелился себе в голову, Дэвид закрыл глаза. Прозвучал выстрел. Дэвид взглянул на монитор: на полу появилось еще одно мертвое тело.

- Что это было? - спросил Билл очень тихо.

Никто ему не ответил. Только компьютер погасил монитор.

Разведчики некоторое время стояли молча, потом Дэвид позвал:

- Компьютер, почему ты ничего не предпринял?

- Не было получено инструкций, как действовать при иррациональном поведении экипажа. Не обнаружено прецедентов, - ответил компьютер.

- Но была произведена уборка.

Монитор снова засветился, и Дэвид с Биллом увидели, как роботы

упаковывают мертвые тела в пластиковые мешки.

- И где они сейчас? - поинтересовался Билл.

- Была инициирована программа удаления органических загрязнений с корабля в околопланетное пространство.

- То есть ты их выбросил? - Судя по голосу, Билл с трудом сдерживал гнев. - Как мусор?

«Если сейчас он потеряет самообладание и все тут разнесет к чертовой матери, я влип», - подумал Дэвид.

Однако Билл справился с собой и заговорил снова, уже спокойнее, сухо и отстраненно:

- Что с передатчиком?

- Передатчик и система управления вооружением были уничтожены экипажем, - доложил компьютер. - В настоящее время контакт с базой осуществляется через систему связи «Меркурия».

- Есть ли новые сообщения из центра?

- Так точно, сэр. Активирован шаттл для посадки на планету. Старт через пятнадцать минут.

- База хочет, чтобы мы высадились на Эдем?

- Так точно, сэр. В компьютер шаттла загружены все необходимые данные и навигационные программы, курс рассчитан, посадка произойдет автоматически.

- А если мы откажемся?! - выкрикнул Дэвид.

- Пожалуйста, следуйте по линии, обозначенной красными огнями. Она приведет вас к шаттлу, - равнодушно отозвался компьютер.

Дэвид хотел возразить - не компьютеру, а людям на базе, которые слушали каждое их слово, - но внезапно почувствовал руку Билла на своем плече.

- Спокойно, парень, - произнес бывший сержант. - Не пори горячку.

И снова обратился к компьютеру:

- Мы получим оружие?

- Разумеется, сэр. Вооружение уже загружено на «Кастор».

- О'кей. Посмотрим, что тут творится.

Дэвид ничего не сказал.

Горящие на стенах красные лампочки привели двух разведчиков на летную палубу, где стоял типовой шаттл. Его люк был гостеприимно открыт. Оказавшись на борту, Билл прежде всего полез в шкаф со скафандрами, но тот был пуст.

- Что это значит? - удивился экс-сержант. - Мы не должны выходить на поверхность планеты?

- Разумеется, должны, мистер Джефферсон, - бесстрастно сообщил компьютер. - Но вы не будете нуждаться в специальных защитных средствах. Атмосфера планеты пригодна для дыхания, здесь не обнаружено опасных химических и биологических агентов, уровень радиации нормален.

Дэвиду распоряжение компьютера сначала не понравилось, но, подумав, он решил, что это не так важно. «Арго» никогда не снижался на планету, не впускал в себя ее атмосферу, и тем не менее его команда сошла с ума и перестреляла друг друга. Следовательно, то, что им грозит, находится не в атмосфере.

Дверь шаттла опустилась, послышался свист сжатого воздуха - кораблик восстановил герметичность. Одновременно закрылись внутренние двери летной палубы. Затем открылись внешние створки, за которыми чернела пустота. Путь был свободен, можно взлетать.

Разведчики прошли в кабину. Для этого им пришлось миновать пассажирский салон с дюжиной кресел. Билл открыл шкафчик, привинченный к стенке, и они увидели ряд тускло поблескивающих лазерных винтовок.

- Хм, неплохо... - проворчал Билл себе под нос. - ЛМ-2, новейшая модель. Очень недурственно. А что у нас здесь?

Он распахнул створки такого же шкафчика у противоположной стены и извлек нечто, что сугубо штатскому Дэвиду больше всего напомнило базуку.

- Ничего себе! - присвистнул Билл. - Никогда бы не подумал...

Он не закончил фразу и повернулся к Дэвиду:

- Ты знаешь, что это такое, малыш?

Дэвид покачал головой.

- Ну и ладно, - сказал сержант. - Может, и не узнаешь...

Дэвид промолчал, скрывая удивление. Странное выражение лица Джефферсона заставило его насторожиться.

Билл протянул Дэвиду стандартный пистолет, стреляющий разрывными пулями и бывший на вооружении у десантников.

- Справишься?

Дэвид кивнул. В лагере он прошел начальный курс огневой подготовки.

- Пожалуйста, займите свои места, - вновь обратился к ним компьютер. - Старт через девяносто секунд.

Дэвид поморщился. Он не доверял ни компьютеру «Аргуса», ни командованию на базе. Вряд ли жизни разведчиков представляли хоть какую-то ценность.

Билл угадал его мысли.

- Садись, Дэвид, - сказал он. - Куда ты денешься?

Дэвид сел в кресло, которое мгновенно подстроилось под него, чтобы защитить от перегрузок, и пристегнул ремни. Вскоре он почувствовал, что шаттл едва заметно дрожит: это включились ионные двигатели. Корабль покинул летную палубу и по крутой дуге начал спускаться к планете. Разведчики молчали, глядя, как в иллюминаторе все ближе надвигается плотная стена облаков.

- Компьютер! - неожиданно позвал Билл.

- Слушаю, сэр!

- Разве стандартная процедура разведки не предусматривает использования двух шаттлов?

- Так точно, сэр. Однако в системе отсутствует информация о местонахождении второго шаттла.

- Дай угадаю! На самом деле информация есть, но доступ к ней закрыт личным кодом капитана Переса?

- Так точно, сэр. Но я могу установить контакт между навигационной системой второго шаттла и «Меркурием».

- Это было бы неплохо, умник! - ухмыльнулся Билл.

Итак, они послали группу в разведку!

Эта мысль полностью захватила Дэвида. Однако у него не было времени обдумать ее до конца. Шаттл уже вошел в атмосферу, иллюминаторы заволочило густым белым туманом. Автоматы обеспечивали «Кастору» идеально точную и мягкую посадку. Но тревога не покидала Дэвида. То, что он увидел на «Арго», не вызвало доверия к компьютерам ALLFOR. Он все время поглядывал на главный монитор, но ясно сознавал, что сделать ничего не может. Корпус корабля завибрировал: видимо, они попали под боковой ветер. Дэвид взглянул на Билла. Тот улыбнулся.

- Спокойно, мальчик. Будем отрабатывать наши деньги.

- Думаешь, это разумно?

- А ты полагаешь, «Медея» послала нас сюда, чтобы прикончить? Слишком дорого и хлопотно... Сейчас мы единственные глаза и уши ALLFOR в этой системе. Разумеется, они будут нас беречь. Пока, - он выделил это слово, - мы можем ничего не опасаться.

Наконец облачность разошлась, и в иллюминаторах обозначилась поверхность планеты. Пейзаж, расстилавшийся внизу, напоминал земной, а для двух бывших заключенных деревья, трава и реки казались настоящим чудом.

Чем ниже спускался шаттл, тем различимее становились оттенки зелени. Серебристые потоки струились сквозь леса к сияющему на горизонте океану. С высоты были отчетливо видны два темных пятна правильной формы, казавшиеся чужеродными на фоне естественного ландшафта. Когда до поверхности оставалось не больше нескольких десятков метров, Дэвид разглядел, что одно из пятен в точности повторяет форму шаттла. Несколько секунд он думал, что видит тень «Кастора», но потом понял: это его брат-близнец «Поллукс» - тот самый второй шаттл, на котором еще могли остаться выжившие. Но разглядеть его получше не удалось: «Кастор» начал тормозить, гася скорость, и вскоре темный силуэт ушел за горизонт.

Автопилот шаттла выполнил посадку со своеобразной механической элегантностью.

- Есть посадка, - любезно сообщил компьютер. - Приготовьтесь к

выходу и проверьте снаряжение. Выход на поверхность через десять минут двадцать секунд.

«Если мы вернемся на «Аргус», видит Бог, я его разобью, а потом скажу, что так и было», - подумал Дэвид. И вдруг ему пришло в голову, что те же чувства, возможно, испытывали десантники, когда уничтожили передатчик на своем корабле.

Билл уже вылез из Кресла и проделывал простейшие физические упражнения, чтобы размять мышцы и привыкнуть к гравитации. Дэвид последовал его примеру.

- Компьютер, каково расстояние от нас до «Поллукса»? - спросил Билл.

- Около полутора миль, сэр. Направление - север-северо-восток. Вы можете воспользоваться вездеходом «Кастора».

«А вдруг они живы? - подумал Дэвид. - Но обрадуются ли встрече с нами? После «Арго» сильно сомневаюсь».

- «Поллукс» потерпел аварию? - произнес он вслух. - Какова вероятность, что команде удалось...

- Хватит ерунды, Дэвид, - отрезал Билл. - Они мертвы, ты знаешь это не хуже меня.

- Тогда зачем нам ехать туда?

- Потому что так хочет начальство, - ответил Билл с усмешкой. - Но я не думаю, что мы найдем разгадку на шаттле.

Внезапно кораблик содрогнулся, словно по нему ударили резиновым молотом. Дэвид закусил губу.

- Не дрейфь, парень, - Билл похлопал его по плечу. - Держу пари, снаружи ничего, кроме травы и кустов. Все экологически чистое, без ГМО.

Дэвид криво улыбнулся. Ему не давала покоя мысль о судьбе команды «Арго». До сих пор не было ни малейших признаков, что двух разведчиков ждет та же участь. Но и ни малейших оснований для уверенности в обратном.

Впрочем, Билл уже открыл шлюз, и на Дэвида обрушились горячей волной чужие, но странно знакомые запахи, ветер и солнечный свет. И его память мгновенно отозвалась живой болью.

Лето... На Кингстоне царило вечное лето. Они провели несколько дней на этой курортной планете и собирались продолжить круиз, когда при рутинном обследовании медицинский сканер обнаружил какую-то патологию в легких Тома Салингера, их пилота. Операция прошла успешно, но болезнь Салингера задержала вылет на неделю. Рашель даже радовалась: говорила, что ей прискучили экзотические пейзажи и она не прочь провести время в постели с Дэвидом. Только все получилось совсем не так...

Дэвид даже не понял толком, что произошло. Просто однажды утром

Рашель оказалась в коме, он - в наручниках, а комнату заполнили санитары и полицейские. И все, что он сумел вспомнить - это легкий шорох в темноте, прежде чем его уложил на пол удар электрошокера.

Из номера ничего не пропало, значит, это не был банальный взлом с целью ограбления. Магнитный замок на двери остался неповрежденным. Так Дэвид оказался единственным подозреваемым, и вскоре его вина была доказана: нашлись и отпечаток пальца на спусковом крючке пистолета, и следы наркотиков в крови. Он не знал, обманула полицию эта инсценировка (превосходная, надо признать) или судьи были подкуплены с самого начала. Так или иначе, но Дэвид Вандерберг был признан виновным в покушении на убийство Рашель Вандерберг, а что покушение было совершено в состоянии наркотического опьянения, явилось отягчающим обстоятельством.

Никто не верил в его невиновность. Ни на Кингстоне, ни на Аргусе II, который должен был навеки остаться его домом. Родители Рашель позаботились, чтобы ее тело было помещено в криостазис. Дэвид был благодарен им - он сам уже ничего не мог сделать для любимой.

Дэвид потрянул головой, отгоняя воспоминания. Он должен прийти в себя, если хочет выжить. И очень важно, чтобы Билл не заметил его растерянность: спутник чертовски наблюдателен, Дэвид это уже понял.

Кстати, а что там подельывает старый солдат? Дэвид обернулся, и увидел, что Билл внимательно изучает дисплей портативного сканера.

- Странно, - пробормотал бывший сержант. - На десять миль вокруг нет источников инфракрасного излучения. То есть ни единого живого существа! Ни одной птички или мышки...

- А ты соскучился по мышам? - поддел его Дэвид.

- Балда, - беззлобно отозвался Билл. - Мелкие грызуны являются важным звеном в пищевой цепи. В любом биоценозе. А здесь очень много растительности, но никого, кто способен ее жрать. Такое ощущение, приятель, что нас кто-то дурачит.

- Тогда он чемпион по игре в прятки, - сказал Дэвид. - Ну что ж, взглянем на «Поллукс»? Может, и впрямь найдем там какую-нибудь подсказку.

- А может, и нет, - задумчиво протянул Билл.

Он вывел из шаттла вездеход марки «Тарн-Аллиг» - стандартную машину для передвижения на других планетах, и броня мгновенно окрасилась в тускло-зеленый цвет местной травы. Разведчики заняли свои места.

- Что ж, поехали!

Билл запустил турбины и быстро набрал максимальную скорость.

- Эй, осторожно! Здесь не шоссе! - воскликнул Дэвид.

Но амортизаторы вездехода работали превосходно. Корпус только слегка покачивался, и путешествие напоминало увеселительную

прогулку. Через некоторое время Дэвид поймал себя на том, что любуется пейзажем. «Это какое-то сумасшествие! - подумал он. - Нельзя быть таким беспечным!»

Вскоре на горизонте показался сверкающий корпус шаттла, и вначале Дэвид вообразил, что они сделали круг и вернулись на место посадки. Потом он понял, что перед ними «Поллукс». Билл лихо развернулся под крылом и тормознул в опасной близости от фюзеляжа. Дэвид клацнул зубами от неожиданности.

- Водишь как обкуренный, - проворчал он.

- Извини, Дэвид, - в голосе Билла не было ни следа раскаяния. - Немного увлекся. Уже не помню, когда в последний раз держал руль.

- В следующий раз предупреждай.

«Если следующий раз будет», - закончил Дэвид мысленно; у него сосало под ложечкой от волнения.

Шаттл был мертв. Его иллюминаторы казались глазами, слепо смотрящими вдаль.

- Аккумуляторы исчерпаны, - сказал Дэвид. - Полная потеря энергии. Наверное, ребята заглушили главный реактор, прежде чем покинуть корабль. Если они его покинули...

Он с неприязнью покосился на серебристый колосс.

- Покинули, не беспокойся, - Билл указал на следы гусениц на песке. - Расстояние между колеями в точности как у «Тарн-Аллиг». И уходят на север, к океану.

- И мы должны ехать за ними?

- А как же. Но сначала осмотрим корабль.

Дэвид со вздохом набрал универсальный код на замке шлюза. Очевидно, гидравлика не действовала, и створки пришлось разводить вручную. Изнутри пахло застоявшимся влажным воздухом.

Тем не менее, пока они обходили шаттл, Билл держал оружие на изготовку. Кабина была пуста, пассажирский отсек тоже. Везде порядок: команда покинула шаттл без спешки и, кажется, сделала это сразу после посадки.

- Удача, что они заглушили реактор! - Билл выглядел очень довольным.

- Чему ты радуешься? - спросил Дэвид.

- А ты подумай! - Билл усмехнулся. - Нет реактора, нет питания на рации. Представляешь, как сейчас злятся парни на базе!

- Но они же все равно знают, где мы!

- Да, но не могут нас видеть и слышать, а значит, не могут шпионить. Ужасно неудобно. Бедняги!

- Ты хочешь сказать, что наши имплантаты сейчас не работают?

- Точно, но пока это не имеет большого значения. Посмотрим, как будут развиваться события.

Сердце Дэвида застучало как бешеное. Сбежать! Снова стать

свободным! Но тут же в его голове прозвучал голос скептика: «А что если Билл просто проверяет тебя на лояльность? По заданию ALLFOR?»

Билл как будто угадал его мысли.

- Они же все равно не слышат, приятель. - Он широко улыбнулся, показав белые зубы. - Скоро мы сможем освободиться, а потом залезем в корабль и улетим ко всем чертям!

- Что ты задумал?

- Не скажу! - Билл подмигнул Дэвиду, словно озорной мальчишка. - Если тебя спросят, как все произошло, то не придется лгать... Ну что, идем?

- Пошли, - согласился Дэвид со вздохом.

Они снова забрались в кабину вездехода, и Джефферсон завел двигатель.

Когда они отъехали от корабля на несколько сотен метров, рация вездехода снова заработала.

- Соединение установлено! - произнес равнодушный голос компьютера. - Доклад о вашем местоположении отправлен в штаб-квартиру «Медеи». Простите за кратковременные перебои в системе связи.

«Значит, Джефферсон не соврал, - подумал Дэвид. - Несколько минут мы действительно были в слепой зоне. И начальство на базе уделалось от страха. Хорошо. Вероятно, Биллу можно верить, когда он говорит о побеге».

Дэвид не знал, в чем состоял план Билла, но решил положиться на судьбу. У сержанта вроде не было оснований любить «Медею».

Билл тем временем докладывал компьютеру об увиденном на «Арго», и почти весь их разговор состоял из технических терминов, которые были Дэвиду непонятны. Наконец Билл сказал, что сейчас они направляются на разведку, пытаются найти команду «Поллукса». Компьютер как будто поперхнулся, а потом сообщил, что им запрещается удаляться более чем на двадцать миль от места посадки «Кастора».

Билл ответил: «Так точно!», не двинув и бровью, но Дэвид понял, что «Медея» случайно выдала им важную информацию.

Теперь они двигались по холмистой равнине, словно по морю из нежно-зеленой травы. Дэвид с облегчением заметил, что Билл ведет машину осторожно и внимательно. И все-таки чем больше они удалялись от «Поллукса», тем сильнее становилась безотчетная тревога.

Они забирали к северу, и пейзаж менялся. Холмы уплощались, превращаясь в песчаные дюны. Степное разнотравье сменилось ковром цепких ползучих кустарников. В воздухе запахло солью. Еще несколько километров, и на горизонте сверкнуло море. Контраст между

ослепительной синевой и тусклой зеленью вновь разбудил в Дэвиде воспоминания. Картина, открывавшаяся перед ним, казалась смутно знакомой.

«Нет, это не воспоминание... - подумал он. - Это... как будто картинка в глянцевоm журнале...»

Внезапно он воскликнул:

- Стой!

Билл ударил по тормозам. Дэвид подскочил на месте, чуть на врезавшись головой в потолок.

- Что случилось? - тревожно спросил Билл.

- Здесь что-то не так, - ответил Дэвид. - Скажем, море. Оно слишком синее. Слишком яркий и насыщенный цвет, словно на картине. И откуда барашки, если нет ветра?

- Ты думаешь, это фата-моргана?

Дэвид покачал головой.

- Не знаю. Выглядит, как море, на котором мечтают провести отпуск. Словно кто-то сказал себе: «О'кей, эти ребята, наверное, скучают по зеленым лугам и синеве воды. Так дадим им то, о чем они грезят».

- Зачем? Кому это нужно? И откуда этот кто-то знает, о чем мечтают неведомые существа, прилетевшие извне на космическом корабле? - Билл пожал плечами. - Полная чушь.

Дэвид покраснел, смутившись.

- Возможно, этот кто-то очень осторожен и хочет, чтобы мы успокоились и потеряли бдительность, - произнес он.

- Что ж, это предположение нельзя игнорировать, - согласился Билл задумчиво. - Особенно после того, что мы видели и слышали. Но проблема в том, что у нас нет никаких доказательств, что этот «кто-то» существует. Ни радар, ни инфракрасный сканер, ни биосканер ничего не находят.

Они поехали дальше. Беспокойство Дэвида никуда не делось, но оставалось столь смутным и неопределенным, что он не рисковал заговорить об этом с Биллом.

Они направлялись по следам первой экспедиции, которые уходили на север, к берегу моря. Рация, встроенная в приборную доску вездехода, мерно попискивала, напоминая о том, что «Медея» не теряет их из виду. Оба разведчика молчали, думая каждый о своем.

Билл затормозил на песчаном пляже. Но колея вездехода «Поллукса» уходила дальше - в воду.

- Похоже, здесь нечасто идут дожди, - нарушил молчание Билл. - И нет сильных ветров. Следы гусениц сохранились превосходно.

Дэвид зябко передернул плечами. Он не знал, что ответить напарнику. Море казалось мирным, волны с монотонным плеском разбивались о берег, но от этого страх только возрастал.

- Вездеход может работать как амфибия? - наконец спросил Дэвид.

- Да, но не слишком долго. У насосов недостаточно мощности, чтобы выдержать длительное погружение.

- Так ребята мертвы?

- А чего ты ожидал? И если мы не хотим для себя той же участи, нам стоит кое-что предпринять.

- О чем ты? - Дэвида начали раздражать намеки экс-сержанта.

Но Билл сидел, положив на колени свою «пушку», и, казалось, прислушивался к чему-то.

«Проклятье! Он профессиональный солдат! Он заметил опасность, а я нет?»

Наконец Билл заговорил:

- Слушай меня внимательно. Когда я подам сигнал, ты выпрыгнешь из вездехода и побежишь в сторону моря так быстро, как только сможешь. Не обращая внимания на то, что случится: просто беги и будешь в безопасности... Оружие с тобой? Сумеешь им воспользоваться?

- Думаю, да, но...

- Ладно, тогда отстегни ремень.

Дэвид стиснул зубы. Предложение Билла ему совсем не нравилось, но он понимал, что возражать нет времени.

- Пошел!

Дэвид распахнул люк, спрыгнул на песок и бросился к берегу. На бегу он перехватил оружие поудобнее и активировал лазерный прицел. Каждую секунду он ожидал увидеть врага, однако противник не появлялся. Только морские волны терпеливо шлифовали песок. Внезапно раздался сухой щелчок.

Это выстрел? Билл стреляет? Но в кого?

И тут сзади грянул взрыв!

Дэвид упал, сжался в комок и замер.

Но больше ничего не происходило. «Что с Биллом? - подумал Дэвид в панике. - Он убит? Или сам уничтожил врага? Какого врага? Невидимку? Что вообще тут, черт дерит, происходит?»

- Эй, парень, вставай! Слышишь, все в порядке!

Знакомый голос пробился сквозь кокон ужаса и заставил Дэвида открыть глаза. Перед ним стоял Билл, целый и невредимый. Дэвид выдохнул и расслабил мышцы.

- Извини, приятель, - бывший сержант заговорщически улыбнулся. - Не мог тебя предупредить: нас подслушивали.

- Предупредить? О чем?

- А ты еще не догадался? Можешь попрощаться с «Кастором». Он уничтожен, и мы свободны.

- Свободны? - даже взрыв не удивил Дэвида настолько, насколько простая фраза. - Что значит «свободны»?

- Поднимайся! - Билл протянул ему руку. - Я тебе все покажу.

Дэвид встал на ноги и увидел поднимающийся над горизонтом черный

столб дыма. Внезапно он понял, что сделал Билл. На обоих шаттлах были ракеты с тактическими ядерными боеголовками. Именно такую нашел сержант, когда в первый раз осматривал вооружение на корабле. Сержант навел ракету на «Кастор» и произвел запуск, когда они отъехали на достаточное расстояние. Теперь все кончено: ядерное пламя превратило их корабль в маленький вулкан. И никакой связи с базой, никакого контроля.

«Мы надули Большого Брата!» - Дэвид поймал себя на том, что глупо улыбается. Конечно, ему было не по себе от мысли, что они одни на опасной планете, но все же восторг от того, что они освободились от навязчивой опеки «Медеи», был сильнее, чем соображения здравого смысла.

А потом его снова захлестнул страх - в сотни раз острее, чем был до этого. Столь же сильный, сколь и необъяснимый.

- Теперь нам нужно поскорее сваливать отсюда, - с трудом выговорил Дэвид, стараясь унять дрожь в голосе.

Но он уже знал, что бежать поздно: это началось, и теперь им не спастись.

На горизонте, на границе моря и неба появилось странное светящееся облако. Оно стремительно летело к ним, и Дэвид, хоть все его инстинкты кричали: «Беги!», не мог пошевелиться.словно его снова, как в криокамере, разбил паралич. Он зачарованно наблюдал за сверкающим пятном, которое все приближалось, яркое и неумолимое. Казалось, это плазменный шар: его поверхность непрерывно мерцала и двигалась, перетекала, по ней скользили блики.

Потом свет заполнил собой все. Дэвид больше не видел ни берега, ни моря, только тысячи и тысячи лучей, пронзавших его насквозь. Дэвид не испытывал боли, но неподвижность была мучительна. Он силился разорвать невидимые оковы, но не мог шевельнуть и пальцем. Он не сумел даже закрыть глаза и с нарастающим ужасом наблюдал, как из бездны света к нему приближается плазмоид - квинтэссенция блеска.

Потом свет померк, но осталась сверлящая боль в голове. Глаза слезились, а он не мог стереть слезы со щек. Боль взвилась, словно язык огня, и взорвалась в его сознании. В этом огне расплавились и растаяли все психологические барьеры, которые возводил Дэвид на протяжении всей своей жизни. Теперь он чувствовал себя обнаженным и беззащитным, словно устрица, извлеченная из раковины. И ощущал, как иной, более мощный разум изучает его: внимательно и беспристрастно. Анализирует его страхи, сожаления, надежды. И от этой внимательности не было спасения, от нее нельзя было заслониться или спрятаться.

Оружие! - неожиданно вспомнил Дэвид. И ощутил желание схватить пистолет, сжать в ладони рукоять. Он повел глазами вправо-влево и увидел блеск металла. Внезапно ноги освободились от пут, и Дэвид

бросился к пистолету. Растянулся на песке, приподнялся, выбросил тело вперед и ухватил-таки желанную игрушку. Он испытал такую радость и гордость за себя, словно выиграл олимпийское золото сразу во всех видах спорта. Чувства были так сильны, как никогда в реальной жизни.

Дэвид прикоснулся к оружию с трепетом, словно к возлюбленной после долгой разлуки, ощутил холод на пальце, а затем холод ствола, упирившегося ему в лоб. Он нажал на спуск, но ничего не произошло. Нажал второй раз и третий - и все еще был жив. Оказывается, он забыл снять оружие с предохранителя! Какая глупость!

В гневе Дэвид закусил губу, почувствовал соленый вкус крови во рту. И это привело его в чувство. Что происходит? Он только что пытался убить себя! Зачем?!

Отчаянным усилием воли он отбросил в сторону пистолет и крикнул: «Я не хочу умирать!».

И неожиданно ему ответил женский голос:

- Не бойся, Дэви!

Дэви? Так называл его лишь один человек на свете - и она давно мертва.

Дэвид замер. Было тихо, не слышно даже плеска волн. И само море, казалось, утратило блеск и сделалось неподвижным, словно выцветшее черно-белое фото.

Только вокруг Дэвида мир еще сохранял краски. Потом воздух заколебался, потек, и когда картинка стабилизировалась, Дэвид ахнул от удивления. Это не могло быть реальностью, и все же он наблюдал это собственными глазами. «Кафе Марлин» - когда-то его любимое кафе на берегу моря. Мраморные столики, полосатый тент, колеблющийся от легкого ветра. За столиком напротив Дэвида сидела юная женщина с распущенными темными волосами. На ней - белое летнее платье и солнцезащитные очки, скрывавшие глаза. Дэвид сразу ее узнал. Это младшая сестра Лиза. И на столике перед ней в запотевшей стеклянной вазочке ее традиционный заказ: два шарика ванильного мороженого со свежей клубникой. Такая же вазочка перед ним. Натюрморт дополняют две чашки черного кофе.

- Ты совсем не ешь, Дэви! - Лиза дружелюбно улыбнулась ему. - Попробуй, это вкусно!

Дэвид узнал голос, хоть он и звучал не так, как в воспоминаниях. Тембр стал ниже, теплее. Это голос не шестнадцатилетнего подростка, а тридцатилетней женщины, которой Лиза стала бы, будь она жива. Осторожно он поискал глазами пистолет. Лиза не дожила до своего семнадцатого дня рождения. Она погибла 12 мая вместе с родителями, друзьями, посетителями «Кафе Марлин», вместе с побережьем, морем и еще пятьюдесятью тысячами жителей колонии Оазис Харпера Грина. В тот день корабль хазеров разбомбил планету, на которой она жила.

Ядерный огонь выжег тысячи квадратных километров и уничтожил все живое. К счастью, это был не самый густонаселенный район планеты, а мощность бомбы оказалась недостаточной, чтобы отравить атмосферу, и значительная часть двухмиллионной колонии уцелела.

Дэвид тогда изучал кибернетику на Риджент-парке - планете, где располагалась штаб-квартира «Медеи». Едва оправившись от шока, он тут же подал заявление в ALLFOR, но оно было отклонено. Военные посчитали, что от него будет больше пользы, если продолжит обучение. Поэтому акция возмездия прошла без него. В июне восемьдесят кораблей совершили прыжок на базу Масада, а оттуда прямо в сектор, являвшийся территорией хазеров. Обрушившись всей огневой мощью на планету Салузус-4, они смели ее орбитальную оборону. Затем двенадцать термоядерных торпед заставили сдетонировать воду океанов, и один из миров хазеров перестал существовать.

Увидев кадры уничтожения планеты, Дэвид испытал такую мстительную радость, что ему потом было стыдно и страшно. Он не знал, что способен на такие чувства.

С учебой не заладилось, и Дэвид ушел из университета. Он нашел работу в торговой фирме, занимавшейся межсистемными перевозками. В многомесячных полетах он убивал время за компьютерными играми или изучал историю войны с хазерами. Она продолжалась уже без малого двадцать лет, но сведений о биологии хазеров почти не было. По крайней мере в свободном доступе. Согласно официальной версии, ни один живой хазер не попал еще в руки военных. Их корабли внезапно выпрыгивали из гиперпространства над планетами и так же внезапно исчезали. Иногда в пустынях на окраинных планетах контролируемого ими сектора находили постройки, напоминавшие сухопутные кораллы. Войска ALLFOR уничтожили не меньше дюжины таких колоний, но не смогли принудить противника заключить перемирие. Дэвид проводил дни и ночи, роясь в базах данных в тщетной попытке установить, почему погибла его семья.

Чего хотели хазеры? Почему они не могли оставить человечество в покое?

Потом он встретил Рашель, и бесплодные размышления отошли на второй план. Тени прошлого побледнели, рассеялись. Молодожены потратили свои сбережения на космическую яхту и занялись организацией круизов. Дела шли хорошо, и Дэвид был счастлив... до той роковой ночи в Кингстоне.

- Ты чувствуешь вину? - произнесла Лиза с улыбкой.

Дэвид поморщился: в тоне сестры звучала фальшь, как будто она играла не слишком твердо выученную роль.

- Ты не моя сестра, - сказал он сухо. - Моя сестра умерла.

- Хорошо, что ты понимаешь это. - Женщина в солнцезащитных очках

выглядела довольной. - Тогда мы сможем поговорить откровенно. Все, что ты видишь, - композиция, составленная на основе твоих воспоминаний. Но ты должен попробовать мороженое, его вкус вполне реален.

Дэвид не знал, что ответить, и последовал совету. Женщина оказалась права: мороженое было очень вкусным, а кроме того, у разведчика появилось время, чтобы собраться с мыслями. От клубники исходил легкий запах, он смешивался с ароматом кофе. Свежий морской ветер развеивал волосы женщины, солнце ласково грело кожу. Сейчас они возьмут свои школьные сумки и побегут домой.

- Ты уже дома, Дэви! - сказала Лиза, словно угадав его мысли. - Мы ждали тебя.

- Но это все неправда! - На глазах у Дэвида выступили слезы. - Ты в самом деле хочешь, чтобы я убил себя?

- Мы хотим, чтобы ты был счастлив, - Лиза произнесла слово «мы» с особой интонацией, как будто желая подчеркнуть, что говорит не только от своего лица. - А ты разве не хочешь перестать бояться и страдать?

Дэвид в ответ пожал плечами. Ужас сопровождал его всю жизнь: страх болезни, страх предательства, страх потери, страх боли, страх за себя и близких. Но больше всех опасностей мира он боялся смерти и небытия. Разве может быть иначе?

И снова женщина прочла его мысли. И это не метафора: у Дэвида не осталось никаких сомнений: она понимает не только то, что он говорит, но и то, о чем он молчит.

- Ты боишься иллюзии, - ответила она на незаданный вопрос. - Спроси меня о чем-то, чего я никогда тебе не говорила, но что ты всегда хотел узнать. Конечно, это не безупречный эксперимент, но ведь ты поймешь, если я солгу.

Дэвид вздохнул. Предложение оказалось таким неожиданным. После минутного замешательства он все же сумел выдать вопрос:

- Это ты спрятала мой билет на выпускной вечер?

Лиза рассмеялась.

- Ты хотел отправиться на бал с Элианой Пауэр. Эта наглая девица тебя откровенно домогалась и рано или поздно втравила бы в неприятности. Так что скажи мне спасибо, братишка.

Это Лиза! Понимание пришло, словно удар. Сестра всегда ревниво следила за знакомствами старшего брата и безжалостно отсеивала «неподходящих» девушек, не брезгуя при этом грязными трюками. Но понимание только запутывало. Он никогда не верил в жизнь после смерти, и сейчас...

- Ты подумал о Рашель, - произнесла Лиза.

Это было утверждение, а не вопрос.

- Да, - честно ответил Дэвид.

По контрасту с воспоминаниями о неудачных юношеских романах и проделках вредной младшей сестры мысль о Рашель была слишком болезненной. И Лиза снова поняла его без слов.

- Ты ее любишь... - произнесла она тихо.

Дэвид кивнул.

- Тогда иди, - в голосе Лизы звучала печаль. - Ты можешь спросить у своего приятеля Билла, что делать. Он знает все, что нужно.

- Он жив?

- Конечно. Зачем его убивать? Вы же не собирались захватить эту планету.

- А разве это возможно?

- Разумеется, нет. Но тех, кто приходит к нам с такими намерениями, мы «вознаграждаем» соответствующим образом. Ты знаешь.

- Я прошу прощения, Лиза. За человечество.

- Не стоит, братишка. Ты всегда был сентиментален. Ничего, когда-нибудь ты вернешься сюда, и мы еще наговоримся.

- Ты серьезно?

- Я СМЕРТЕЛЬНО серьезна, Дэви. - Противореча собственным словам, Лиза лукаво улыбнулась. - Однако если ты хочешь уйти, тебе пора.

- Мне жаль... - Дэвид замялся.

- Все в порядке, Дэви, - теперь в голосе Лизы звучала неподдельная нежность. Она сняла очки, и Дэвид увидел родные карие глаза. Но одновременно было в их выражении что-то такое, от чего у него мурашки побежали по спине. - Ты ни в чем не виноват. Наверное, так будет лучше. Твой друг уже узнал все, что хотел узнать. Ты должен ему доверять: он один из немногих, кто никогда не предаст. И все же жаль, что тебе нужно уходить, Дэви. Я так много желала тебе рассказать. И о многом хотела спросить...

Дэвид поднялся. Он чувствовал, что действительно пора. Было бы приятно задержаться и поболтать с Лизой, но каким-то образом он знал, что остаться здесь можно только навсегда, а к этому он пока не готов.

- Я должен многое сделать, прежде чем смогу вернуться... - произнес он с виноватой улыбкой.

И все вокруг снова утонуло в сиянии. Дэвид непроизвольно прикрыл глаза руками, но это не помогло. Казалось, источник света находится внутри его головы.

- Удачи, Дэви! - долетел к нему из невообразимой дали голос Лизы.

Потом исчезли все звуки, и Дэвид почувствовал, что падает в бездну, но не испугался. Видимо, произошло слишком многое, и он на какое-то время утратил способность бояться. Он падал, свет погас, он летел в темноте к какой-то неведомой цели и оставался при этом совершенно спокоен. Все в порядке, только он устал, смертельно устал, и уже

безразлично, где и чем закончится его падение.

Оно завершилось на том же песчаном пляже, откуда началось путешествие в страну мертвых. Кто-то толкнул его в плечо, и Дэвид открыл глаза. Над ним склонился Билл. Он весело подмигнул напарнику, но ничего не сказал. Дэвид осторожно пошевелил пальцами. Затем оперся руками о песок и сел.

Море и пляж остались прежними. Идеальные волны с гребешками белой пены все так же монотонно, с тихим плеском омывали берег. На морской поверхности играли солнечные лучи. Все так же уходили в море две колеи - следы вездехода, и так же возвышался в отдалении еще один вездеход. Странно, но Дэвид обрадовался ему: машина казалась единственным островком обычной человеческой жизни в странном мире. Мысль насмешила.

- Ого, ты улыбаешься, парень! - воскликнул Билл. - Значит, все в порядке?

- Пожалуй, да, - Дэвид встал.

Он чувствовал слабость в коленях, но голова уже не кружилась. Он поискал пистолет, но не нашел его. Билл, улыбаясь, протянул ему оружие.

- Ты тоже... - Дэвид не закончил фразу.

Все, что случилось с ним сегодня, казалось настолько невероятным, что он не знал, как об этом рассказать.

Но Билл спокойно кивнул:

- Да, приятель. И это было чертовски странно. Когда я увидел тебя здесь, то подумал, что ты решил остаться. К счастью, ошибся. Что ж, давай выбираться.

Дэвид кивнул. Иррациональное чувство опасности прошло, но осторожность никуда не делась. Кто знает, что скрывается под поверхностью этого замечательного синего моря всего в двух шагах от них?..

Разведчики забрались в вездеход. Билл завел двигатель, развернулся и покатиł назад, к «Поллуксу».

«Твой друг уже узнал все, что хотел узнать». Дэвид вспомнил слова Лизы. Лизы? Он сам не заметил, что давно уже начал называть ее так. Дэвид понимал, что юная женщина в солнцезащитных очках не могла быть его сестрой, но он также знал, что, окажись живая Лиза на ее месте, она вела бы себя точно так же.

- Компьютер! - позвал Билл.

Ответом ему был лишь треск атмосферных разрядов в динамиках.

- Никого нет дома, - сказал бывший сержант удовлетворенно. - Мы можем поговорить.

У Дэвида была сотня вопросов. Но он молчал. Внезапно он испугался того, что может узнать. Что делать, если ответы ему не понравятся?

Поэтому он обрадовался, когда Билл заговорил первым.

- Помнишь, ты мне рассказывал о том происшествии на Кингстоне?

Дэвид кивнул, чувствуя легкую тошноту. Ему не хотелось вспоминать о том дне. Но Билл не отставал.

- Как ты полагаешь, что произошло на самом деле? И кто за этим стоял?

Ну и вопрос! Дэвиду внезапно стало жарко. Сколько раз он сам спрашивал себя, кто и зачем это сделал.

- Твой рассказ мне напомнил об акциях спецслужб. Они называют исполнителей «охотниками», - пояснил бывший сержант. - Разумеется, на Острове Черепов я не мог об этом говорить.

- Мы никому не переходили дорогу, - пожал плечами Дэвид. - Поверь, я обдумывал все случившееся не раз и не два. «Голубая леди» была обычной прогулочной яхтой, а наш с Рашелью бизнес - обычным семейным делом. Абсолютно легальным. У меня есть только одно объяснение: нас с кем-то перепутали.

Билл покачал головой.

- Только не «охотники». Что-то наверняка случилось - или на Кингстоне, или незадолго до этого. Поэтому спецслужбы вами заинтересовались. Откуда вы прибыли на Кингстон?

- Мы были на Лопаке, а до этого на Нью-Гесперидах. Стандартный развлекательный тур.

Дэвид передернул плечами: при воспоминании об искристых ледниках Лопакки его до сих пор пробирал озноб. Но то был единственный мир, где туристы могли увидеть камчатских котиков.

- А между планетами? Вы совершали прыжки или двигались какое-то время в евклидовом пространстве?

Дэвид задумался.

Они спешили убраться с Лопакки, котикки были забавны, но холод всех достал, особенно после субтропического рая Нью-Гесперид. Бедняга Салингер, он уже тогда, вероятно, был нездоров, иначе не совершил бы такой глупой ошибки...

- Ну... - протянул Дэвид. - Вообще-то во время прыжка с орбиты Лопакки наш пилот ввел неверные координаты, и мы выскочили в стороне от намеченного курса.

- Что было дальше?

- Мы просканировали пространство и связались с ближайшим военным флотом. Они пришли нам на помощь.

- А когда это случилось? - спросил Билл. - И самое главное: где?

- За два дня до посадки на Кингстон, 20 мая 227 года. Координаты я сейчас уже не вспомню. Пустой сектор космоса. Только одна планета горняков... Она называлась в честь какой-то немецкой реки...

- Рейнхаузен? - быстро спросил Билл.

- Да, точно. Но откуда ты это знаешь?

- А тебе это разве ни о чем не говорит?

- Нет. Мы провели на ее орбите от силы пару часов. Пилоты ALLFOR были очень любезны: снабдили нас координатами Кингстона и открыли туннель Хокинга. Доставка VIP-классом, что и говорить.

- И там вас уже ждали «охотники»... - Билл нахмурился. - Вспомни, что случилось с вашим пилотом.

- Я знаю только, что ему потребовалась срочная операция. Что-то с легкими. Пришлось поместить его в клинику.

- И готов поспорить, он вскоре скончался.

Дэвид кивнул:

- Кажется, я слышал об этом. Уже во время суда.

- И пока длилась вся эта суматоха со срочной госпитализацией, вы даже не обратили внимания на сообщения о нападении хазеров на Рейнхаузен?

- Что? Когда? Неужели...

Дэвид ощутил комок льда в желудке.

- Согласно официальным данным, планета Рейнхаузен была атакована флотом хазеров 23 мая 227 года. В составе флота двенадцать кораблей. В тот раз хазеры впервые использовали новое плазменное оружие и уничтожили всех колонистов, город за городом, улица за улицей, дом за домом. После них на планете остались только оплавленные руины. Помощь пришла слишком поздно, и спасти было некого. А знаешь, почему так случилось, компаньон?

Дэвид покачал головой.

- Потому что ближайший флот ALLFOR находился на границе региона - у Форта Детрикс. Они получили сообщение с задержкой. Ты можешь это объяснить?

Дэвид только развел руками. То, что рассказывал Билл, противоречило всему, что он знал и помнил. Но можно ли доверять своей памяти?

- После этого случая разразился большой скандал. Руководители ALLFOR возмущались, что пацифисты постоянно урезают им финансирование и они не могут содержать достаточно кораблей, чтобы успеть на помощь людям, попавшим в беду. И они тогда получили свое: много денег, много кораблей, много привилегий. Хорошая сделка. Особенно если учесть, что никаких хазеров не было.

- Ты имеешь в виду: не было на Рейнхаузене?

- Я имею в виду, что никакие хазеры никогда не нападали ни на одну из земных колоний.

- Ты в своем уме?!

- Никаких хазеров не было.

Билл сказал это так просто и обыденно, как будто произнес: «небо - голубое» или «кофе - горький». И, возможно, именно поэтому Дэвид поверил. Позже он пытался вспомнить, что чувствовал в те секунды -

страх, обиду или гнев?

- Откуда ты это знаешь?

- Из первых рук, приятель. - Билл печально улыбнулся.

«Он говорит о жителях планеты. О тех, кого мы встретили на берегу моря. Лиза просила доверять ему, - подумал Дэвид. - Значит, он говорит правду!»

Дэвид чуть не задохнулся от бури темных чувств. Раньше он не подозревал о связи между ошибкой пилота и трагедией на Кингстоне. Теперь же это казалось очевидным, и его затопили боль и гнев. Он думал о Лизе и родителях, погребенных в братской могиле. Он думал о Рашели и ее хрустальном гробе, в котором она ждала чуда. Он думал о владельце «Кафе Марлин», который уже никогда не положит в вазочку шарик ванильного мороженого. О сотнях тысяч людей, которых принесли в жертву, чтобы ALLFOR получил дополнительное финансирование. Или миллионах? Кто сосчитает? И кто отомстит за них?

Кто-то должен все изменить...

- Скорее, солдат! - твердо сказал Дэвид. - У нас много работы.

Когда Дэвид Янсон Грин принял это решение, ему было сорок лет. В его распоряжении был стандартный пистолет десантников. Его единственный союзник - пятидесятилетний экс-сержант, совсем недавно взорвавший шаттл, на котором они прилетели на чужую планету. От ближайшего обитаемого мира их отделяли две тысячи световых лет, и у них оставался запас продовольствия на шесть дней. Но Дэвид принял решение бороться, и Билл стал первым, кто присоединился к нему. Первым, но не единственным.

То, что случилось позже, хорошо известно всем. Существует множество книг, фильмов, голографических симуляций, театральных постановок на всех языках Земли. Много лет люди пересказывали друг другу повесть о героях, о борьбе и приключениях, величайшую драму современности.

Сегодня любой ребенок хотя бы раз слышал, как Дэвид Кибернетик и Билл Солдат поднялись на «Поллуксе» на орбиту Эдема и вернулись на «Арго». Многие знают наизусть их дальнейший путь: Аретия, Фазис Крик, Гиппио-Коммуна дома Гиацинта.

Для большинства людей эта легенда стала частью жизни. Мы, дрожа от волнения, следили за тем, как Билл и Дэвид пробирались по катакомбам архивов ALLFOR на Ио. Мы вытирали слезы, когда Дэвид преклонял колени перед саркофагом своей возлюбленной на Острове Надежды. Мы знали, что видим всего лишь постановку, но наши сердца колотились, когда Билл совершал свой безумный полет под огнем орудий Форты Турнер, а Дэвид колдовал над клавиатурой в коммуникационном центре ALLFOR.

Здесь предание сливается с историей. Рассказ о том, как информация о «мистификации хазеров» стала общедоступной и какие последствия это вызвало, изложен в сотнях томов научных исследований. Но ни один из авторов не сообщил, например, о битве на Луне Хроноса так красочно и подробно, как об этом повествует легенда. Из уст в уста передаются предания о штурме крепостей ALLFOR с помощью оружия инопланетян, о восстании гарнизонов и разрушении твердынь. Военные историки ставят под сомнение число кораблей и солдат, принявших участие в битвах. Также им до конца не ясно, сам ли Вильям Джефферсон командовал последней атакой. По мнению авторов, координировать столь сложную операцию мог только совершенный кибернетический мозг.

Так или иначе, но последние бастионы ALLFOR пали, а вместе с ними пришел конец коррумпированному правительству Альянса. Два года спустя, 16 июня 243 года, капитулировали последние отряды «Медеи» в Манхеттен-Центре. Те немногие из руководства компании, кто пережил войну, предстали перед судом.

Здесь легенда и историческая наука снова расходятся, поскольку нет никаких достоверных данных, подтверждающих, что второе путешествие наших героев к Морю Мертвых все же состоялось. Известно только, что примерно тогда же с Острова Надежды исчез саркофаг Рашель Вандерберг. И нам хочется думать, что Дэвид и Билл еще раз побывали на песчаном пляже. И в глубине сердца мы верим, что именно обитатели Эдема дали совет, который помог земному хирургу Ясагари вернуть Рашель к жизни.

На этом легенда заканчивается. Следы героев теряются во Вселенной. Десятилетием позже в район туманности Ориона была направлена экспедиция. Ее результаты стали сенсацией. Звезду Аэкус не удалось найти. Она вместе с планетой Эдем таинственным образом исчезла из нашего мира. Нам остались только предания, и мы благодарны за это. Потому что потомкам тоже нужны мечты.

Перевела с немецкого Елена ПЕРВУШИНА

© Frank W.Haubold. Die Legende von Eden. 2005. Публикуется с разрешения автора.

БОРИС РУДЕНКО

ЗАЩИТА СВИДЕТЕЛЯ

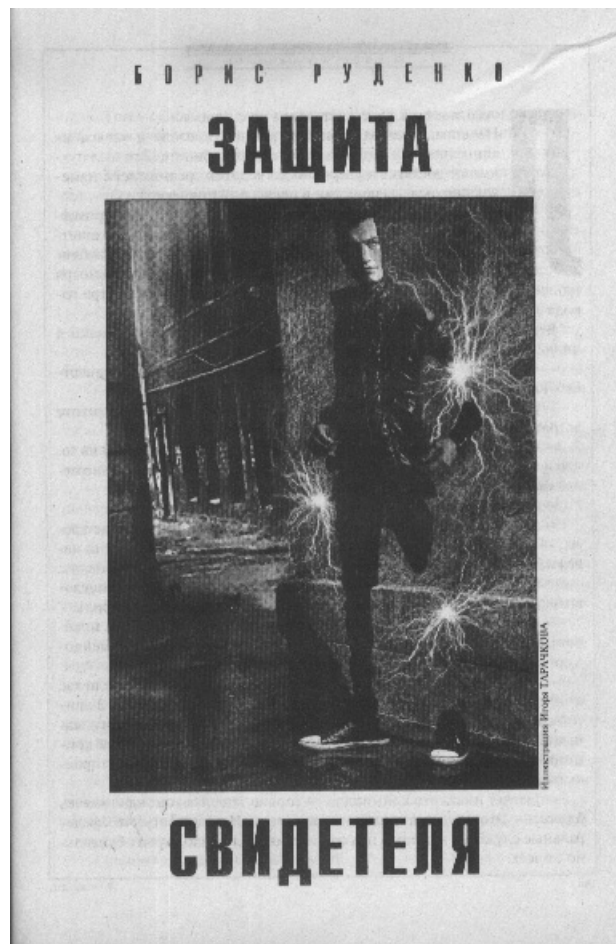

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Лурье, адвокат, - представился он с порога.

Не спрашивая разрешения, прошел к столу и уселся на единственный (кроме моего) стул в кабинете. Это был пухлый от достатка и уверенности человек средних лет с намечающимися залысинами в идеальной прическе.

Мое детективное агентство совсем скромное. Две крохотные комнатки: в передней - секретарша. Правда, находятся они на четырнадцатом этаже одного из «вставных зубов» Москвы - унылой многоэтажки Нового Арбата. Несмотря на очевидную убогость помещения, из-за расположения в центре города аренда обходится мне недешево.

Вероятно, адвокат Лурье ждал какой-то моей реакции, однако я лишь приветливо смотрел на него, катая в пальцах авторучку.

- Вы Белов? - спросил Лурье. - Владелец детективного агентства? Я с вами разговаривал?

- Вы мне звонили. Хотя не сообщили причину, по которой хотите встретиться.

- Сейчас все объясню, - Лурье двинул стул ближе, несмотря на то, что и так сидел едва не вплотную к столу, после чего выразительно оглянулся на дверь, за которой пребывала моя секретарша.

- Все в порядке, - успокоил я его. - Так в чем же вопрос?

- Я не намерен ходить вокруг да около и тратить свое и ваше время, - заявил адвокат. - Мне нужно спрятать клиента. Как можно надежнее, с абсолютной гарантией того, что никто не сумеет его отыскать.

- Простите, - я обозначил недоумение с легкой примесью недовольствия, - мне кажется, вы пришли не туда. Это не мой профиль.

- Ну, не нужно, не нужно! - взмахнул он рукой с большим и, вероятно, очень дорогим перстнем на среднем пальце. - Вас рекомендовали серьезные люди.

- Не знаю, каких людей вы имеете в виду, но, думаю, они ввели вас в заблуждение, - пожал я плечами. - Хотя не понимаю зачем. Защитой свидетеля - если ваш клиент свидетель - занимаются федеральные службы, а укрывать подозреваемых... это, извините, прямой криминал. Я мгновенно потеряю лицензию. А возможно, даже отправлюсь в тюрьму за соучастие.

- Тут нет никакого криминала! - горячо зашептал он, наклоняясь ближе. - Это свидетель, именно свидетель! И слава богу, что федеральные службы о нем пока ничего не знают. Его надо укрыть буквально от всех.

- Тогда обратитесь в охранное агентство. Я сейчас вам порекомендую... там работают прекрасные специалисты по силовой защите...

Я вытащил из ящика стола стопку визиток.

- Меня не интересует охранное агентство, - поджал губы Лурье. - Я пришел именно к вам. С деловым и очень выгодным предложением. Вы даже не представляете себе цены вопроса.

- Не утруждайтесь, - сказал я. - Цена меня не интересует. Потому что совершенно не интересует само предложение.

Он осмотрел меня с ног до головы, словно редкое насекомое.

- Ваш ответ окончательный?

- Абсолютно!

Лурье еще некоторое время взирал на меня, затем поднялся:

- Думаю, вы совершаете ошибку. Если передумаете, звоните в любое время суток.

Он положил на стол визитку и пошел к двери, но вдруг вернулся и снова уселся в гостевое кресло.

- Позвольте начистоту.

Я молча развел руками. Ни к чему не обязывающий жест: согласие или отрицание - по выбору того, к кому обращаешься.

- Только, умоляю, не перебивайте меня, не возражайте и не возмущайтесь! - воскликнул он. - Выслушайте меня до конца, а уж потом... если захотите...

- Я слушаю.

- О вас легенды ходят, господин Белов, - начал Лурье. - Например: вы каким-то образом сделались обладателем схем и карт секретных убежищ и тайных ходов, построенных чуть ни во времена Ивана Грозного.

Он сделал паузу и устремил на меня пронизывающий (как ему, вероятно, казалось) взгляд. Не дождавшись, однако, ответа, продолжил:

- Может, не во времена Грозного. Возможно, при Сталине, Хрущеве, Брежневом - в сущности, это все равно. Но та ловкость, с которой вам удавалось прятать своих подопечных и ускользать от наблюдения, говорит в пользу того, что какими-то секретами вы действительно обладаете. Так вот: мое предложение заключается в том, чтобы вы этими секретами поделились. Разумеется, небесплатно. Более того, я уполномочен предложить вам самому назвать сумму. В разумных пределах, конечно.

Я шумно вздохнул и махнул рукой:

- Уверю вас, эти легенды не имеют ни малейшего отношения к действительности. Никаких тайных схем попросту не существует. Тем более их не может быть у меня. Хотя, не скрою, я польщен. Неплохая реклама, не правда ли?

Лурье поставил локти на стол, сплел кисти.

- Ради бога, не сочтите это угрозой, - проговорил он совсем тихо, едва не шепотом. - Я точно такой же наемный работник, как и вы. Но если моим нанимателям приходит в голову что-то получить, они это получают. Пока что они настроены благожелательно по отношению к вам и готовы на честную сделку. Но их настроение может измениться...

Я вышел из-за стола к окну.

- Не знаю, как мне убедить вас и ваших работодателей, - произнося эти слова, я понимал, что убедить все равно никого не удастся. - Но никаких секретных карт или схем у меня нет. Это они легенда, а вовсе не я, верите вы или нет. Извините, господин Лурье, у меня масса дел...

- Понимаю.

Он поднялся, уставившись на меня, словно на стол с праздничной закуской.

- Все же предлагаю не отбрасывать это предложение. Жду вашего звонка в любое время.

Он повернулся и удалился, не попрощавшись.

Я дождался, пока стихнет звук шагов, потом полюбовался на визитку: очень красивая, пластиковая, с тиснением и золотыми вензелями. Поскреб золотинки ногтем - не отваливаются! С такой визиткой можно плавать под водой на глубине Марианской впадины и выходить в открытый космос. Зачем-то сунул ее в карман и вышел в первую комнатку.

- Полина Романовна, сегодня можете быть свободны, - объявил я

секретарше. - Завтра приходить на работу тоже не стоит. Да и вообще - до конца недели. Считайте это внеочередным оплачиваемым отпуском. Вы его заслужили. Я позвоню вам вечером. Но, пожалуйста, прежде чем отправиться домой, пообедайте где-нибудь в ближайшем кафе. И не слишком торопитесь.

Если секретарша выходит из офиса, когда наступил обеденный перерыв, это не может беспокоить. Я не думал, что за ней будут следить, но все же хотел максимально оградить ее от неприятностей. Полина Романовна, школьный учитель физики на пенсии, чрезвычайно грамотная и умная женщина, давно уже понимала меня с полуслова. Мне повезло, что я ее нашел. За пару минут она убрала бумаги со стола и оделась.

- Желаю вам успеха. Будьте осторожны, Павел Сергеевич! - сказала она уходя.

Я не собирался задерживаться в конторе. Об этом Лурье я был наслышан, потому что адвокат он особенный. Среди его клиентов не было ложно обвиненных и несправедливо осужденных. С моей точки зрения, клиенты Лурье достойны высшей меры еще задолго до того, как наша медлительная и равнодушная Фемида обратит на них взор. Лурье обслуживал гангстеров. Самую их верхушку, до которой и Фемиде уже не дотянуться. Может быть, кому-то из его клиентов действительно понадобилась моя помощь. Если бы Лурье явился на неделю раньше, не исключено, что к его предложению я бы прислушался. Но только не сейчас, когда я должен соблюдать максимальную осторожность.

Это нелепое снаружи и особенно внутри здание я выбрал для своей маленькой конторы и по той причине, что тут постоянно толклась огромная масса всякого народа, в которой легко затеряться, к тому же оно имело много выходов. Помимо парадного крыльца, покинуть его можно было через магазины, по двум служебным лестницам на тихие улочки позади здания, а также через окно по пожарной лестнице на крышу пристройки и далее. Ключами от всех замков и дверей, которые пришлось бы отпирать, я обзавелся с самого начала.

Сейчас я вышел через магазин, торгующий косметикой, и не торопясь направился по проспекту в сторону метро, прислушиваясь к своим ощущениям. Затылок неприятно холодило. В большинстве случаев это означало, что его буравит чей-то пристальный и недружелюбный взгляд. Я не оборачивался: в потоке пешеходов, заполнявших тротуар от бровки до магазинных витрин, следившим за мной затеряться очень просто, а если я покажу им свою тревогу, их осторожность только удвоится. Проверить, а заодно и сбросить «хвост» - в том, что это действительно «хвост», у меня сомнений не было - я решил в метро. Там это сделать намного проще, чем на улице.

Я не собирался выскакивать в последний момент из вагона,

преодолевая сопротивление закрывающихся дверей, - этот способ, многократно описанный в детективных романах, хорош, если за тобой следит только один шпик, да к тому же не слишком опытный. От бывалых агентов, работающих группой, так не уйти: кто-то всегда остается на платформе до последнего момента, да и те, что в вагоне, не спят.

Мой прием много проще, неожиданнее, а потому эффективнее. Правда, требует хорошей физической подготовки. Она у меня есть, а у филеров, как правило, нет: они проводят долгие часы в томительном ожидании у квартиры или офиса объекта слежки, чаще всего искуривают от скуки сигареты пачками, словом, о выносливости речи нет.

Спустившись на станцию, я некоторое время ходил по залу, имитируя ожидание встречи, а когда очередной подошедший поезд выплеснул из дверей людской поток, помчался к эскалатору. Успев ступить на движущуюся лестницу до того, как перед ней образовалась людская пробка, я рванулся, перепрыгивая через ступеньку, а то и две. Наверху, оглянувшись на мгновение, увидел, что от «хвоста» я практически избавился: по эскалатору вслед за мной с топотом бежали двое, но теперь меня им не догнать. Они и так уже изрядно запыхались, а когда выберутся наверх, сил совсем не останется. Мышцы ног сведет судорогой от непривычного напряжения, легкие в поисках кислорода затрепещут, словно крылья бабочки: какая уж тут погоня!

Мне повезло. У остановки, как по заказу, ждал троллейбус. Я поднялся в салон и прошел к заднему стеклу, откуда с большим удовольствием наблюдал, как выскочившие из дверей метро агенты, измученные, хватаящие раскрытыми ртами воздух, как собаки на солнцепеке, растерянно вертят головами из стороны в сторону, пытаясь углядеть потерянный объект слежки. А троллейбус тем временем тронулся, увозя меня от неудачников. Я отошел от окна и присел на свободное место.

Произошедшее следовало обдумать.

Если меня поджидали не только у главного входа, значит, решили взяться всерьез. Следовательно, нельзя ни домой, ни в офис - там будут встречать в первую очередь. На такой случай у меня имелась конспиративная квартира, которую я снял не на свое имя. Конечно, я мог укрыться в кластере, и там меня никто никогда не найдет даже совместными усилиями ФСБ, ЦРУ и Моссада, но из кластера невозможно следить за текущими событиями, а отрываться от реальности я никак не мог.

Вопрос второй: неплохо бы выяснить, кто именно за меня взялся?

Теоретически, этим мог заняться кто угодно: от полиции и спецслужб до работодателей адвоката Лурье. Поразмыслив, я пришел к неутешительному выводу, что в данной ситуации навалиться на меня

могли все вышеперечисленные как по отдельности, так и одновременно. Хотя визит Лурье выдвигал на первое место все же высокоуважаемых и многобогатых бандитов.

Вообще, бандиты лучше: у них много денег и людей, но технические ресурсы в сравнении с арсеналом спецслужб до сих пор гораздо скромнее, что бы они там о себе ни думали. И все же на всякий случай, прежде чем покинуть троллейбус, я постарался в меру возможностей изменить внешность: натянул вязаную шапочку, нацепил дурацкие стариковские очки с затемнением и вывернул наизнанку куртку, спрятав внутрь воротник. Куртка двусторонняя: с одной стороны серая, с другой - темно-синяя, «два в одном флаконе». Не бог весть какие хитрости, но если мой маршрут попытаются установить, проверяя записи видеокамер, которыми ныне утыкан весь город, они сработают.

Главное, я точно знал причину возникшего ко мне интереса. И это знание меня вовсе не радовало.

Пока троллейбус полз сквозь городские пробки до моей остановки, пошел дождь, холодный, тягучий и унылый, каким он бывает в пору поздней осени, но я ему обрадовался, потому что раскрытый зонт прятал не только от слез небесных, но и от тех же видеокамер. Да и пелена дождя изрядно искажала любую экранную картинку. Впрочем, не стоит становиться параноиком: единая сеть наблюдения в столице зияет прорехами, а до видеокамер, принадлежащих владельцам офисов, магазинов и ресторанов, надо еще добраться.

Я вошел в подъезд, поднялся на свой этаж и неслышно для соседей по площадке проник в квартиру, после чего с облегчением перевел дух. Это убежище было надежным. Здесь мне предстоит провести несколько дней до начала процесса.

К такому варианту развития событий я готовился заранее. Проваливаются чаще всего из-за сущих мелочей. Например, во время похода за хлебом в ближайшую булочную. Поэтому выходить из квартиры до начала процесса я не собирался. Два громадных холодильника на кухне забиты разнообразной едой. В тумбочке под домашним киноэкраном покоились стопки дисков с кинофильмами, на полках шкафа - новые книги.

Пожалуй, на первый ужин приготовлю рыбу в маринаде, картофельное пюре и салат из овощей. Я вытащил продукты из холодильника, выложил на кулинарный столик остро отточенные ножи и прочие необходимые инструменты, закатал рукава рубашки и надел фартук. Предстоящее занятие мне очень нравилось. Я любил готовить, особенно для себя. К тому моменту, когда я закончил шинковать морковь, лук, а заодно почистил картошку, рыбное филе разморозилось. Теперь его следовало уложить в разогретую и смазанную подсолнечным маслом сковороду, укрыть овощной шубой, добавить специи, немного уксуса и тушить на медленном огне,

одновременно начиная варить картошку для будущего пюре.

Тут-то я и услышал тихое треньканье в комнате и, едва понял его происхождение, исполнился грустью.

В кармане брошенного на кресло пиджака звонил мобильник. Мой служебный телефон, номер которого был указан на визитках и сайте агентства. Боже мой, как же я беспечен! Я бросился в комнату, вытащил проклятый прибор и безжалостно растоптал его, даже не поинтересовавшись, кто же звонил. Это не имело значения. Мои преследователи, несомненно, определяют расположение аппарата в пространстве с точностью до дома. А уж отыскать квартиру, которую снимает мужчина тридцати с небольшим лет такой-то внешности, труда не составит.

Обломки мобильного, а также промежуточные результаты моих кулинарных трудов я собрал и сложил в полиэтиленовый пакет, приготовив к погребению в помойке. Ужинать в уютной домашней обстановке сегодня не придется. Из квартиры нужно немедленно уходить. Я выскочил на лестничную площадку и увидел в окно въезжающие во двор машины. Нет, за мной следили не гангстеры. Или не только они. Подобная оперативность под силу лишь государственным структурам.

Вниз путь заказан. Я помчался вверх, открыл дверь чердачного помещения, вылез через узкое окно на крышу и, разбрызгивая лужи, собравшиеся в неровностях битумного покрытия, побежал к пожарной лестнице. Перекладыны были холодными, скользкими, они норовили вырваться из пальцев и выскользнуть из-под ног. Но спуск закончился удачно. Я спрыгнул на землю и продрался сквозь намокший кустарник в соседний двор. Оттуда через арку выбежал на улицу и поднял руку в ожидании такси или частного...

* * *

Все началось два месяца назад и вовсе не в офисе. Игорь Широков - единственный, кроме Полины Романовны, штатный сотрудник агентства - привез ко мне домой бесконечно напуганного мужчину. Юрисконсульт довольно крупной компании «Нова-Семтекс» Петровский нечаянно оказался главным свидетелем скандального дела, в котором были замешаны уважаемые (по должности) лица из числа приближенных к премьер-министру, видные финансисты, а также откровенные уголовники, укравшие и разделившие между собой громадный ломоть государственного бюджета. Речь шла о массовом приобретении для провинциальных больниц и поликлиник суперсовременного зарубежного медицинского оборудования, которого в глаза никто не видел, поскольку все аппараты представляли собой

экспериментальные образцы. История самая обычная, она никогда бы не всплыла, но по оплошности или недомыслию кого-то из участников аферы выплеснулась в интернет.

Народ привык терпеть и терпел многое, но тут возмутился. Обманутые врачи и пациенты начали писать в Сеть коллективные письма, а кое-какие из оппозиционных газет опубликовали официальное расследование, что поначалу никого из участников грабежа не напугало. Следствие вяло тянулось несколько месяцев и должно было закончиться полным забвением, если бы несчастный, глупый Петровский не передал популярному сайту документы, доказывающие, как и кем были украдены государственные деньги.

Впрочем, Петровский не был глупцом. Последний из назначенных по делу следователей метил его в главные виновники происшедшего, поскольку, являясь представителем компании-поставщика, он знал все. И про откаты, и про распил, и кому за что отвалилось при миллиардном дележе. Он молчал бы, поскольку получал за молчание (сущие гроши по сравнению с основными персонажами), но это неизбежно делало его соучастником аферы. И когда он понял, что тучи сгущаются именно над ним, то постарался прикрыться. Фактически Петровский в одиночку проделал работу целой следственной бригады. Он мог назвать не только конечные счета, на которые поступили украденные деньги после многочисленных переводов из банка в банк, но и всю «отмывочную» цепочку, а также, что главное, имена истинных владельцев.

Для владельцев это уже не скандал. Это катастрофа международного масштаба. Угроза получить вечное клеймо ВОР, выжженное на лбу мировым сообществом, маячила перед каждым вполне реально. Да и здесь, в родной, освоенной вотчине, под ними опасно зашатались стулья и табуретки.

Петровский сделал это вынужденно. Он защищался как мог, однако теперь за его жизнь никто не дал бы и ломаного гроша. Его исчезновения желали все: участники небывалой кражи, купленные ими полицейские, прокуроры и судьи. Он прекрасно это понимал. И хотя помогать Петровскому бросились знаменитые адвокаты и правозащитники, дожить до начала процесса, громогласно и публично обещанного генеральным прокурором, он шансов не имел.

Защита свидетеля - так называется эта работа. Занимаются ею специально назначенные чиновники. В одних странах их именуют маршалами или шерифами, в других - оперуполномоченными. Не важно, суть работы одна: не дать убить того, кому государство, власть гарантировали жизнь, хотя бы некоторое время. Сегодня у нас никто, никому и ничего гарантировать не может, поскольку цена жизни свидетеля - человеческой жизни - зачастую оказывается много меньше той суммы, что готовы заплатить те, кому свидетель не нужен.

Меня никто не назначил и не уполномочил. Я занимался этим исключительно из любви к искусству. Нет, неправда, тут я лукавлю. В значительной степени из-за денег, конечно. Но еще - и это уже совершеннейшая правда - из не угасшего до конца чувства справедливости. Мне, бывшему сотруднику МВД, сумевшему сохранить руки относительно чистыми до того, как система вышвырнула меня из своих рядов, до сих пор было обидно за закон и тех, кто надеется на его защиту.

Тем более что скрываться приходится не только свидетелям. Время нынче такое, что о личной безопасности многим остается только мечтать. Тогда на помощь прихожу я.

В общем, я спрятал Петровского. Вместе с семьей, как делал подобное уже много раз. Конечно, ему лучше было бы исчезнуть из страны, но он опоздал. Помочь ему покинуть Россию я не мог - не мой профиль. Я умел только прятать. Зато абсолютно надежно.

Я старался не афишировать эту сторону своего бизнеса и подбирал клиентов очень осторожно, а посредником первоначально был мой секретный сотрудник Игорь Широков. С другой стороны, без минимальной рекламы в моем бизнесе не обойтись. Поэтому я разрешал своим клиентам делиться с близкими людьми некоторой информацией. Они никогда не обманывали моего доверия, потому что прекрасно понимали: в ином случае на мою помощь в следующей критической ситуации можно не рассчитывать.

Ради сохранения своих профессиональных секретов я старался не ввязываться в громкие дела. Я прятал бизнесменов, приговоренных к смерти бандитами за неуступчивость в делах; жен и детей обезумевших от денег и безнаказанности садистов-мужей или любовников; безвинно обвиненных в несовершенных преступлениях следователями, которые стремились скрыть истинных преступников или свою беспомощность. Хотя и отдавал себе отчет, что рано или поздно мои успехи привлекут внимание тех, кому они мешали. По-видимому, дело Петровского стало тем самым порогом, на котором заканчивалось мое относительно спокойное существование.

За Петровским тогда пока еще следили вполглаза. Причем не правоохранители, а боевики под крышей охранных агентств, нанятые главными ворами. Куда он мог деться со страдающей системной красной волчанкой женой, малолетним сыном и подпиской о невыезде? Его можно задержать, арестовать или убить в любой момент, и этот момент неизбежно приближался, что Петровский прекрасно понимал. Но враги его не сумели понять, что он прекрасно представляет ситуацию, поэтому его побег вместе с семьей из-под вялого наблюдения мы с Широковым организовали без особого труда.

* * *

- Где мы?! - Петровский испуганно озирался. Его жена молчала, прижимая к себе сына - мальчика четырех лет. Кстати, он-то совершенно не боялся. Возбужденно вертел взъерошенной головкой, осматриваясь, и пытался вырваться. Ему было интересно.

- Здесь вас никто не найдет, - сказал я. - Мы договорились, что я буду отвечать только на те вопросы, какие сочту важными.

Голос мой, как и вообще все звуки в кластере, звучал глухо. Я никогда не понимал законов здешней акустики, и меня до сих пор это раздражало. Впрочем, меня вообще раздражало то, чего я не понимал. Например, как и почему существует это место... и, собственно, зачем.

Туман, который был вовсе не туманом, смазывал очертания ящиков и мешков с продуктами, матрасы, спальники и всякое барахло, которое я натаскал сюда, готовя кластер для пребывания своих клиентов.

- Еды и питья у вас здесь на полгода, - сообщил я. - Хотя так долго, конечно, вам тут находиться не придется. Будет скучновато, но утешайтесь тем, что нехорошие люди вас не отыщут.

Мальчишка вдруг ловко вывернулся из-под руки матери и со всех ног помчался в туман.

- Саша! - крикнула мать, а Петровский дернулся было вдогонку, но мальчишка достиг границы.

Медленно попятился и вновь рванулся вперед изо всех сил. Невидимая стена кластера приняла его и мягко толкнула обратно. Мальчишка шлепнулся и обернулся на нас, изумленно тараща глаза. Ему не больно: нижняя граница кластера, служившая нам полом, пружинила точно так же, как и стены.

- Ничего опасного здесь нет, - быстро проговорил я, опережая неизбежные эмоции клиентов. - Это новые технологии. Как тут все устроено, мне самому не вполне известно... однако вас это не должно беспокоить. Как вы видите, полезное пространство ограничено, но его будет достаточно. Уясните главное: здесь вы в полной, абсолютной безопасности. Я буду регулярно навещать вас и информировать, что происходит.

Пространства для троих действительно хватало. Примерная площадь - около сотни метров. Правда, «удобства» пришлось устраивать самостоятельно: за ширмочкой я поставил два биотуалета и нечто вроде рукомыльника. Увы, эту неделю моим клиентам придется обходиться без душа.

- А если вы вдруг не придете? - негромко спросила Петровская.

- Тогда здесь появится один из моих помощников, - ответил я. - Только не пытайтесь выбраться самостоятельно. Вообще ничего не нужно делать, поскольку за все, что с вами происходит, теперь отвечаю я.

- Мне бы вашу уверенность, - вздохнул Петровский.

- Вы доверились мне, и я за все несу ответственность. Но - пора. Привыкайте к месту, обживайтесь, как говорится. Я буду к вам заглядывать.

Подняв руку в прощальном жесте, я повернулся и шагнул на тропу, ведущую к Двери. Дорога всего лишь на четыре шага. На третьем меня полностью укрыл туман, на пятом стена кластера расступилась, и я вновь оказался там, откуда мы входили в кластер - в дворовом закутке, воняющем мочой и отбросами.

Широков ждал меня на улице. Его я не посвящал в детали своих операций. Он тоже считал, что я прячу клиентов в известных мне одному старых городских тайниках, карта которых досталась мне по наследству от прадедушки-жандарма, сотрудника знаменитого Третьего отделения. Примерно так я намекнул, а он не пытался узнать больше. В конце концов, он получал совсем неплохую зарплату.

- Все в порядке? - поинтересовался Широков.

- Конечно, - сказал я. - Мальчишка, кстати, мне понравился.

Он подбросил меня на машине до метро.

Вообще-то я солгал Петровским. Никто, кроме меня, не поможет им покинуть кластер. Через Дверь смогу провести их только я. Именно поэтому они действительно в полной безопасности. Но если я по какой-то причине исчезну, они погибнут, когда закончатся продукты. Это был своего рода производственный риск, о котором я клиентам никогда не сообщал ради их же спокойствия. Через десять дней я провожу Петровского в суд, где его встретят адвокаты, правозащитники и множество сочувствующих. В этой толпе добровольных телохранителей ему ничего не грозит. Но сейчас за него отвечаю только я.

Продуктов достаточно. А вот воздух в кластере не закончится никогда. Неизвестно, откуда он берется и почему остается чистым и свежим, словно вышедшим из кондиционера, но это факт.

Этим кластеры отличаются от пузырей.

* * *

Водитель подобравшего меня потрепанного «форда» был неразговорчив. Лет сорок с небольшим, аккуратно одет и чисто выбрит. На профессионального «бомбилу» не походил - видно, просто решил немного подзаработать по пути домой. Он сосредоточенно рулил, аккуратно выдерживая скоростной режим и благоразумно притормаживая перед перекрестками. Ехать нам предстояло довольно далеко: Широков жил на противоположном конце города.

Примерно через пятнадцать минут водитель негромко обронил:

- За нами следят. Если, конечно, вам это интересно.

- Почему вы так решили? - поинтересовался я.

- Потому что у меня глаза на месте, - хмыкнул он. - Серая «хонда» прицепилась сразу, когда вы сели, и не отстаёт. Поглядите в зеркальце. Сейчас она через одну машину от нас.

После нескольких очередных поворотов «хонда» все так же шла за нами как привязанная.

- Пожалуй, будет лучше выйти у ближайшего метро, - со вздохом сказал я. - Не хочу создавать вам трудности.

- Это правильно, - буркнул водитель. - Но надеюсь, заплатите с избытком. Думаю, что я честно заработал свои деньги.

Он был прав, и я немедленно передал ему сумму, за что был вознагражден ювелирнейшей парковкой чуть не у самых дверей станции. Это дало минимум десять секунд форы перед преследователями, которые я использовал в полной мере. А дальше был стремительный бег по эскалатору вниз, потом по лестницам перехода на другую ветку и снова бег, теперь уже вверх, затем нырки во дворы, арки, проходы и отдых в темноте подъезда, каким-то чудом не запертого на кодовый замок.

В общем, от преследователей я опять оторвался. Но, кажется, ненадолго. Уж слишком плотно за меня взялись. Пожалуй, придется и самому укрыться ненадежнее. Деятельность агентства на это время придется, конечно же, свернуть. Неотложных дел и невыполненных обязательств перед другими клиентами не было, так что от этого никому плохо не станет. Через Широкова я намеревался держать связь с большим миром, а для этого придется все же навестить своего сотрудника. Поймав очередного частного, я добрался до дома Широкова без приключений.

- Это ты? - на секунду показалось, что, увидев меня, он растерялся. На вешалке висело веселенькое женское пальтишко, из-за полуоткрытой двери комнаты лилась приглушенная музыка. - Что-нибудь случилось?

- Я на минуту. Позвони Полине Романовне не из дома и скажи, что распоряжение об отпуске остается в силе. До начала процесса ложимся на дно. Боюсь, мне тоже придется спрятаться. За мной следили.

- Помощь нужна? - спросил Игорь.

- Пока нет. Я контролирую ситуацию. Думаю, раньше понедельника ты мне не понадобишься. О Петровских позабочусь сам, других заказов у нас, к счастью, нет. Так что отдыхай.

- Мне поехать с тобой? - предложил Широков.

- Не нужно. Когда понадобится помощь, я с тобой свяжусь.

- Может, Петровского буду вести я? Если тебя взяли в оборот, это правильно.

Тут я бы с ним согласился. Но в деле Петровского Игорь меня

заменить не мог.

- Справлюсь, - сказал я, после чего удалился.

Наблюдения за домом не было, и это меня порадовало: все же часть моих секретов оказалась не по зубам ни спецслужбам, ни хозяевам адвоката Лурье. Однако отчего же он растерялся?

Начинался вечер, народ спешил с работы к домашним очагам, и мысль об этом вызвала зависть. Дом у меня имелся, и не один, а вот очагом я не обзавелся. Неудачные попытки были, но они, разумеется, не в счет. Поскольку дневная беготня меня действительно утомила, я тоже желал отдыха в тепле и уюте. Хотя бы таком относительном, как нынешнее убежище Петровских. Эту ночь я намеревался провести именно там. По пути я зашел в бывший универсам, который ныне именовался супермаркетом, и купил бутылку хорошего коньяка. Думаю, после первых суток добровольного заключения Петровскому тоже надо немножко расслабиться.

Когда я добрался до места, совсем стемнело. На помойке возле переполненных баков валялись пакеты неуместившегося мусора. Воняло сильнее, чем днем ранее. Местные бомжи определенно назначили помойку бесплатным общественным сортиром. Брезгливо растолкав ногами мусор, я протиснулся между контейнеров и прошел через Дверь.

* * *

Свою первую Дверь я открыл в тринадцать лет. Просто сероватое пятно неправильной формы на бревенчатой стене старого склада, заметное лишь боковым зрением и бесследно исчезающее в прямых солнечных лучах. Пустырь за складом - постоянное место наших игр. Это странное пятно я замечал много раз и тут же забывал о нем, полагая то ли налетом пыли, то ли игрой света на древесине. В тот вечер я бежал, преследуемый компанией своего злейшего врага Манала - переростка-второгодника с соседней улицы, страстно ненавидевшего меня за все, чего он был лишен: непьющих родителей, приятни учителей, новенького спортивного велосипеда «Спутник» и некоторой благосклонности Тани Гавриловой, считавшейся в то время первой красавицей поселка (в моей возрастной категории, разумеется). На самом деле, как я с грустью и обидой понял чуть позже, на меня и подобных мне сопляков ей было совершенно наплевать, ее интересовали парни намного взрослее и самостоятельнее. Адресованные мне знаки внимания имели единственной целью возбудить ревность и чувство соперничества во всех прочих юных особях, подрастающих в соседних дворах и улицах. Таня Гаврилова любила, когда из-за нее глупые мальчишки яростно лупили друг друга.

Я был слабее Манала и, полагаю, неизбежно проиграл бы ему в драке, но схватиться с ним не боялся. Возможно, именно потому Манал, жестокий и туповатый, но хитрый и осторожный, ощущая это отсутствие страха, избегал схватки один на один. И сейчас меня ждала не честная драка, а позорное и унижительное избиение.

Они погнались за мной на улице Коммунаров и, отрезав все пути, выгнали к старому складу. Двое сейчас обходили склад с одной стороны, трое - с другой, а бежать было некуда: за бурьяном - крутой обрыв и берег реки. Оставалось лишь ждать появления врагов. Понимая, что добыча никуда не денется, они не торопились. Отвратительное ощущение безысходности владело мной. В отчаянии я стукнул кулаком по серому пятну, едва заметному в ярких лучах полуденного солнца.

И не ощутил сопротивления! Кулак провалился сквозь толстые бревна, будто их и не было. Я ошеломленно отдернул руку, на миг забыв о врагах. Нет, стена находилась на месте, она по-прежнему выглядела несокрушимой, но когда я еще раз осторожно коснулся припорошенных серым налетом бревен, то опять почувствовал, как ладонь проваливается в ничто. Враги были совсем рядом, я уже слышал их довольные крики и тогда, повинувшись инстинкту, зажмурился и прыгнул.

Я упал на что-то упругое и некоторое время не раскрывал глаз, пытаюсь собрать рассыпавшиеся ощущения воедино. Первым, что я осознал и почувствовал, была тишина. Шум пульсирующей крови в ушах и собственное хриплое дыхание поначалу не позволили осознать, что эта тишина была абсолютной. Но через минуту понимание пришло. Я осторожно открыл глаза и огляделся. Меня окружал полусвет, подобный тому, который после окончания ночи предшествует утру. Поначалу я решил, что попал в одно из складских помещений, но наполненное каким-то полупрозрачным туманом. Он не имел привычных признаков - не струился и не колыхался от моих движений и совершенно не пах влагой. Нет, то был не туман, а воздух, принявший его обличье.

Я встал. Окружающее меня марево не позволяло оценить размеров помещения. В нескольких метрах в любую сторону взгляд растворялся в однородном молочном месиве. Я шагнул, сделал еще шаг и еще, потом пошел увереннее, на всякий случай вытянув перед собой руку. Примерно через двадцать шагов пальцы ощутили сопротивление. Это было похоже на то, как если бы я погружал руку в слой мягчайшей резины. Странная, неосязаемая преграда, которую невозможно ухватить, сопротивлялась моему движению, замедляла его и в какой-то момент остановила. Стиснув пальцы в кулак, я нажал изо всех сил, но рука уперлась в несуществующий предел, не продвинувшись дальше ни на миллиметр. Тогда я двинулся по периметру, обследуя эту

границу, одинаково ровную, упругую и непреодолимую. Занятие на какое-то время увлекло меня, пока не пришла мысль, показавшаяся вначале неприятной, а спустя секунду страшной.

А как я отыщу выход?

Я бросился назад и остановился, потому что внезапно страх ушел без следа, сменившись необъяснимой уверенностью: если есть вход, то найдется и выход. Так оно и случилось.

Когда я вышел, на пустыре моих преследователей, конечно же, не было. Стояла ночь. Тихая, теплая и лунная: добираясь до освещенных фонарями улиц, я ни разу не споткнулся.

* * *

Мое внезапное и необъявленное появление в кластере испугало Петровских. К сожалению, предупредить их загодя я никак не мог. Звонков на Дверях не существовало. Не испугался только мальчуган: он безмятежно дрых, раскинувшись на мягком матрасе.

- Что-то случилось? - спросил Петровский, справившись с коротким шоком.

- Все в порядке. Пока все по плану, - уверенно заговорил я, заземляя взлетевшее до небес нервное напряжение моих клиентов. - Вас ищут, но не найдут, подготовка к процессу идет полным ходом, адвокаты гарцуют, правозащитники готовят неотразимое оружие...

- Прекратите! - крикнул Петровский. - Мы не дети.

- Хорошо, не буду, - я поднял руки. - Нет, все действительно в порядке. Надеюсь, у вас тоже?

- Что это за место? - спросила Петровская. Кажется, ее звали Галина.

- Где мы? Почему не можем отсюда выйти? Я даже не понимаю, где здесь дверь!

Конечно же, она, как и прочие, сделала попытку покинуть кластер. Я нахмурился. Клиенты всегда задавали такие вопросы. Однако лишнее знание им ни к чему, а мне могло только повредить.

- Вы находитесь в убежище, которое никто никогда не отыщет, - с ледяной холодностью заговорил я. - Напомню, что в нашем контракте имеется пункт, запрещающий выяснять расположение укрытия. И если вы чем-то недовольны, я готов расторгнуть контракт в любую минуту. Даже верну плату, за исключением той суммы, что истрачена на подготовку вашего пребывания здесь.

Тут я повел рукой, показывая на спальные места, ящики с продуктами и водой, ширмочки, за которыми располагались биотуалеты, видеотехнику и прочее барахло.

- А не можете выйти, потому что дверь всегда заперта. Именно для того, чтобы уберечь вас от необдуманных шагов. Об этом я тоже

предупреждал. Дверь найти действительно трудно, в технические секреты посвящать вас я не собираюсь. Но если хотите уйти - это можно сделать прямо сейчас. Я готов вас вывести.

Она раскрыла рот, собираясь еще что-то сказать, и Петровский сжал ее предплечье.

- Прекрати, Галина!

Но остановить не сумел.

- Почему я не могу отсюда позвонить? Почему телефон не работает? Вика может приехать уже завтра! Я должна хотя бы предупредить ее о том, что происходит!

- Какая Вика? - быстро спросил я.

- Это моя дочь! - закричала Петровская, поворачиваясь к мужу. - Ты что, ему не сказал?

- Успокойся, - неуверенно пробормотал он. - Все будет в порядке. При чем тут Вика?

- Она завтра приедет! Приедет! Они ее схватят! - звеневший от слез голос Петровской разбудил мальчишку.

- Мама! - хриплым басом позвал он. - Ты что?

Галина мгновенно успокоилась, незаметно вытерла глаза и подошла к сыну.

- Ничего, милый, - ласково сказала она и села рядом. - Спи, мой хороший.

Я отвел Петровского подальше от матрасов.

- Рассказывайте! - потребовал я.

- Вика... - заговорил он, пряча взгляд, - Виктория, ее дочь от первого. То есть наша дочь, конечно... Она учится в Англии... Я только сегодня узнал, что Галина ей звонила перед тем, как вы нас привезли сюда.

- И?..

- Она действительно может завтра прилететь.

- Почему вы мне не сказали вчера?

- Да я сам узнал только что! - с тоской проговорил он. - Но отсюда же мы ни с кем не могли связаться! Ни с Викой, ни с вами.

- Кто еще знает о том, что она должна приехать?

- Никто, - сказали Петровские в один голос и посмотрели друг на друга.

- Вам известно точное время прилета?

- Нет, - отрицательно мотнула головой Галина. - Она сказала, что прилетит через два дня. То есть завтра. Я отговаривала, но она... она...

Петровская прижала ладони к лицу.

- Боже мой, что я наделала!

- Ничего непоправимого не произошло, - пробормотал я, лихорадочно обдумывая дальнейшие действия. - Из аэропорта она, конечно же, поедет домой? Куда она еще может поехать из аэропорта?

- Только домой, - уверенно сказала Галина. - Но там... там же...

- Да. Там ее вполне могут ждать те, кто так ищет встречи с вашим мужем, - подтвердил я невысказанную Галиной мысль. - Значит, мне придется перехватить ее раньше... Не беспокойтесь. Я поручу своему сотруднику найти ее в аэропорту. С завтрашнего дня он будет встречать все рейсы из Лондона. У вас есть ее фотография?

Петровская бросилась к огромной сумке со своими вещами, покопалась и вытащила маленький альбом для фотографий.

- Вот, - она раскрыла альбом на первой странице.

Вика была красивой девушкой. Я бы даже сказал, очень красивой. Правда, блондинкой. Не люблю блондинок. Полистав альбом, я выбрал то фото, которое счел наиболее подходящим для опознания. С Широковым я пересекаться не стану, просто положу фотографию в какой-нибудь тайник. Он встретит девушку и передаст ее мне с рук на руки. Конечно же, не в аэропорту. Рейсы из Лондона идут в разные аэропорты. Встречать нужно около дома Петровских.

Да, надо же еще приобрести новый мобильник. Свои документы использовать я не мог, база данных наверняка находилась под контролем спецслужб. Игорю придется помочь мне и в этом...

- Я скоро опять загляну, - пообещал я, повернулся, готовясь уйти, и лишь в последний момент вспомнил о бутылке коньяка в кармане куртки. Вытащил и вручил Петровскому. - Без меня не открывайте! - улыбнувшись, наказал я.

На улице было неуютно. Снова шел дождь и довольно сильный. Небесная влага хотя и прибила мерзкие запахи помойки, но не до конца. Я натянул на голову капюшон и быстро выбежал через двор на улицу. Тут-то они меня и схватили. Капюшон ограничивал обзор - я их просто не увидел. Зато почувствовал. Схватили двое, руки завели за спину, на запястьях щелкнул теплый, нагретый в карманах металл наручников. Тут же подкатил фургончик, меня запихнули в распахнувшуюся дверь и бросили на сиденье.

- Голову вниз! - приказал кто-то.

А куда еще девать голову, когда на затылок давит пятерня, пригибая лицо к коленям?

Ехали минут двадцать. Потом фургончик остановился, меня невежливо вытащили все также лицом вниз и чуть не бегом завели в какое-то помещение. Затем были длинный коридор, лестница, еще коридор, звякнул замок раскрывающейся двери, и наконец, я очутился на стуле.

Я распрямил спину, движением головы сбросил капюшон и огляделся. Комната, в которой я оказался, более всего была похожа на стандартную допросную. Минимум мебели. Да, собственно, никакой, кроме стола напротив да моего стула, ножки которого, как я ощутил, были намертво прикручены к полу. За столом сидел человек, лицо которого мне не понравилось с первого взгляда. Оно было пустым и

напряженным. Такое выражение принимают морды служебных псов, которым приказали догнать и схватить, а кого именно и зачем, псы еще не знают. Да им, по большому счету, все равно. За моей спиной расположился еще один.

- Здравствуйте, господин Белов, - сказал Служебный Пес. - Нам нужно с вами о многом поговорить.

Нужно - так нужно. Понятно, что не для игры в домино меня сюда притащили. Я просто пожал плечами.

- Догадываетесь, почему вы здесь? - спросил Пес.

Стандартный вопрос и по этой причине глупый. Служебный Пес должен был знать, что я - бывший опер и таким вопросом начинал общение с задержанными тысячу раз.

- Может, все-таки снимите с меня наручники? - спросил я. - Смею заверить: я не опасен.

- Конечно!

Стоявший за моей спиной разомкнул и снял стальные браслеты. Я свел руки вместе и потер запястья.

- Вы не ответили, - напомнил Служебный Пес.

- Нет, не догадываюсь, - сказал я.

- Тогда я объясню. У нас есть сведения, что вы укрываете объявленного в розыск преступника. Теперь поняли?

- Не все, - сказал я. - Честно говоря, вообще ничего не понял. Кто вы? Кто преступник? Кого я укрываю?

Служебный Пес залез в стол, порылся и достал бумажку, которую показал, не сходя с места. Что на ней было написано, с такого расстояния я мог бы прочитать только с помощью бинокля.

- Это постановление суда об аресте господина Петровского, который является вашим клиентом.

- У меня таких клиентов нет, - сказал я.

- Не надо, - Служебный Пес нахмурил брови, показывая неудовольствие. - Нам известно, что вы взяли на себя обязательства. Теперь вы от них свободны. И лично к вам у нас претензий никаких.

- Приятно слышать, - ввернул я и снова демонстративно помассировал руки, с которых только что сняли стальные браслеты, но Пес оставил эту демонстрацию без внимания.

- К вам у нас пока нет никаких претензий, - повторил Служебный Пес, выделив слово «пока». - Вы спрятали его в каком-то убежище, выполняя взятые на себя обязательства. Теперь вы от них свободны. Дальнейшую заботу о господине Петровском возьмет на себя государство. Вы должны только отвезти нас туда, где он скрывается.

- Вас, - сказал я и сделал паузу. - Но вы так и не ответили на мой первый вопрос. Вы - это кто?

Его лицо неожиданно расплылось в довольной улыбке.

- Мы и есть государство! - сказал он.

Я снова замолчал, изображая глубокое раздумье. Краем глаза я глянул на того, кто стоял за моей спиной. Здоровый парень и, несомненно, хорошо подготовленный.

- Все же я не понимаю... - начал я и тут же почувствовал его лапу на своем загривке.

Он пригибал мою голову к коленям и делал это медленно и неспешно, в ожидании попытки к сопротивлению, за которой неизбежно должен был последовать жестокий удар. Скорее всего, по почке. Поэтому я не сопротивлялся, хотя и понимал, что побоев, скорее всего, не избежать. Однако давление вдруг ослабло, и мне позволили вновь выпрямиться.

- Вообще, к вам много вопросов, - сказал Пес. - И у нас, и у наших старших коллег (тут он на секунду возвел глаза к небу). - Например, им очень хотелось бы получить ваши карты.

- О каких картах вы говорите? - с максимальной вежливостью поинтересовался я.

- О картах подземелий. Тайниках, где вы так успешно прячете своих клиентов. Может быть, в одном из них и библиотека Ивана Грозного найдется? А?

Видимо, он сделал своему коллеге тайный знак, которого я не заметил, потому что тот вновь положил мне руку на шею и сжал пальцы. Стало больно, но не очень.

- Ты бы нам и сейчас все рассказал, - сказал Служебный Пес. - Тебе просто повезло, что нас просили пока тебя не прессовать. С тобой другие люди хотят побеседовать. Но все впереди. Вообще, у тебя есть выбор: говоришь сейчас с нами или позже с ними. С ними будет хуже. Выбирай сам.

- Я должен подумать, - тоном и выражением лица я постарался изобразить максимум замешательства и смятения. - Так я не могу... Поймите. Дайте хоть немного времени!

- Понимаю, - на удивление легко согласился Служебный Пес и взглянул на наручные часы. - Полагаю, часа для размышлений хватит? А мы устроим обеденный перерыв. Из-за тебя с утра во рту крошки не было. Но размышлять будешь не здесь, а в другом месте.

Мне действительно повезло, что со мной собирались поговорить другие люди, запретившие потрошить меня этим служивым. Я был очень доволен, но успешно скрывал это, уныло повесив голову и устремив глаза в пол. Служебный Пес тоже был вполне доволен собой, поскольку полагал, что проведенная им подготовка расположила меня к откровенному общению с хозяевами. Он даже слегка потянулся всем телом, как делают все псы после успешного выполнения задачи.

- Лейтенант, - обратился он к тому, что стоял у меня за спиной, - отведите господина Белова в шестую кам... - тут он запнулся и поправился: - В шестой бокс.

Он вышел из кабинета первым и удалился на трапезу, немелодично

насвистывая.

Лейтенант немного помедлил. Покрутил наручники, испытующе посмотрел на меня, но решил, что, судя по подавленному виду задержанного, угрозы он не представляет, учитывая к тому же полуторную разницу в весе. Он вывел меня в коридор, и тут я получил возможность немного оглядеться. Скорее всего, меня привезли в какое-то отделение полиции. Хорошо, что не сразу в следственный изолятор, хотя разница невелика. Из камеры для временно задержанных тоже не сбежишь. Конечно же, сдавать Петровского я не собирался, отпущенный час следовало потратить на тщательное обдумывание линии поведения. Если за меня возьмутся серьезно, и я застряну здесь надолго, их убежище превратится в настоящую тюрьму. К тому же проблема с Викой так и останется нерешенной.

Как они меня вычислили? Я вынужден был с грустью признать, что ответ на этот вопрос лежит на поверхности. Увы, смущение Широкова было неслучайным. Только он один знал примерное расположение убежища Петровских и, вероятно, сразу же после моего ухода сообщил, что я направляюсь туда. На что его подцепили? Компромат? Деньги? Скорее всего, деньги. О существовании этого убежища знали только я и моя секретарша. В Полине Романовне я был уверен больше, чем в себе самом. Нет, скорее всего, Широков вышел на этих ребят сам. Впрочем, сейчас следовало думать не об этом.

Вместе с сопровождающим мы уже подходили к лестнице на первый этаж, как вдруг я увидел Дверь. Это была несомненно Дверь! Она располагалась в аккурат между двумя стендами с образцами заполнения всяческих казенных бланков - видимая только мне одному серая вуаль на светло-желтой, давно не знавшей ремонта стене.

Я подавил порыв шагнуть сквозь нее немедленно. Нет, подобное исчезновение поднимет шум, который затихнет нескоро. Поэтому я продолжал шагать, изображая покорность и полное повиновение.

Мы вышли на лестничную площадку и спустились на один пролет. Тут я слегка замешкался, словно бы споткнулся. Чтобы восстановить утраченное на мгновение равновесие, ухватился за плечо своего конвоира, а потом с силой швырнул его мимо себя вниз. Лейтенант был крепким и тренированным парнем, весом около сотни килограммов. Эти килограммы на узкой площадке крутой лестницы его и подвели. Он полетел вниз, пытаясь удержаться на ногах, но масса тела, помноженная на стремительность моего рывка, не позволила этого сделать. Грохот свалившегося тела поведал мне, что падение оказалось тяжелым. Сам я этого не видел, потому что уже мчался по коридору. Мне еще раз повезло: в коридоре никого не было. Разумеется, большого ущерба этой горе натренированных мышц падение не нанесло, лейтенант поднялся и бросился вдогонку, я слышал стук его шагов по лестничным ступенькам, но Дверь была

передо мной. Исчезая из этого мира, я шагнул сквозь вуаль и с облегчением перевел дух...

* * *

Кластеры внутри похожи один на другой, словно Всевышний или тот, кто замещает его на этой должности, изготавливая их, работал под копирку. Ни в одном из четырех с лишним десятков кластеров, исследованных мной самым тщательным образом, я не мог найти ни малейших признаков индивидуальности. Отличия были лишь у двух, но отнюдь не внешние.

Кластеров намного больше этих четырех десятков. При желании я мог бы продолжать их поиски и исследования до бесконечности. Никакой системы в расположении Дверей я также не обнаружил - их могло быть несколько на каком-то квадратном километре, а иногда, проходя или проезжая немалые расстояния, я не обнаруживал ни одной.

Однако, кроме кластеров, существовали еще и пузыри. Вот тут-то отличий было сколько угодно. Пузыри отличались друг от друга размерами и формой, иные выглядели откровенно уродливо, будто искореженные взрывом - с неровным, волнистым полом и перекрученными стенами, кривым, нависающим буграми потолком. Вероятно, так выглядел бы изнутри мяч, изжеванный чьей-то громадной пастью. Может быть, пузыри были недоразвитыми кластерами. Я не знаю. Но одно свойство было общим и крайне неприятным: запас воздуха в пузыре ограничивался его объемом. Того, кто оказался бы там, не имея возможности выйти, через несколько часов ждала бы неизбежная гибель от удушья.

Обнаруженная мной Дверь в коридоре полицейского отделения вела именно в пузырь. Он был не очень велик - объемом примерно со стандартную восьмиметровую комнату. Воздуха хватит часа на два-три, прежде чем я начну ощущать недостаток кислорода. Значит, следовало его поберечь: выбраться из пузыря удастся не раньше, чем в отделении закончится суэта, вызванная моим исчезновением. Я устроился на относительно ровном участке того, что здесь следовало бы называть основанием, расслабился и закрыл глаза, обдумывая свои дальнейшие действия.

Итак, из аэропорта Вика поедет домой - больше некуда. Вот где-то там, возле дома, нужно ее перехватить. Я очень надеялся, что наблюдение за городской квартирой Петровских не ведется. Во всяком случае, я бы не стал тратить силы на столь бессмысленное занятие. Впрочем, они могли иметь собственные соображения на этот счет, поэтому приходилось учитывать риск столкнуться с ними у дома нос к носу.

К сожалению, попасть в квартиру Петровских можно только через парадный вход, который круглые сутки охранялся бдительными стражами. К тому же охранники наверняка получили от всех заинтересованных сторон строгие инструкции звонить куда надо в случае появления в квартире или около нее любых пришельцев. Но зато, чтобы попасть в подъезд, нужно пройти через маленькую калитку в ограде, которая открывалась либо магнитным ключом, либо с пульта той же охраны, или же - если жилец возвращался домой на автомобиле - миновать автоматические ворота.

Не думаю, что дочь Петровской будет настаивать на том, чтобы такси подкатило к подъезду. Значит, перехватить ее я должен около калитки. Для этого нужно найти пункт наблюдения.

Я попытался вспомнить окрестности дома Петровских, но ни одной конструктивной мысли в голову пока не приходило. В конце концов, я задремал.

Проспал я час с небольшим. Время в кластерах и пузырях течет иначе, отличаясь на две, пять или десять минут в ту или иную сторону за сутки по сравнению с внешним миром, что, как правило, остается незамеченным моими клиентами. А когда у особо внимательных и дотошных возникали какие-то вопросы по этому поводу, я отвечал, что технические усовершенствования убежища просто слегка искажают работу электронных систем.

В пузыре становилось душновато. И хотя до настоящей нехватки воздуха было еще далеко, я решил, что пора выбираться. К сожалению, Дверь нельзя приоткрыть, чтобы выглянуть в щелочку и тут же захлопнуть. Можно находиться либо по ту, либо по эту сторону, и никак иначе. Я тысячу раз экспериментировал, осторожно продвигаясь по миллиметру до границы, разделяющей пространства, и никогда не умел почувствовать точку ее пересечения и уловить момент, в который это происходит. Так произошло и сейчас. Я сделал всего лишь один короткий шаг и очутился в коридоре полицейского участка.

Коридор был пуст. Но едва я двинулся к лестнице, то понял, что покинуть здание будет не так-то просто. С первого этажа доносились голоса и торопливые шаги.

Я дернул ручку двери ближайшего помещения. Заперто. Открыть несложный замок - дело нескольких секунд. Плотно затворив дверь, я нащупал выключатель, зажег свет и осмотрелся. Обычный рабочий кабинет: пара столов, несколько стульев, полки для бумаг, шкаф и два сейфа. Окно забрано решеткой, так что этот путь бегства мне заказан. Зато на вешалке - форменный плащ с погонами капитана и фуражка. И то, и другое подходят по размеру. Порывшись в шкафу, я обнаружил вместительный полиэтиленовый пакет, в который упаковал свою куртку: бегать в полицейском обмундировании по городу я не собирался. Ну что ж, теперь можно попробовать...

Коридор второго этажа пустовал. Хоть в чем-то мне везло. Приподняв воротник плаща, я быстро сбежал по лестнице на первый этаж и уверенными шагами миновал помещение дежурной части. Здесь оказалось немало народа. То ли задержанные, то ли заявители заполняли две длинные скамьи и толпились у окошка дежурного. Сержант с коротким автоматом на плече охранял выход. Я приближался к нему, не сбавляя шага, отвернув голову, словно бы разглядывал лица задержанных - вполне естественный интерес сотрудника. Сержант тоже бдительно наблюдал за ними, поэтому просто шагнул в сторону, давая пройти и не уделив мне даже малой толики внимания.

Дверь отделения гулко хлопнула за моей спиной. Выдерживая темп, я дошел до поворота, а потом не выдержал: побежал изо всех сил, пока не вскочил в ближайший темный двор. Прислушался: погони не было. Пока что у меня все получалось!

* * *

Конечно же, за квартирой Петровских следили. Но именно за квартирой, а не за подходами к дому. Машина, в которой сидели двое наблюдателей, стояла перед подъездом на автомобильной стоянке, огражденной высоким забором с автоматическими воротами. Этот пост держали здесь на всякий случай, и мне сейчас неважно, кто именно из желающих отыскать Петровского его выставил. Главное - о возвращении Вики противники не подозревали и к нему не готовились. Значит, пока я опережаю их на один шаг.

Дождь не прекращался. Он то ослабевал до мороси, то вновь усиливался. Мой пункт наблюдения находился в крохотном палисадничке дома напротив на скамейке под кленом. Единственным пологом от дождя служила не успевшая опасть с ветвей дерева листва, а поскольку оставалось ее немного, да и та склонялась под ударом каждой капли, никакой защиты у меня, по сути, не было. Непромокаемая куртка отсырела насквозь; уже несколько раз я выжимал свою шерстяную шапочку, словно половую тряпку. И безумно завидовал тем ребятам, что сейчас наблюдали в полудреме за подъездом из теплого салона автомобиля. Правда, злорадствуя: смотрели они совсем не туда, куда надо бы.

В узком внутреннем проезде между домами квартала машин почти не было. Всякий раз я настораживался, но все же ту, которую ждал, прозевал. Желтое такси свернуло в проезд с улицы и остановилось у калитки. Я бросился напрямик через мокрые кусты, зацепился ногой за какую-то железяку, грохнулся на жирную, грязную землю, а когда вскочил и выбежал на асфальт, Вика и водитель уже вышли из

автомобиля.

- Добрый вечер, Виктория, - подбежав, произнес я, как мне показалось, совершенно непринужденно. - Ваша мама просила вас встретить.

Она смотрела на меня без испуга. Скорее, с брезгливостью. Грязный мужик с синим от холода носом. Возможно, она отвыкла бояться московских бомжей, к тому же рядом с ней стоял водитель - здоровый парень.

- Вам нельзя домой, - быстро проговорил я, шагнув ближе.

Вместо ответа она пренебрежительно фыркнула:

- Отвали, - сказал таксист, по-своему вполне правильно оценив ситуацию.

- Вика, мы должны отсюда уехать, - сказал я гораздо тверже, и таксист, решив, что должен за нее заступиться, попытался схватить меня за воротник куртки.

Я поймал его кисть, вывернул вверх и наружу, заставив таксиста опуститься на корточки.

- Вика, я не шучу. Все очень серьезно. Ваши родные действительно поручили мне вас встретить. А теперь мы должны отсюда немедленно уехать. Возле дома засада. Если мы сейчас же не уедем, вас схватят.

Таксист дернулся, вынуждая меня нажать сильнее.

- У-бью... г-гад!... - заорал таксист во всю глотку.

На площадке перед подъездом вспыхнули фары машины наблюдателей.

- Вика, в машину! - скомандовал я, и она, к моему изумлению, послушалась.

Увы, на подобное понимание хозяина такси мне рассчитывать не приходилось. А на уговоры и объяснения просто не оставалось времени. Я двинул его раскрытой ладонью по горлу, парализуя дыхание на несколько секунд, оттолкнул к обочине и прыгнул на водительское место. Двигатель работал, и я ударил по газам. Машина рванулась, набирая скорость. Через пять секунд мы вылетели на проспект. На первом перекрестке я свернул направо, потом налево и еще раз направо, заехал в арку дома и заглушил мотор.

Те, у подъезда, конечно же, за нами погонятся. Но во времени нас разделяла целая минута.

Вика смиренно сидела на заднем сиденье.

- Хорошо, что вы мне поверили, - сказал я. - Если честно, мы едва успели удрать.

- Вы убили таксиста? - спросила она с неподдельным интересом.

- С какой стати?! - возмутился я, а она вдруг засмеялась, чем удивила меня еще больше.

- Я пошутила, - сказала она. - Я видела, что вы стараетесь не причинить ему особого вреда. Поэтому и поверила. А вы, собственно,

кто?

Прежде чем ответить, я поглядел на часы. Те, у подъезда, уже сообщили своим хозяевам. Через несколько минут таксист наверняка оповестит полицию об угоне машины. Когда два ручейка информации сольются воедино, к нашим поискам подключатся все заинтересованные стороны.

- Если будем сидеть здесь, через полчаса нас найдут, - заметил я. - Давайте поговорим в другом месте.

- Где?

На этот вопрос я не мог ответить.

- У вас там в багажнике вещи, - сказал я. - Они для вас очень важны?

- Конечно! - воскликнула Вика. - Там одежда, платья и... все такое.

- Убегать лучше налегке.

Она шумно вздохнула и произнесла:

- Ну, тогда побежали.

Мы не побежали, конечно. Никогда в жизни я не был настолько осторожен и внимателен. Час поздний, на улицах машин и прохожих немного, в толпе не спрятаться, захочешь поймать такси - можно нарваться на преследователей. Всего полчаса в запасе до того, как наши враги подтянут сюда все силы, когда поймут, что далеко мы не ушли.

Я шел, надеясь на удачу. Сейчас я искал кластер. В этом районе я бывал редко и ни разу не открыл ни одной Двери. К тому же сейчас мешала темнота. В дневном свете вуаль Дверей мне было обнаружить намного проще. Вообще, я мог увидеть ее и в темноте, но только тогда, когда оказывался совсем рядом. Вначале я ощущал вуаль странным покалыванием кожи, подобно тому, что возникает, когда, вырвавшись из жаркой парилки, бросаешься в сугроб, а после снова забираешься на верхнюю полку. И только потом, напрягая зрение, я видел вход в кластер.

Я двигался, не зная конечной точки маршрута, и Вика это почувствовала.

- Куда вы меня ведете? - спросила она с легким беспокойством.

- Прошу вас, поверьте мне! - воскликнул я. - Просто поверьте. Точно так же, как доверяют ваши мама и отчим. Сейчас у меня нет времени. Я должен кое-что найти...

Машинально я взял Вику за руку, увлекая за собой, и тут же отпустил, чтобы не напугать. Как ни странно, она не испугалась. Более того, сама взяла меня под руку, выражая готовность следовать дальше. А я шел наудачу, вглядываясь, внюхиваясь в пространство и, когда обнаружил наконец Дверь, взмолился о том, чтобы за ней открылся кластер, а не пузырь.

Правда, эта Дверь располагалась не совсем удачно. То есть совершенно неудачно. Вуаль колыхалась посреди огромной лужи

глубиной едва ли не по колено.

- Вика, - смущенно проговорил я. - Вы уж извините, но нам нужно туда. Она резко выдернула руку из-под моего локтя.

- Вы что, псих?

В конце улицы показалась машина. Она ехала медленно, очень медленно. Может, водитель просто старался вести осторожнее в дождливой темноте, а возможно, те, кто сидел в салоне, внимательно оглядывали окрестности в поисках беглецов. Машина приближалась, и выяснять это у меня не было ни желания, ни времени. Я грубо схватил Вику на руки и помчался по луже, разбрызгивая грязь. От неожиданности она пискнула.

За спиной взревел двигатель. В самый последний момент я споткнулся о какую-то выбоину, падение в грязную кашу - второе для меня за вечер! - казалось совершенно неизбежным, но Дверь была совсем рядом, и упали мы уже в кластере...

* * *

- Где мы? - спросила она, даже не пытаясь подняться.

А я встал и принялся старательно отряхивать мокрую куртку и брюки. Демонстрация самых простых, естественных действий в нештатных ситуациях - лучшее средство от шока.

- Мы в убежище. Примерно в таком, где сейчас ваша семья. Кстати, у вас замечательный братишка. Кажется, мы с ним друг другу понравились.

- Какое убежище?! Как мы сюда попали?

- Пожалуйста, успокойтесь, - я поднял открытые ладони. - Я вам все объясню. Самое главное, что вы здесь в полной безопасности. Я друг вашего отчима, а значит, и ваш друг.

Надо отдать ей должное. Странное место не вызвало у нее ужаса. Впрочем, кластер был именно странным, но ни в коем случае не страшным. При некотором воображении вполне возможно было предположить, что интерьер создан неким модным полусумасшедшим дизайнером. Скорее всего, так Вика и подумала, потому что переключилась на меня.

- Кто вы?

- Частный детектив. Ваш отчим обратился ко мне за помощью. Он попросил обеспечить безопасность ему и его семье до начала процесса. Должен заметить, что ваше неожиданное возвращение все здорово осложнило. К счастью, худшего удалось избежать.

- Как вас зовут? - спросила она.

- Белов. Виталий.

- Так это вы Белов? - странная интонация ее вопроса меня удивила. -

Разве вы ничего не знаете? .

- О чем? - не понял я.

- Вас разыскивают за убийство.

Вика рассказала мне немало интересного. Некто Виталий Белов, тесно связанный с криминальными кругами, разыскивается полицией по обвинению в убийстве своего подельника Игоря Широкова. Он же, Белов, имел прямое отношение к исчезновению адвоката Петровского вместе с семьей. Сам Петровский также объявлен в розыск в связи со вскрывшимися фактами его причастности к хищению государственных средств в особо крупных размерах. Некий неназванный чин из прокуратуры высказал предположение, что Петровский, возможно, уже ликвидирован все тем же Беловым по заказу организаторов хищения.

- Забавно, - сказал я, выслушав все это.

- Кто такой Широков? - спросила Вика.

- Мой помощник. Значит, они его убили...

- Я хочу поговорить с отцом! - потребовала Вика. - Почему здесь не работает мобильник? Отведите меня к отцу!

- Вы удивитесь, но именно это я и собирался сделать, - огрызнулся я.

- Так делайте! Или я уйду сама.

Не дожидаясь ответа, она вскочила и бросилась к тому месту, где, как она полагала, находился выход. Оболочка кластера мягко толкнула ее назад с силой, в точности равной той, что приложила Вика. Она отшатнулась, но удержалась на ногах.

- Что за шутки? - растерянно проговорила Вика. - Немедленно выпустите меня отсюда!

- Присядьте, - вздохнув, сказал я. - Сначала я должен кое-что вам объяснить.

Не знаю, почему именно ей я решил все рассказать. Может быть, потому что устал оставаться единственным обладателем тайны. А может, оттого что просто очень устал за последние несколько дней. Но скорее, от неизбежности. Иным способом завоевать доверие Вики невозможно, а без ее доверия мои усилия спасти Петровских ни к чему не приведут. И я принялся рассказывать ей про кластеры, начав с того самого дня, когда открыл первый.

Она слушала чрезвычайно внимательно. Отнюдь не каждой хорошенькой девушке идет выражение серьезности, а ей очень шло.

- То, что вы рассказали, это правда? - спросила она, когда я закончил.

Я чуть не выругался от отчаяния, но заметив и поняв выражение моего лица, Вика быстро продолжила:

- Я верю. Просто трудно вот так сразу... вы же рассказали невероятные вещи... Но - да, я понимаю...

- И я вас понимаю, - вздохнул я. - Но все это действительно правда.

- Что мы будем делать?

Она сказала «мы». Добрый знак.

- Для начала воссоединим вашу семью.
- Так чего же мы ждем?
- Раннего утра, - пожал я плечами. - Сейчас нас усиленно ищут по всей округе. Прочесывают улицы, дворы и подъезды. Тем более если уже обнаружили такси, которое мы угнали. Мышь не проскочит, не то что мы с вами. Но к полуночи они устанут и успокоятся, а к утру вообще уберутся. По утрам полиция работать не любит. Метро откроется, народ на работу пойдет, вот и мы вместе со всеми. Так что пока рекомендую отдохнуть. Извините, условия тут скромные, но зато безопасно.

* * *

Оказалось, что, набегавшись и намерзнувшись за день, я вновь изрядно устал. Заснул почти мгновенно и очень крепко. Проснулся же оттого, что меня не слишком вежливо трясли за плечо.

- Уже шесть часов! - недовольно сказала она. - Сколько можно дрыхнуть!

Я с трудом разлепил глаза и потряс головой, прогоняя тягучую дремоту. Действительно, пора было собираться в путь. Поскольку этот путь начинался в луже, прежде чем пройти через Дверь, я вновь поднял Вику на руки, чему она благодарно не стала противиться.

Холодная вода вновь хлынула в подсохшие ботинки. Я добрался до берега и поставил Вику на твердую землю. Улица была темной и тихой, я не обманулся в расчетах. В окнах квартир загорался свет, первые прохожие хлопали дверьми подъездов, отправляясь на службу. До метро было недалеко, минут через пятнадцать мы уже входили в теплый, светлый вестибюль. Выглядел я довольно потрепанным, хотя статуса бродяги пока не достиг, да к тому же прикрывался от контролера Викой, которая, в отличие от меня, выглядела просто блестяще, несмотря на то что обошлась без утреннего женского ритуала. Свободных мест в вагоне хватало, однако я предпочел стоять, отвернув лицо от прочих пассажиров, а особенно от камеры наблюдения, глазок которой заметил под потолком. Береженого Бог бережет.

Мы ехали около сорока минут, а когда вышли наружу, в городе посветлело. Теперь предстояло преодолеть самый сложный участок маршрута. Я не сомневался, что хоть каких-то наблюдателей в районе, где, по их предположениям, я прятал Петровского, наши противники непременно оставили. Две-три машины с дремлющими вполглаза топтунами. Вопрос в том, какие у них инструкции? Хватать нас сразу или проследить до укрытия? Рисковать мне не хотелось. Поэтому я постарался по мере возможностей изменить внешность. Благо

мусоросборочные машины пока еще не начали работу и контейнеры для мусора во дворах домов оставались переполненными. Покопавшись в одном из них (Вика в это время стояла в сторонке, брезгливо отвернувшись), я извлек какую-то рвань, в прежней жизни называвшуюся плащом, полиэтиленовый пакет, гремющий пустыми бутылками и кривую палку. Весь этот скромный реквизит окончательно превратил меня в бомжа, отправившегося в утренний поход по городским помойкам. Я не сомневался, что маскировка позволит приблизиться к Двери.

- Вы двинетесь, когда я отойду метров на сто, - наставлял я Вику. - Не смотрите по сторонам, постарайтесь выглядеть девицей, которая возвращается домой после бурно проведенной ночи.

- Тут и стараться не нужно. Чего ж тут сложного! - буркнула она, хотя я не понял: сегодняшнюю ночь она имеет в виду или какую другую.

- Ориентир для вас - помойка...

- Как, опять? - поразилась Вика.

- Дверь за контейнерами, это очень удобно, потому что со стороны наше исчезновение пройдет незамеченным. Ну, вперед!

Если засада и существовала, то вычислить ее я не сумел: в любой из десятков припаркованных к обочине машин самых разных марок за затемненными стеклами могли сидеть наблюдатели. Я шел, тяжело опираясь на палку, опустив голову и сгорбившись, шаркающей походкой давно и тяжело пьющего человека. Хлопнула дверь подъезда. Женщина, взглянув на меня, брезгливо фыркнула, пробормотала что-то вроде «х-осс-поди!» и обошла по дуге. Я испытал некоторую гордость за результаты своей подготовки: произведенное на горожанку впечатление, несомненно, было сильным. Оставалось лишь надеяться, что примерно такие же чувства мой облик вызовет и у сидящих в засаде. Вскоре без всяких затруднений я добрался до вожденной помойки.

Вика что-то не торопилась. Сосредоточенно ковыряясь в контейнере палкой, я украдкой поглядывал на асфальтовую дорожку и уже начал беспокоиться, но наконец различил силуэт девушки.

Нас разделяли какие-то три десятка шагов, когда у припаркованного к тротуару «форда», который Вика только что миновала, с клацаньем открылась дверь. Из салона, поеживаясь от холода, вылез мужик, чья внешность не оставляла сомнений насчет его рода занятий.

- Девушка! - окликнул он.

Вика продолжала идти, не прибавляя шага и не оборачиваясь.

Мужчина решительно направился следом.

- Беги! - крикнул я, отбрасывая пакет и палку.

Реакция у Вики была отменной. Она рванула, словно со стартовой планки стометровой дистанции, чего преследователь явно не ожидал, поэтому на секунду замешкался. Этого Вике хватило, чтобы добраться

до меня; я увлек ее за контейнеры и впихнул в Дверь.

И мы опять шлепнулись друг на друга.

- Ага! - услышал я радостный визг отпрыска Петровских. - Вика приехала!

* * *

Я вынужден был признать, что положение, в котором мы оказались, незавидное. Из свидетеля Петровский превратился в обвиняемого. Причем ни у него, ни у меня не было никаких сомнений, что сделали это для того, чтобы окончательно и навсегда заткнуть ему рот. Он уже сейчас мог считать себя покойником. Как именно он покинет этот мир: «оказав сопротивление» при задержании, или в тюрьме в результате ссоры с сокамерниками, или от внезапного тяжелого и совершенно неизлечимого заболевания - роли не играло. Я это понимал, и он понимал тоже.

Моя собственная судьба выглядела ничуть не лучше. Обвинение в убийстве - это серьезно. Я не сомневался: доказательств моей причастности к смерти Широкова изготовлено более чем достаточно и никому не будет дела до того, что они липовые. Примерно в таком порядке я изложил ситуацию Петровскому, с которым мы отошли пошептаться в самый дальний от остальных обитателей убежища «угол», и он со мной полностью согласился.

- Против нас не люди, - грустно проговорил он. - Против нас деньги. И такие огромные, что люди уже никакого значения не имеют... Вопрос в том, что делать дальше?

- Да это уже не вопрос, - ответил я. - Точнее, поставлен неправильно.

- Почему?

- Что делать, совершенно ясно. Вам нужно бежать. Убираться отсюда подальше. Из города, а потом из страны. Лучше с семьей. Понятно, что ни на какую сделку с вами они уже не пойдут. Пообещать, конечно, могут: обмен на ваши припрятанные документы, молчание и так далее. Но только пообещать. Попадете вы им в руки, они вас уже не выпустят. Вы уж извините меня за прямоту.

- Я понимаю, - сказал он после недолгого раздумья. - Так что вы имели в виду насчет неправильной постановки вопроса?

- Вопрос должен быть следующим: как это сделать?

- Действительно, - он опять сделал паузу. - Как...

- Начнем с того, что здесь мы в полной безопасности, - принялся рассуждать я. - Они уже пытались отыскать, убежище, может не один раз, и перерыли всю округу. Ну, сегодня повторят попытки, пока не придут к выводу, что мы спрятаны надежно. Однако людей они будут здесь держать постоянно, еще раз проскользнуть незамеченными в

убежище не удастся.

- Значит, мы не сможем отсюда выйти, - сделал вывод Петровский.

- Сможем, - возразил я. - Об этом как раз беспокоиться не стоит.

- Но как?..

- Это уже моя забота, пока просто поверьте на слово. А вот дальше будет сложнее. Аэропорты и вокзалы наверняка перекрыты. Добраться до границы на колесах - проблема. Тем более со всем семейством. Когда очень нужно, они становятся весьма бдительны. Боюсь, скрываться в стране долго не удастся. Вы теперь - увы! - человек настолько известный, что даже в дремучей деревне вас опознает не только участковый, но и любой дворовый тузик.

- Вы считаете, я должен сдать? - медленно спросил Петровский. - Я уже думал об этом. Ради семьи я готов...

- Ничего подобного я не считаю! Я намерен выполнить свои обязательства полностью. У меня есть план, которому я собираюсь следовать.

- Может, вы и меня в него посвятите?

- Может быть, - согласился я. - Пункт первый: вначале мы должны выбраться из города. Сейчас это - главное. Пункт второй обсудим, когда выполним первый...

* * *

Только два кластера из открытых и обследованных мной отличались от прочих, причем каждый по-своему. Может быть, продолжая поиски и исследования, я открыл бы еще немало интересного, однако на сегодняшний день мне хватало и этого. В одном из них я находился сейчас вместе с Петровским и его семьей. Отличие этого убежища от остальных состояло в том, что помимо «парадной» Двери, оно имело еще и запасной выход. Открывалась эта вторая Дверь только изнутри, попасть через нее обратно в кластер нельзя. Зато открывалась она в безлюдной промзоне на другом конце города. Армия сыщиков, которая заполонила окрестности помойки не сможет помешать уйти, когда мы пожелаем.

Но вот потом начинались трудности, справиться с которыми в одиночку я не сумею. Чтобы победить наших противников, нужно покинуть город, наводненный полицией и агентами всяческих спецслужб, камерами слежения, осведомителями и просто законопослушными гражданами, искренне поверившими, что Петровский - особо опасный преступник, а я - убийца. Единственный человек, которому я полностью доверял, мой секретарь Полина Романовна, помощь оказать не могла просто физически.

Я должен был пойти на риск.

- Вика, ваш мобильник работает? - спросил я.
 - Да, - удивленно ответила она. - Но разве здесь это имеет значение?
 - В убежище - нет, за его пределами - да. Ваш телефон - единственный, которым мы можем пользоваться. Все остальные наверняка постоянно прослушиваются.
 - Но как вы собираетесь звонить?
 - Для этого мне придется ненадолго выйти.
 - Но там же...
- Кто бы там ни был, непосредственно возле Двери они сидеть не могли: воняет. А со стороны места входа, загороженное контейнерами и выступом дома, не просматривается. С телефоном в руке я выскочил наружу и пригнулся. Все спокойно, как я и ожидал. В другой руке у меня была неуничтожимая пластиковая карточка с номером, который я торопливо набрал.
- Алло! - отозвался бархатный адвокатский голос.
 - Господин Лурье, это Белов. Думаю, я готов принять ваше предложение.
 - Да? - в голосе его я не услышал удивления, а тем более восторга. - Это весьма приятно. Однако, Виталий Николаевич, за последние сутки многое изменилось.
 - Ваших клиентов больше не интересуют мои секреты?
 - Их пожелания остались прежними. Изменилось ваше положение. И это позволяет мне... нам немного пересмотреть первоначальные условия.
 - Это я хорошо понимаю, - ухмыльнулся я. - И не претендую на гонорар.
 - Что же вы хотите?
 - Услугу взамен на услугу.
 - Я слушаю.
 - Вчера вы были со мной вполне откровенны. Сегодня моя очередь. Думаю, вы в курсе, что исчезновение господина Петровского связывают со мной.
 - Кое-что я об этом слышал, - осторожно ответил он.
 - Господин Петровский с семьей находится в одном из моих убежищ. Поверьте, ни его, ни меня там никто не найдет.
 - Но вы же не собираетесь сидеть там вечно?
 - Вот именно! Тут вы уловили самую суть, господин адвокат. Его планы переменялись, да и мои тоже. Я хочу, чтобы вы вывезли нас из города.
 - Это не так просто, - сказал Лурье после паузы. - Вы не представляете, какие силы брошены, чтобы найти этого несчастного человека.
 - Вот это я как раз очень хорошо представляю, - усмехнулся я в трубку.

- Очень сложная задача, - начал было Лурье, но я его перебил:
- Бросьте! Я немного осведомлен о диапазоне ваших возможностей. Не думаю, что вашим нанимателям такое не под силу. К тому же выполнить мою просьбу - в их интересах.

- Поясните!

- Планы, карты и схемы я храню в тайнике, который находится за городом. Не очень далеко. Вы привозите нас туда, я отдаю вам документы.

- Неужели вы так легко с ними расстанетесь? - усомнился Лурье.

- Конечно, я предпочел бы получить намного больше. Но лучше синица в руках, чем небо в клеточку. Петровский - мой клиент. Когда я вывезу его за город, мои обязательства перед ним заканчиваются. Я получу гонорар. Он меньше, чем я мог бы получить с вас, но мне теперь не приходится выбирать.

Несколько секунд телефон молчал.

- Я должен обсудить это со своими клиентами, - сказал Лурье.

- Никаких обсуждений, - категорически возразил я. - У меня нет времени. Вы не единственный, к кому я могу обратиться. Да или нет? Прямо сейчас.

- Да, - сказал Лурье.

В таком ответе я не сомневался. Произнеси он «нет», его успешная карьера закончилась бы в одночасье.

Я услышал шаркающие шаги. В щели между контейнером и стеной возникла обросшая, небритая рожа бомжа - настоящего хозяина этого места.

- Во! - беззлобно сказал он. - Занято. И еще по телефону говорит!

Он отошел, а я быстро продиктовал Лурье, что мне от него требуется. Потом отключился и шмыгнул в Дверь.

- Ну что?! - все члены семьи Петровского, за исключением самого младшего, который увлеченно давил кнопки игрового компьютера, смотрели на меня с тревогой и надеждой.

- Все в порядке, - заверил я. - Собирайтесь потихоньку. Часа через три будем выходить...

Улучив момент, Петровский отвел меня в сторону.

- Вы верите Лурье? - тихо спросил он.

- Конечно, нет, - ответил я. - Но до определенного момента он будет делать то, что я от него потребую.

- Вы знаете, на кого он работает?

- Разумеется.

- Тогда должны представлять, чем все закончится. Когда они получат от вас все, что им нужно, вас просто ликвидируют. Да и меня не отпустят. Просто продадут моим врагам.

- Скорее всего, так оно и будет, - легко согласился я. - Но только если мы им это позволим.

- Думаете, они станут спрашивать вашего разрешения? - грустно усмехнулся Петровский.

- Не будут. Вы в карты играете?

- Какие еще карты! - всплеснул руками Петровский.

- Если бы играли, то знали бы главное правило: выигрывает не тот, кому масть идет, а у кого джокер в рукаве.

- И что это за джокер?

- Вы все узнаете. Позже.

- Почему позже? Почему вы никогда ничего не договариваете до конца?

Петровский волновался все больше, он был готов сорваться на крик, чего мне совершенно не хотелось. Но раскрываться полностью я тоже не собирался.

- Так, спокойно, - жестко сказал я. - Либо вы мне доверяете, либо нет. Можете сдать прямо сейчас. Я вас выведу, как только вы об этом попросите. Но если хотите спастись и спасти себя и семью, успокойтесь и наберитесь терпения.

Запал его, к счастью, быстро прошел. Петровский внезапно сдулся, словно проколотый воздушный шарик. Я понимал: постоянная тревога за близких изматывает, иссушает и лишает терпения.

- Да-да, - он опустил голову и отер пот со лба. - Я понимаю... Извините.

- Все будет хорошо, - мягко проговорил я, положив руку на его плечо. - Поверьте мне, пожалуйста. И успокойте супругу.

* * *

Вновь стремительно наступали сумерки. И снова моросил холодный дождь вперемешку со снегом. Первым снегом в этом сезоне, хотя назвать так падающую с небес слякоть язык не поворачивался. Мы вышли из кластера в каменном закутке, образованном бетонным забором и мрачными фабричными стенами без окон. Чтобы провести кого-либо через Дверь, необходимо прикосновение. Миновать вуаль может только тот, кто находится со мной в физическом контакте. Поэтому мы вывалились маленькой плотной группой, обремененной к тому же немалой поклажей семьи Петровских. Полагаю, вид у нас при этом был изрядно комичный. Наблюдай наше появление кто-то со стороны, он бы не испугался, а, скорее всего, рассмеялся.

Но вокруг было пусто. Фабрики давно закрылись, превратившись в склады китайского ширпотреба, а собственного населения промзона отродясь не имела.

Наказав своим подопечным оставаться на месте, я вышел на улицу, такую же темную и безлюдную. Лурье оказался точен. Транспорт, на

котором нас должны были вывезти из города, уже ждал неподалеку. Автомобили с включенными фарами стояли в начале улицы и, едва я взмахнул рукой, начали приближаться. Машин было две: здоровенный черный внедорожник с начерно затемненными стеклами и ярко раскрашенный в красное и желтое фургон технической службы телефонной сети. Этот ход я оценил. На выездных пикетах такую машину вряд ли остановят.

Дверца джипа открылась, и на асфальт выбрался Лурье.

- Рад видеть вас, господин Белов, - сказал он, протягивая руку, которую я с чувством пожал. - Где же ваши клиенты?

- Тут, неподалеку. Ваши люди не помогут им поднести вещи?

- Конечно! - Лурье приоткрыл дверцу джипа, что-то проговорил, после чего из машины выпрыгнули два крепко сбитых парня в коротких куртках. А пока дверцы оставались открытыми, я разглядел в салоне еще двоих, не считая водителя. В кабине фургона рядом с водителем тоже сидел человек. Итого семеро, считая с водителями, которые наверняка умеют не только баранку крутить. Судя по количеству и «качеству» сопровождающих, мне стало ясно, что наши с Петровским предположения, скорее всего, верны. Хозяева Лурье отпускать нас не собирались.

Вместе с парнями я вернулся в закуток. Петровские встретили нас настороженными взглядами.

- Все в порядке! - бодро проговорил я. - Это наши ангелы-хранители. Они вам помогут.

«Ангелы» молча и сноровисто подхватили багаж и потащили к фургону, а мы, чуть приотстав, пошли следом.

- Здравствуйте, господин Петровский, - сказал Лурье, одновременно вежливо поклонившись дамам. - Рад с вами познакомиться. Много о вас слышал.

- Взаимно, - ответил Петровский. - Я тоже наслышан... И очень благодарен вам за помощь.

- Люди должны помогать друг другу в трудных обстоятельствах.

- Вы правы. Надеюсь, что и мне доведется оказать вам такую же услугу.

- Спасибо. Но все же лучше в подобные ситуации не попадать.

- Мне снова нечего возразить, - вздохнул Петровский.

На этом обмен любезностями завершился. Задние дверцы фургона были уже распахнуты. Я заглянул в кузов. Несомненно, эту машину не готовили специально для семьи Петровских. Она уже давно была оборудована для тайных перевозок и использовалась неоднократно. У хозяев Лурье все было поставлено вполне профессионально. Узкий проход между катушек кабелей и проводов вел к небольшому, но достаточному, чтобы вместить всех нас, отсеку у передней стенки, который маскировался фальшивыми стеллажами, сейчас раскрытыми.

Вещи Петровских уже находились там. «Ангелы-хранители» деликатно помогли подняться в кузов жене Петровского и Вике. Потом я передал мальчишку Петровскому и повернулся к Лурье.

- Нам нужно выехать из города по Сколковскому шоссе, - сказал я. - Когда минуем посты, я перейду из фургона в вашу машину и буду показывать дорогу.

- А не проще сразу объяснить...

- Не проще, - покачал я головой. - Путь извилистый и запутанный. Масса поворотов, которые ваш водитель все равно не запомнит. Да я и сам их наизусть не знаю, увижу - покажу. Поэтому километров через десять за кольцевой остановитесь где-нибудь в тихом месте.

- Хорошо! - пожал плечами Лурье. - Тогда в путь.

Я прошел в секретный отсек, и распахнутый стеллаж закрылся за мной. Загрохотало передвигаемое железо, маскируя проход. Потом хлопнули дверцы фургона, и наш маленький кортеж тронулся. Условия в отсеке были не слишком комфортные - всего одна скамья, на которой мы едва разместились. Зато под скамьей работал обогреватель, и здесь было тепло. Мальчишке обстановка совсем не понравилась, поерзав на жестком сиденье, он начал было ныть, что хочет домой, но мы быстренько устроили ему постель из курток, он улегся, пригрелся и затих, а скоро и вовсе задремал.

Освещение в отсеке отсутствовало. Свет уличных фонарей, временами проникающий через небольшое оконце под самым потолком над кабиной водителя, позволял различать лишь смутные очертания наших лиц. Я взобрался наверх и поглядел сквозь запыленное стекло. Мы давно уже выехали из промзоны, втянувшись в бесконечный поток машин на проспекте. Джип шел впереди. Начиналось время дорожных пробок, но пока мы двигались без остановок. Я слез и присел рядом с Петровским.

- Они нас не отпустят, - шепнул он мне в самое ухо, чтобы не услышали женщины.

- Я у них спрашивать не собираюсь, - ответил я ему так же тихо. - Все будет нормально, просто доверьтесь мне.

- Ничего другого нам не остается, - горько усмехнулся Петровский.

Скорость нашего передвижения была невелика, а по мере приближения к окраинам мы ехали все медленнее и медленнее. Остановки становились чаще и длительнее, наступил ежевечерний транспортный коллапс, отягощенный к тому же мерзкой погодой. Периодически я выглядывал в окошко, пытаюсь определить, где мы находимся, и видел нескончаемую колонну едва ползущих машин. Лишь часа через полтора я увидел, что до окружной дороги остается всего несколько сотен метров, но как раз тут движение замерло почти окончательно. Объяснение тому существовало лишь одно: тотальная проверка выезжающих из города машин.

Фургон дергался, проползая несколько метров, и вновь останавливался. Так продолжалось довольно долго, но в конце концов мы добрались до выездного поста дорожной полиции, о чем оповестил проникший в отсек яркий свет вознесенного над трассой фонаря, и я снова полез к оконцу. На обочине возле домика гаишников стояло несколько полицейских экипажей. Не менее полутора десятков осматривали практически каждую машину, всякий раз заставляя водителя и пассажиров выйти из салона. А уж джип с затемненными стеклами вызвал у них приступ повышенной бдительности.

Проверка закончилась, Лурье с парнями погрузились в джип, он тут же тронулся и исчез в темноте. Теперь пришел наш черед. Фургон медленно подкатил к посту. Все, что происходило снаружи, из оконца увидеть я уже не мог, поэтому занял свое место и принялся слушать.

Хлопнула дверца кабины водителя. Спустя минуту громыхнул запор дверей фургона. Сквозь щели в маскировке блеснул луч фонаря. Мы сидели, затаив дыхание. В отсеке стояла почти абсолютная тишина, нарушаемая лишь мирным сопением маленького Петровского. Свет фонаря погас, двери закрылись. Протекла еще одна нескончаемая минута, затем двигатель ожил и фургон тронулся.

- Пронесло, - я и Вика проговорили это одновременно.

Вырвавшись из города, машина шла без остановок. Под мерное гудение мотора я начал придремывать, пока не почувствовал, что фургон замедляет ход. Видимо, настало время пересаживаться в джип. Снова загремели засовы и фальшивая стенка раскрылась.

- Белов, выходи, - не очень вежливо пригласили меня.

Хотя в джипе нас было семеро, тесноты я не ощущал. Эта здоровенная, как автобус, машина вместила бы еще столько же. Меня усадили рядом с водителем.

- Куда едем? - спросил он.

- На двадцать шестом километре будет поворот направо, - сообщил я.
- Постарайтесь не пропустить.

- Не пропустим, - заверил водитель, и джип рванулся вперед.

- Если не секрет, что вы намерены делать после того, как все это закончится? - спросил Лурье, сидевший за моей спиной.

- Сначала все еще должно закончиться, - ответил я, не оборачиваясь.

- А там видно будет.

Боевики профессионально молчали, но Лурье, не привыкшему так долго держать рот на замке, хотелось поговорить.

- Кстати, о секретах. Может, теперь уж вы поведаете, как у вас оказались эти самые планы? Они действительно такие древние?

Признаться, к этому вопросу я не был готов, поэтому принялся импровизировать.

- Все произошло достаточно случайно. Как вы знаете, я некоторое время работал в полиции... Тогда она называлась милицией. По

одному уголовному делу свидетелем со стороны потерпевшего проходил бывший работник государственного архива. Пожилой, даже старый человек. Там было дело о квартирной краже... обычное дело, ничего особенного, просто мне удалось его довольно быстро раскрыть. Так вот, он мне их и подарил.

- Просто так? Взял и подарил? - Лурье лениво усмехнулся. - И часто вам делали такие подарки?

- Нечасто, - согласился я. - Да и подарка никакого не было: тут я приврал. Он заплатил мне этими документами за то, что я вытащил его племянника из уголовного дела. Этот одинокий старик очень любил свою сестру и ее бестолкового сына.

- Понима-а-ю, - удовлетворенно протянул Лурье. - Очень хорошо понимаю. Взятка. Не такой уж вы честный и чистый, господин Белов.

- Не такой, как кто? По сравнению с кем? Я обычный. Или вы предпочитали бы иметь дело с праведником?

Лурье засмеялся.

- Нет уж! С праведниками одни проблемы. А у него эти документы откуда взялись?

- Из архива, - пожал я плечами. - Много лет назад он их обнаружил, а когда с архивами в девяностые годы началась неразбериха - то открывали, то закрывали, то передавали в другие ведомства, - он их изъяс.

- Забавно, - сказал Лурье. - Расскажите поподробнее об этих планах.

Я набрал в грудь побольше воздуха и принялся сочинять.

- Это система тайных убежищ и соединяющих их ходов. Насколько я понял, ее начали создавать очень давно, задолго до революции, с неясными для меня целями. Вроде бы в тридцатые годы, перед самой войной, ее как-то достраивали, но потом проект был заморожен и полностью засекречен. Круг посвященных был очень узким, к нашему времени никого из них в живых уже не осталось.

- Надо же! Звучит как приключенческий роман, - сказал Лурье.

Особого недоверия в его тоне я не уловил. А чему, собственно, удивляться? Любая столица мира изрыта тайными ходами и убежищами, известными лишь ограниченному кругу лиц.

- Странно только, что никто до сих пор не обнаружил ваши укрытия.

- Ничего странного. Сами увидите, насколько тщательно замаскированы входы. Строители убежищ по части маскировки были весьма изобретательны.

- И с помощью ваших планов их можно обнаружить?

- Конечно! С планами в руках найти их несложно.

- И вам не жаль с ними расставаться? Вы же понимаете, что больше не сможете ими пользоваться...

- Конечно, жаль, - вздохнул я. - Это же было моим бизнесом. И довольно прибыльным. Но у меня нет выхода.

Джип сбросил скорость.

- Двадцать пятый километр только что проехали, - сообщил водитель.

- Давай, командир, смотри внимательнее.

Съезд с магистрали действительно было нелегко заметить, особенно в дождливой темноте. По моему указанию водитель осторожно повернул на узкое шоссе. Аварийный фургон неотступно следовал за нами. Шоссе вилось по лесу змейкой, поворот следовал за поворотом, поэтому машины шли с небольшой скоростью.

- Далеко еще? - нетерпеливо поинтересовался Лурье.

- Километров пятнадцать. Скоро приедем.

- А почему вы храните свои секреты так далеко от дома? - спросил он.

- Там и есть мой дом, - ответил я. - Мой загородный дом, о котором, к счастью, почти никто не знает. Теперь вот, правда, узнаете вы.

- И вы не боитесь бродяг, воров, которые так любят шарить по дачам?..

- Бродяги ничего найти не смогут. И воры тоже. Кстати, господин Лурье, именно поэтому у меня к вам будет маленькая, но очень важная просьба. Документы хранятся в моем личном тайнике. Я хочу, чтобы его расположение осталось тайной даже для вас. Не так уж много у меня остается личных секретов. Поэтому убедительно прошу, чтобы в дом ваши люди не заходили. Мне понадобится несколько минут, чтобы открыть его и достать документы. Потом я сам их вынесу.

- Че-то не понял, - сказал один из «ангелов». - Что за дела?

- Господин Лурье! - я намеренно обращался исключительно к адвокату. - Выполнить эту мою просьбу для вас ровным счетом ничего не стоит. Или вы полагаете, что я брошу своих клиентов в доме и убегу тайным ходом? Уверяю вас, так я никогда не поступлю. Да и тайных ходов у меня там нет.

- Это мне не нравится, - сказал тот же «ангел». - Таких инструкций я не получал. Он войдет, прыгнет в подвал и сделает ноги. Лови его потом!

Конечно же, у него были совершенно конкретные инструкции на мой счет и, уверен, насчет Петровского.

- В интересах дела можно немножко импровизировать, господин Лурье, - я продолжал демонстративно общаться только с ним. - Не понимаю ваших сомнений. Я вынесу документы ровно через пять минут. После того как достану их и вновь замаскирую сейф. Кстати, в доме у меня нет подвала, а входную дверь от вас я запираю не собираюсь. И повторяю: я не оставляю клиента, с которым связан договорными отношениями. Как адвокат вы должны это понимать!

Лурье повернулся к сидевшему рядом «ангелу» и о чем-то переговорил с ним тихо и коротко.

- Вначале мы должны осмотреть дом, - потребовал он.

- Да ради бога, конечно же! - воскликнул я. - Я даже не возражаю,

чтобы ваши коллеги сами попытались отыскать сейф. Мне будет очень любопытно. Правда, уверен, что они напрасно потратят время. Но потом пусть выходят и ждут снаружи.

Они снова обменялись несколькими фразами.

- Хорошо, - сказал Лурье наконец. - Вы меня убедили. Но хочу предупредить: любая попытка нас обмануть обойдется вам очень дорого.

- Да у меня и в мыслях нет, - засмеялся я. - И знаете почему? Потому что нет никакой возможности... Так! Скоро поворот! Помедленнее, пожалуйста! Вот здесь налево...

Водитель начал было поворачивать, но остановил машину.

- Куда здесь ехать-то? - с недоверием спросил он. - Тут и дороги нет!

- Есть дорога, - заверил я. - И вполне приличная. Это бетонка. Просто травой заросла. Съезжайте, не бойтесь, застрять тут невозможно.

Водитель хмыкнул, но послушался. Джип, а за ним фургон съехали на старую бетонку. Колеса мерно застучали по стыкам плит. Теперь мы двигались совсем медленно.

- Мы почти приехали, - сказал я, предупреждая вопросы. - До моего дома меньше километра.

- Это че, деревня какая? - поинтересовался все тот же «ангел». По-видимому, он был старшим среди прочих боевиков.

- Скорее, хутор, - ответил я. - Мой дом и еще два. Правда, в тех никто не живет. Только на лето хозяева иногда приезжают. Тут прежде неподалеку был городок, да теперь его уже нет - одни развалины. Когда мебельная фабрика закрылась, народ почти весь разъехался. Одни пенсионеры остались. Так что сейчас здесь почти курортное место. Вот найдется богатый хозяин, купит землю, окультурит, построит коттеджей - сами сюда попроситесь. Но сейчас здесь только три участка: мой и двух соседей. Знаете, господин Лурье, это совсем не так плохо...

Пока я так балагурил, бетонка закончилась. Окружающие дорогу деревья расступились, и мы въехали на территорию хутора. Мой дом стоял чуть в стороне. Водитель правильно угадал, какой из трех участков мой, он повернул машину именно к нему, не задавая вопросов. Потому что мой дом - совсем новый, обшитый светлой вагонкой, обнесенный нечастым деревянным забором - был здесь самым красивым. Мне показалось, что даже сквозь закрытые окна джипа ощущается запах свежеструганого дерева. Вообще - обычный загородный дом представителя среднего класса. Не миллионная вилла - скромный двухэтажный коттедж из бруса. Я построил его недавно и уже успел полюбить. Мне стало очень жалко мой дом, потому что расставание с ним было неизбежным.

- И охота была в такую глушь забираться, - проворчал с заднего сиденья «ангел». - Свет-то хоть есть?

- Есть, - гордо сказал я. - И свет, и вода, и даже газ. Правда, газ из баллонов. - Сейчас я ворота открою. Заезжайте прямо во двор - места хватит.

Я вышел из машины и распахнул ворота. Джип, а за ним и фургон вползли в мой просторный двор. Действуя по привычке, я начал было закрывать ворота, да бросил, сообразив, что теперь это ни к чему. Пассажиры джипа вместе с водителем высыпали из салона. Эти спортивные ребята сидели без движения довольно долго, поэтому все как один тут же принялись разминаться: топтаться, подпрыгивать и потягиваться, чтобы восстановить подвижность суставов и быстроту реакции. А двое подбежали к забору, торопясь опорожнить мочевые пузыри. Глядя на них, Лурье тоже обозначил нечто вроде полуприседания и деликатно поинтересовался:

- А где у вас тут... удобства?

- В доме, - с готовностью ответил я. - Я вас провожу.

- Да нет... - начал было Лурье, но тут же передумал: - Хорошо!

- Но сначала давайте выпустим моих клиентов, - предложил я.

- Конечно!

По его знаку «ангелы» побежали открывать фургон. Через пару минут семья Петровских с вещами стояла у крыльца. Они зябко ежились и озирались по сторонам. Тем временем я отпер дверь (один из «ангелов» находился рядом, внимательно наблюдая за каждым моим действием), вошел в прихожую и включил свет в доме и во дворе.

- Проходите, господин Лурье, - радушно позвал я. - И вы, господа, тоже!

Мое приглашение относилось и к Петровским, и к «ангелам». Петровский шагнул было, но один из «ангелов» его придержал.

- Подождите малость!

- Туалет прямо и направо, - сообщил я Лурье. - Прошу, осматривайтесь!

Вслед за Лурье они толпой ввалились в дом. Не пошли с ними лишь водитель фургона и тот парень, что ехал с ним в кабине. Они стерегли нас. Входная дверь оставалась распахнутой, и я с болью в сердце слушал, как по светлым, чистым полам моего дома топают грязные башмаки гостей, которых я сюда не звал. Обыск продолжался не слишком долго. Уже минут через десять вся компания, включая самого Лурье, появилась на веранде.

- Че-то я не понял, - сказал старший «ангел». - И где они тут будут жить? Там в одной комнате всего пара матрасов на полу и ни хрена больше нет.

- В самом деле, господин Белов, - поддержал вопрос Лурье.

- А почему вы решили, что мы здесь собираемся оставаться?.. И вообще, к чему эти вопросы? Все-таки это мои клиенты, не ваши. После того как вы уедете, мы как-нибудь разберемся сами.

Старший хотел что-то сказать, но Лурье жестом его остановил.

- Ладно, в конце концов это ваше дело. Так где документы?

- Сейчас принесу. Но, может быть, вначале все-таки я проведу в дом моих гостей?

Боевики переглянулись с Лурье и друг с другом, но возражать не стали. Мы с Петровскими подхватили сумки и вошли в дом. Через открытую дверь за нами наблюдали «ангелы». Я провел семью Петровских через холл в комнату с матрасами, самую просторную в доме, и закрыл за ними дверь, после чего вернулся в прихожую,

- Извините, господа, - сказал я. - Теперь поступаем так, как договорились. Ждите ровно пять минут. Дверь я прикрою, но запирать не буду. Только пять минут!

На лицах «ангелов» ясно читалось презрение к моим маневрам, они даже не пытались его скрывать. Двое боевиков побежали вокруг дома, видимо, чтобы пресечь мою попытку ускользнуть из окна одной из задних комнат. Но старший «ангел» не особенно беспокоился, и я его прекрасно понимал. Через пять минут, когда бумаги окажутся у них в руках, никто не запретит им вытряхнуть из меня все прочие секреты и вообще все, что угодно. Отсюда мне никуда не уйти. По моему лицу Лурье давно догадался, что все это я понимаю. Имитация честной игры могла прерваться в любую секунду, и этого я должен был избежать любым способом. Мне действительно очень нужны были эти пять минут.

Некоторое время адвокат смотрел меня то ли со скукой, то ли с удивлением. Наконец он повернулся к старшему «ангелу»:

- Сергей, пусть идет. Пять минут ничего не решают.

Я осторожно притворил за собой дверь. Неторопливо прошел через прихожую и холл в комнату, где меня ждали Петровские.

- Вот теперь все делаем очень быстро! - сказал я.

* * *

Мы действительно протиснулись через Дверь с невероятной скоростью. Ради нее я и построил свой дом. Обозначавшая ее серая, мерцающая вуаль висела посреди комнаты - как странно, что кроме меня ее никто не видел!

- И что теперь? - нервно сказал Петровский, когда мы оказались внутри кластера.

Женщины оглядывались, маленький с азартным воплем кинулся на приступ пружинящей туманной стены и совершенно довольный повалился на пол, получив ответный мягкий толчок.

- Здесь же почти ничего нет! - нервно сказала жена Петровского.

Я испытал смущение. Действительно, это кластер предназначался

лишь для меня одного и обставлен был весьма скромно. На гостей я просто не рассчитывал.

- Мы что-нибудь придумаем, - пробормотал я.

- Вы мне не ответили! - возвысил голос Петровский. - Мы просидим здесь, сколько сможем, потом вернемся в ваш дом - и что дальше?

- Дома, скорее всего, уже нет, - с грустью сказал я.

- В каком смысле?

- Когда они обнаружат, что мы исчезли, мой дом разберут по бревнышку. А что останется, сожгут.

- Но... мы здесь?

- Да успокойтесь. Мы здесь ничего не заметим. Петровский замолк, осмысливая услышанное.

- И что же дальше? - тихо спросил он.

- Вот это-то мы и должны обсудить сейчас...

* * *

Только два кластера из известных мне отличались от остальных. И отличие этого, второго, было удивительным. Вообще, этот кластер следовало бы назвать первым. Именно в нем я спрятался от своих детских врагов. Я провел там всего несколько минут, а когда вышел и добрался домой, то встретил насмерть перепуганных, измученных родителей, разыскивавших меня по всей округе вместе с соседями и милицией больше полутора суток. Тогда еще я ничего не понимал и потому был напуган не меньше родителей. К стене старого склада я не возвращался очень долго и даже пытался выбросить из памяти воспоминания о произошедшем. Понимание пришло позже.

Во всех кластерах течение времени было немного иным, чем в нашем мире, но в этом особенно. В первом из открытых мною день равнялся году, и когда много лет назад я полностью осознал, какими возможностями теперь располагаю, меня охватил восторг. К счастью, я не поддался незрелому желанию немедленно устремиться в будущее. У меня хватило здравого смысла оценить величину неизбежных потерь. Впрочем, совсем избежать глупых ошибок мне все же не удалось.

Я зашел в этот кластер еще один раз. Случилось это в пору юношеской любви - яркой, пылкой, неумелой, когда чувство настолько велико, что управляет тобой, лишая разума, побуждая совершать неразумные поступки, одинаково причиняющие боль и тебе, и партнеру. Я ушел в кластер, чтобы скрыться из жизни на месяц. С безумной самонадеянностью я решил, что мое внезапное и таинственное исчезновение заставит мою любимую не только страдать, но и многократно увеличит ее чувства. Она поймет наконец,

что я для нее на самом деле значу, и пожалеет о причиненных мне обидах, большую часть которых я сам и придумывал.

В тот раз я ошибся в расчетах: проведенные в кластере несколько часов обернулись не месяцем, а шестьюдесятью четырьмя днями. Но я ошибся и в главном, потому что когда выбрался наружу, обнаружил, что мир почти не заметил моего демонстративного отсутствия и не считал его таинственным. Мои друзья при встречах припоминали, что не видели меня довольно давно, и вежливости ради интересовались, где это я так долго пропадал. А моя любимая была с другим...

Тогда, пережив и перемолов горечь утраты, я решил, что этот кластер станет для меня спасательным кругом только тогда, когда не будет иного выхода.

Прошли годы. Когда стало возможно, я купил участок земли с заброшенным складом, снес его и построил дом. Желания укрыться в кластере ни разу не возникало. Жизнь моя протекала довольно ровно. Конечно же, не без неудач и огорчений, однако юношеские мысли спастись от них бегством во времени мне в голову не приходили. А теперь кластер спасал меня не от глупых намерений, а от вполне реальных и смертельно опасных врагов.

- Время в кластере течет медленнее, чем в нашем мире примерно в четыреста раз, - заканчивал я свои объяснения. - То есть один проведенный здесь день равен году. У меня тут есть запас пищи и воды, он не очень велик, но его хватит, чтобы о нас забыли. Трех или четырех лет объективного времени (для нас они протекут за четыре дня) будет вполне достаточно.

- Четыре года... - повторила Вика. - Вы хотите, чтобы мы вычеркнули из своей жизни целых четыре года?

- Из вашей жизни вы вычеркнете лишь четыре дня, - терпеливо сказал я. - Четыре года минуют там, а не здесь. Впрочем, я могу вывести вас отсюда, когда снаружи пройдет только месяц - для этого нужно подождать всего полтора часа. Вопрос в том, что вы станете делать дальше? Месяц - слишком короткий срок для обретения безопасности. Не думаю, что наши враги так быстро о нас забудут. Лично я рисковать не собираюсь...

Тут они принялись громко спорить. Не со мной - друг с другом. Я не вникал в суть разногласий и демонстративно отошел в сторону. Маленький Петровский переводил вытаращенные глазки с одного из спорящих на другого, потом не выдержал накала страстей и тихонько заныл. Не прекращая спора, мать подхватила его на руки и вытерла мордашку платком. Как ни странно, он перестал плакать. Сидел тихо, слушал, склонив к плечу матери голову, и посапывал. Через некоторое время спор завершился.

- Так что вы решили? - поинтересовался я. - Между прочим, пока вы совещались, в нашем мире прошло четыре дня.

- Четыре дня? - Петровский осмысливал услышанное. - Четыре дня!..
- Если наши враги терпеливы, то устроили в доме засаду. Но больше недели все равно вряд ли вытерпят. Так что я рекомендовал бы подождать еще полчаса.
- В этом нет необходимости, - твердо сказал Петровский. - Мы решили последовать вашему совету. Мы остаемся...

* * *

В итоге мы провели в кластере целую неделю. Не скажу, что она прошла легко. Две женщины, привыкшие к жизненному комфорту и не слишком - друг к другу, частенько срывались, ссорились между собой и с нами, и тогда Петровский принимался терпеливо их успокаивать, улаживая разногласия. Нам приходилось экономить пищу, установив довольно жесткий рацион. Наедался вволю только маленький. Каждый из взрослых за эту неделю несколько потерял в весе, что, полагаю, пошло только на пользу. Из развлечений я мог предоставить лишь небольшую стопку детективов и легких романов, которые не глядя купил когда-то на книжном развале. Деваться было некуда, заняться больше нечем, поэтому в конце концов перечитали их все.

Мальчишка иногда капризничал - ему больше всех наскучило сидеть взаперти.

Настали час и минута, когда мы вернулись в мир, встретивший нас ярким солнцем и летним теплом - видимо, я снова немного ошибся в расчетах. Дома моего, конечно же, не существовало. Он сгорел дотла, и пепелище давно уже закрылось высоким бурьяном. Мне было жаль своего дома, хотя я так и не успел к нему привыкнуть. Самое главное, что вокруг нас вновь был наш мир. За прошедшие годы он наверняка переменялся, он просто не мог и не должен был оставаться прежним. В худшую или лучшую сторону - это нам предстояло узнать.

И каждый из нас очень надеялся, что не испытает разочарования, когда познакомится с ним...

РИЧАРД ЛОВЕТТ

ДЖАК И БОБОВЫЙ СТЕБЕЛЬ

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Лучше бы родители не называли его Джек^{*14}. Тем более в тот год, когда начали возводить Бобовый стебель. Во всяком случае, именно так он говорил всем, кто интересовался его именем. Названный в честь приключения, он с детства был одержим ими - глядя, как поднимаются и спускаются краулеры, и зачитываясь историями о Мэллори, Шеклтоне, Бёртоне, Тенцинге^{**15} и всех-всех, кто отправлялся туда, где людям быть не полагалось.

«Это невозможно, - говорили ему все. - На это уйдет вся жизнь».

«Нет, - возражал он. - Только часть жизни».

¹⁴ * Джек (Jak) - редкий вариант написания имени Джек, героя сказки «Джек и бобовый стебель». (Здесь и далее прим. перев.)

¹⁵ ** Джордж Герберт Ли Мэллори (1886-1924) - английский альпинист, предпринявший попытку восхождения на Эверест. Его тело было найдено в 1999 году на высоте 8155 метров. Эрнест Генри Шеклтон (1874-1922) - исследователь Антарктики. Ричард Фрэнсис Бёртон (1821-1890) - британский путешественник, писатель, поэт, переводчик, этнограф, лингвист, гипнотизер, фехтовальщик и дипломат. Тенцинг Норгей и Эдмунд Хиллари первыми побывали на вершине Эвереста в 1953 году.

Вопрос был в том - какая часть.

Верхушка Стебля, откуда стартовали челноки на Марс, находилась на высоте 65 000 километров. Но с учетом центробежных сил добраться туда было равносильно подъему по одному склону горы и спуску по другому. Достаточно просто подняться к станции «Высокая база». Геостационарная орбита - всего 35 786 километров.

Сколько уйдет времени, чтобы вскарабкаться на 35 786 километров? Наверняка вся жизнь, если ползти, как какая-нибудь космическая муха, перехватывая руками опоры. Вся жизнь, если взбираться по бесконечной приставной лестнице - вроде подъема на радиомачту, который он проделал в шестом классе. Двести сорок метров подъема в режиме «сорвешься - умрешь», а внизу ждет полиция, чтобы арестовать, как только спустишься. Все парни в известном возрасте совершают безрассудные поступки.

Полицейские не спросили, кто подбил его на такой рискованный поступок, поэтому ему не пришлось ничего выдумывать. Он пообещал больше этого не делать и все лето косил лужайки, чтобы заплатить штраф, предъявленный родителям. Но не сказал полицейским, что «это» в его обещании относится лишь к радиомачте. А взбираться на другие вершины? Так нечего было называть его Джакком!

Все же Бобовый стебель стал для него реальной целью только тогда, когда он узнал, что на руках нужно подниматься лишь первые три километра. А дальше начиналась лестница.

Ее смонтировали еще при строительстве - как аварийную, на случай если вдруг сломается краулер. За все время строительства краулеры ломались лишь дважды, и оба раза их удавалось починить за несколько часов, но поначалу все технологии были экспериментальными. Застрявших рабочих проще всего было выводить через доки снабжения, куда доставляли материалы для каждого нового сегмента, и быстрее всего к доку можно было подняться по лестнице.

Уже ненужная и всеми позабытая аварийная лестница осталась как трудноудаляемая часть хорошо сбалансированной конструкции. Чего же лучше: в каждом доке имелось аварийное убежище, через каждые пять километров, и способное вместить восемь человек. Правда, Джек побывал в сходных жилищах, когда прошел туристический маршрут по Исландии, и с тех пор знал, что «способное вместить восемь человек» означает «набить, как селедок в бочку». Но одному там будет очень даже уютно.

И все же 35 786 километров - это очень много лестничных пролетов. Пять километров в день - эквивалент ежедневного подъема на гору Маттерхорн, чуть больше 7000 дней. Не вся жизнь, но очень весомая часть.

Потом он прочел о соревнованиях по подъему на «Эмпайр стейт

билдинг». Вертикаль в пятую часть мили победители преодолели за десять минут. То есть на пять километров уйдет два с половиной часа. Вряд ли удастся выдержать такой темп, но уж втрое медленнее он подниматься наверняка сможет. А это означает десять километров за день, особенно если установить для себя сутки длительностью в двадцать пять или тридцать пять часов.

Теперь срок подъема сократился до десятой части жизни. Ненамного дольше, чем два полета к Марсу и обратно. Пилотам челноков потратить такую часть жизни, дрейфуя между планетами, - обычное дело.

Далее он сообразил, что задача еще легче, чем кажется. По мере подъема сила тяжести будет уменьшаться. Причем достаточно быстро, и на высоте 6400 километров она составит лишь четверть земной. И усилия, потраченные на первые десять километров, позволят здесь подняться на сорок. Не говоря уже о центробежной силе, которая тоже работает в твою пользу, потому что Земля раскручивает Стебель наподобие огромного мяча на веревочке. Вот почему на станции «Высокая база» наступит невесомость, а если лезть дальше, то доберешься до точки, откуда в межпланетное пространство запускают марсианские челноки. «Готов поспорить, что смогу добраться до станции «Высокая база» за два года», - подумал он.

* * *

Привести тело в состояние, необходимое для подъема на 35 786 километров, поразительно легко. Фактически даже легче, чем для восхождения на «Эмпайр стейт билдинг». Потому что в нужную форму приходишь по ходу экспедиции. Ну и что с того, если первые несколько недель будет тяжело? Ведь, тренируясь, все равно будешь подниматься.

А вот на что уйдет много времени, так это на получение допуска.

Задача стала бы легче, окажись Джек знаменитым альпинистом, за плечами которого смертельно опасные восхождения в Гималаях, Андах или Трансантарктике. Но он был обычным парнем с не совсем обычной навязчивой идеей. Поэтому для начала он двинулся старомодным путем, обходя издателей и производителей снаряжения и пытаясь убедить их, что если они раскроют перед ним сердца и не дадут ему помереть два года, ну, максимум три, то это окупится сторицей. Одна проблема - им придется вырвать разрешение на подъем у начальства Стебля.

Фокус не сработал. Если какой издатель и снисходил до ответа, то суть сводилась к словам: «Сперва поднимись, а уж потом обращайся к нам». Невысказанный подтекст: «У тебя ничего не получится. Через

неделю, месяц или год ты сбежишь обратно на краулере. Даже если это возможно, у тебя кишка тонка».

Логистика оказалась не менее удручающей. Человеку, не занятому тяжелым трудом, требуется примерно пять килограммов пищи, воды и кислорода в сутки. Для подъема может понадобиться вдвое больше. Если умножить это на годы, то речь пойдет о тоннах. Ему необходимо часто пополнять запасы. При наличии спонсора это просто. Нужно лишь раз в неделю посылать несколько килограммов груза и оставлять его в доке снабжения. А без спонсора это не просто обойдется в целое состояние - внизу может не оказаться человека, который проследил бы, чтобы он все получил вовремя.

Впрочем... Корпорации «Бобовый стебель» принадлежал выдающийся рекорд по строительству без происшествий и несчастных случаев. Большинство убежищ никогда не пользовались, и они до сих пор полностью оснащены. На восемь человек. На срок до месяца. Там найдутся не только пища, вода и сжатый воздух, но и комплекты для ремонта скафандров, медикаменты и прочие жизненно важные вещи. Не будет лишь вина, чтобы запить обед. И, наверное, чтива. Ну, это исправить легко: надо лишь залить в читалку побольше книг. «Войну и мир». Наконец-то у него появится время одолеть эту эпопею.

Конечно, Джаку придется «одолжить» эти припасы. Ему полагалось бы испытывать чувство вины, но раз никто до сих пор ими не воспользовался, то они вряд ли кому понадобятся. Не говоря уж о том, что он будет один. Мышь и та нанесла бы большой ущерб этим запасам. Джак - космическая мышь. Ничего, это его не напрягает.

Правда, ему понадобится кое-какое особое снаряжение, а его придется покупать самому. И еще ему нужно как-то подобраться к Стеблю... и успеть забраться достаточно высоко, прежде чем его обнаружат, чтобы к тому времени пресса оказалась на его стороне.

* * *

Для начала он решил заняться проблемой снаряжения.

В колледже он сдал в поднаем свою съемную квартирку. Всю, кроме стенного шкафа. Четыре года он спал, учился, ел и - до той степени, до какой с ним соглашались иметь дело - развлекал подружек в гардеробном шкафу. Его считали парнем со странностями.

Слава, богатство и друзья появятся позже. Он даже прикидывал, какой актер сыграет его роль, когда по его книге снимут фильм. Какой-нибудь делающий успешную карьеру бабник, решил он. Но это будет означать, что парню понадобится подруга. Значит, она будет взбираться вместе с ним. А может, ее запрут в краулере, и она станет заложницей террористов. Прекрасная девушка в соблазнительно

облегающем и почти прозрачном скафандре. Чтобы было чем искушать парня, прожившего жизнь в шкафу. А затем уговорить раскрыть секреты...

Он очнулся, стряхнув грезы. Он решился на это дело не ради славы, богатства и друзей. Ладно, девушка ему бы не помешала. Но настоящей причиной был Мэллори. «Потому что это там». Потому что это можно сделать... может быть. Потому что до него никто даже не пытался.

Потому что если он не попытается, то станет жалеть всю оставшуюся жизнь.

Скафандр можно раздобыть за пару тысяч долларов. Но мечта о фигуристой спутнице подсказала, что ему нужен марсианский комбинезон - облегающий, гибкий, защищенный от проколов и устойчивый к радиации, но легкий. За четыре года жизни в шкафу он отложил лишь четверть стоимости такого комбинезона. Значит, ему нужна работа.

* * *

Поступив в колледж, он все никак не мог решить, какую профессию выбрать. Специалиста по подъему на космический лифт в каталоге не было. Спортивное образование помогло бы приобрести необходимые навыки. Но ему требовался доступ к Стеблю.

В конце концов он решил не класть все яйца в одну корзину. И выбрал две специализации - криминология и испанская литература, решив, что его намерения не окажутся слишком очевидными, когда он попытается устроиться в службу охраны Стебля в Эквадоре.

Он допустил лишь одну ошибку - подготовился слишком хорошо.

- Почему вы не пробуете найти работу в полиции? - спросил его сотрудник отдела кадров. - Или в ФБР?

Джак выбрал для ответа полуправду:

- Ближе, чем здесь, я к Марсу не окажусь.

Кадровик рассмеялся, но работу Джак получил.

- Вы удивитесь, скольким нашим сотрудникам удалось вытянуть счастливый жребий и улететь, - сказал он. - Если не будете зря тратить деньги, то сможете накопить достаточную сумму лет за пять или десять.

* * *

В службе охраны действительно платили неплохо. А когда стараешься откладывать деньги, то совсем нетрудно жить, как монах. Ему даже не

было нужды скрывать наиболее экзотические покупки. В основном это было снаряжение, которое ему понадобится для эмиграции на Марс.

Когда у Джака только зародилась мечта, охрана Стебля была очень серьезной. Будучи самым дорогим сооружением на планете, Стебель представлял собой и очевидную мишень для террористов. Но проходили десятилетия, и после двух-трех скверно организованных террористических попыток ничего не случилось.

Охрана, не проверенная в деле, - слабая охрана. За несколько месяцев Джак отыскал дюжину лазеек. Отчасти из-за того, что в задачи охраны не входило мешать людям взбираться по Стеблю - она создавалась, чтобы его не уничтожили.

Стебель длиной 35 786 километров имел форму морковки, более тонкой в основании. Центральный ствол, на котором располагались направляющие для краулеров, тянулся на всю длину. Но в трех километрах над эквадорской равниной, у самого основания аварийной лестницы от морковки разбегались десятки корешков-растяжек, расходящихся веером по территории с половину Манхэттена. Любая из них вела вверх, и большинство очень слабо охранялись.

Жаль только, что у растяжек не было лестниц.

* * *

Чтобы придумать, как добраться до лестницы, у Джака ушел год. Самым коротким путем был центральный ствол, но там его сразу заметили бы, на первой же полусотне метров. Не говоря уже о том, что по армированному волокну с наноплетением, прочному и гладкому, как шелк, подняться можно только с помощью присосок.

Значит, оставались растяжки. Они должны гарантировать, что никакое единичное событие - падение самолета, землетрясение, бомба, удар молнии с рекордной мощностью - не сможет вывести из строя весь стебель. Подойти к ним нетрудно. А взобраться?

Первая проблема - небольшая толщина и круглое сечение растяжек. Кривизна их поверхности не позволяла использовать присоски. К тому же растяжки были наклонными. «Кошки» с шипами, как для подъема на деревья, не только повредили бы струну, но и вынудили бы его карабкаться под ней, наподобие альпиниста, поднимающегося на утес с отрицательным уклоном. А это невероятно медленно и неудобно. Он все еще будет там болтаться, даже не приблизившись к цели, когда наступит рассвет и его заметит какой-нибудь идиот с винтовкой.

Значит, ему нужен воздушный шар. Хороший шар легко поднимется на достаточную высоту. Но вот заставить его лететь по траектории, проходящей рядом с лестницей, чтобы он смог на нее перепрыгнуть? Ага, раз плюнуть. Не говоря уже о том, что шар и все, что к нему

прилагается, будут выглядеть на экране радара огромным сигналом типа «что-за-чертовщина?»».

Наконец его осенила одна из тех идей, что приходят внезапно и созревают мгновенно. Он сидел на балконе своей казенной квартирке в садовом кресле (теперь никаких стенных шкафов, потому что важно вести себя нормально), глядя на далекую растяжку и размышляя над проблемой с помощью упаковки боливийского светлого. И тут он догадался.

Ему помогло пиво. И садовое кресло. Был один парень, обеспечивший себе бессмертие в интернете, взлетев на садовом кресле с привязанной к нему охапкой надутых гелием шариков. Джак понятия не имел, удался ли тому парню полет. Или даже существовал ли он вообще, если на то пошло. Главное, Джак понял, что ему не нужен большой шар с гондолой. Ему требовалось поднять лишь себя.

И беспокоиться о доставке шара в нужную точку тоже не нужно. Можно просто сделать петлю вокруг растяжки, и та сама приведет его, куда надо.

Утром и на трезвую голову идея все еще выглядела стоящей. Хотя ему понадобится водород, а не гелий, потому что у водорода подъемная сила вдвое больше. Да, шар все равно будет виден на радаре, но его можно сделать длинным и тонким, а потом закрепить петлями оба конца, чтобы они не отходили далеко от растяжки. Даже если кто и заметит выпуклость, ползущую вдоль струны наподобие змеи, то наверняка подумает, что это какое-то глючное радарное эхо. «Черт, - подумал он. - А ведь может получиться».

* * *

Когда настал великий день, это был обычный день. Или, точнее, вечер.

К старту он был готов уже несколько недель, но его перевели сперва в дневную смену, потом в ночную. Он мот управиться и во время ночной смены, но пересменка подходила лучше. Да, придется дожидаться темноты, а к началу смены уже станет известно, что он пропал. Но у них не будет причин смотреть вверх. Особенно если он оставит пустую бутылку из-под текилы там, где ее легко найти - скажем, на сиденье его грузовичка. Или еще лучше - дюжину пустых пивных бутылок. И оставит дверь машины открытой: они подумают, что он вышел отлить и сейчас где-то валяется, отрубившись... Его для очистки совести поищут, пожмут плечами и решат, что уволить можно будет и утром.

К сожалению, назначения в наружную охрану объявлялись во время пересменки и были по большей части бессистемными. Наверное, чтобы помешать плохим парням подкупать охранников. Теоретически,

если ты не знаешь, где сейчас находится подкупленный охранник, то и нападение труднее организовать.

Кроме того, он не мог заявиться на работу с воздушным шаром и комбинезоном. Их нужно спрятать возле подходящей струны - это можно проделать, только оказавшись единственным охранником поблизости от выбранного места, - а затем ждать, пока его снова не назначат охранять тот же участок. И ему еще повезет, если ждать придется недели, а не месяцы.

И когда случай наконец-то подвернулся, это был обычный вечер. Ни сильного ветра, ни яркой луны. Как раз наоборот: луна была худеющим полумесяцем, восходящим настолько поздно, что он уже заберется достаточно высоко, чтобы его не заметили в ее тусклом свете, а к рассвету он в любом случае достигнет лестницы.

* * *

Все начиналось как по маслу. Несколько раз он уходил днем в пустыню и тренировался надувать воздушный шар. Он четко знал, как закрепиться под шаром. Привязав его, он учился регулировать подъем, добавляя или стравливая водород. Сотню раз проверил расчеты, убеждаясь, что действительно хватит подъемной силы - и водорода. Единственное, о чем он не подумал, - проклятому шару хотелось раскачиваться над растяжкой, в то время как он болтался под ней. Из-за этого направляющая петля цеплялась, тормозя подъем, особенно когда разреженный воздух начал снижать подъемную силу.

Решение оказалось простым, но трудоемким. Кроме альпинистского снаряжения, он прихватил с собой набор разных лент и веревок - всякую всячину, которая могла пригодиться и от которой легко избавиться, если она не потребуется. И теперь он достал из рюкзака кусок ленты, перебросил ее через растяжку и после нескольких неудачных попыток поймал болтающийся второй конец. Держа концы ленты в руках, он теперь мог упираться в растяжку ногами, подтягивать к ней тело и продвигаться вверх прыжками, оставаясь под кабелем. Это очень напоминало подъем на дерево, только без веток.

И еще это было скучно.

Первые несколько прыжков он пытался оценить, насколько продвинулся вперед, но в темноте это трудно сделать. Единственное, что он знал точно, - впереди еще долгий путь.

Чего он не стал с собой брать, так это альтиметра. Хотя тот и весил всего граммов пятьдесят, но это бесполезный груз. Он или доберется до лестницы к рассвету... или нет.

* * *

Часы у него были. Вскоре после полуночи он увидел, как фары автомобиля сменщика ползут через пустыню к будочке охранника, где он оставил собственную машину. Интересно, кто едет на смену? Кто бы это ни был, он или она быстро наткнулся на пустую упаковку из-под дюжины пива, потому что вскоре после того, как фары погасли, внизу заметался луч фонаря - сменщик шел по пивному следу.

И еще Джек прихватил с собой рацию охранника, решив, что может настать момент, когда она понадобится для связи. Он даже приспособил адаптер и теперь мог воспользоваться ею через встроенный в комбинезон маломощный радиотелефон. Но пока что включать ее не было смысла. Узнать, что сейчас о нем говорят, было бы любопытно, но бесполезно. Не стоит зря сажать аккумулятор. Если что-то пойдет не так, рация пригодится, чтобы вызывать помощь.

Но все прошло по плану. Самую серьезную заминку он предвидел: как перебраться с растяжки на лестницу.

Проблема заключалась в том, что шар остановится, упершись в центральный ствол, и Джек зависнет на непреодолимом расстоянии от ствола, равном длине шара. Но в полусотне метров от критической точки он дернул за специальную веревку и освободил передний конец шара. Шар повис вертикально - и теперь стал виден на радаре, но Джек надеялся, что настолько близко к стволу шар не очень заметен. И через несколько прыжков оказался так близко к рельсам для краулеров, что почти мог их коснуться.

В тот момент проходящий мимо краулер мог бы протаранить шар и очень быстро закончить его приключение. Но вероятность этого невелика, к тому же он всю ночь следил за огнями и приближающихся краулеров не заметил. Еще после пары прыжков он смог перебросить кусок тесьмы через рельс. На это ушла дюжина попыток, но все же у него получилось, и минуту спустя он ухватился руками в перчатках за холодный металл. Затем перебрался через ограждение, а шар превратился в быстро сдувающийся кусок ткани, уносимый ветром.

Джек оказался на Стебле.

Где-то наверху его ждало первое аварийное убежище. Земля внизу была тусклым пятном. Космос манил.

* * *

Следующие несколько дней он провел, как на дереве в лесу. Когда никто не увидит и не услышит, как ты взбираешься или падаешь...

Поначалу, добравшись до лестницы и зная, что радио ему больше не понадобится, он слушал его постоянно. Но если о нем кто и говорил, то

уже после того, как он добрался до первого убежища и свалился на койку. У него не осталось сил даже стянуть комбинезон. А это оказалось ошибкой, как он наутро понял. Комбинезоны созданы для длительного использования, но это не означает, что коже не захочется подышать.

Все тело болело. Сперва прыжки под канатом с большой нагрузкой на руки, затем пять километров лестницы... пожалуй, после такого он не смог бы снять комбинезон, даже если бы захотел. Он из последних сил загерметизировал убежище и снял шлем. Но забыл проверить температуру, поэтому первый вдох заставил его потрясенно ахнуть. В вышерасположенных убежищах, по всей вероятности, достаточно комфортно - благодаря подогреву на солнце и незначительному излучению тепла в вакуум. Но здесь, на границе стратосферы, убежище вымораживал наружный воздух - арктические пятьдесят или шестьдесят градусов ниже нуля.

К счастью, внутри было не настолько холодно. Но достаточно, чтобы после первого же вдоха он снова надел шлем. Он так в нем и заснул, добавив наутро ко всем прочим страданиям еще и растяжение шеи. Зато он начал осуществлять мечту, некогда втемяшив себе в голову, что умнее всех. Но почему он больше не ощущает радостного возбуждения? Только из-за усталости?

* * *

С того момента как он добрался до лестницы, подъем стал чем-то долгим и расплывчатым. Вперед-вверх, вперед-вверх, вперед-вверх. Каждый пролет - девять ступеней, каждая ступень - двадцать сантиметров, между пролетами - площадочка. И прятаться за стволом, когда мимо проносится краулер - на случай, если кто-то выглянет в окно.

Еще выше ствол станет толще, а пролеты удлинятся. Пока он с каждым пролетом поднимался чуть меньше чем на два метра. Немного более 555 пролетов на километр. Почти 2800 пролетов, 25 000 шагов, до первого убежища. Глупо, но он все это уже подсчитал годы назад. Еще глупее, что теперь он не смог удержаться и пересчитывал ступени, даже когда настолько уставал, что был почти готов привязаться к перилам и заснуть прямо на лестнице.

Из всего альпинистского снаряжения он сохранил только ленты - легкие и потенциально полезные. А может, и бесполезные. Все, что ему уже не требовалось, он всегда мог выбросить. Или оставить в убежище. Его внезапно потрясло осознание необратимости каждого решения. Особенно в ситуации, когда никто не знает, где он. Даже рация в какой-то момент полетела вниз, когда он оказался за

пределами дальности связи со своими бывшими коллегами.

Его удивило, что они не обсуждали по радио его судьбу. Вероятно, решив вести себя как одиночка, он слишком в этом преуспел. И теперь его огорчило, что он не стремился завести друзей и все очень легко поверили в разыгранный им спектакль на тему «напился, ушел, заблудился». Он-то думал, что станет посмеиваться наверху, пока его будут искать, а теперь ему казалось, что на него махнули рукой и забыли.

* * *

Второй день он провел в убежище, делая вид (для себя), что восстанавливает силы. На третий преодолел еще 25 000 ступеней, каждая из которых казалась более запоминающейся - в плохом смысле, чем прежняя. Четвертый снова ушел на восстановление сил, но на этот раз он не забыл прогреть убежище, прежде чем снял шлем. Возможно, тренировка на ходу оказалась не столь удачной идеей, как ему первоначально казалось.

Однако на пятый день организм перестроился, и дело пошло легче. К седьмому дню он стал задумываться, сможет ли одолеть 50 000 ступеней. На десятый день попытался это сделать.

К этому времени он поднялся настолько высоко, что небо приобрело средний оттенок между индиго и чернотой, а края диска Земли начали закругляться. Он где-то прочитал, что граница космоса находится на высоте в сто километров. Скоро он ее пересечет, окажется выше первых космонавтов, выше первой космической станции.

И преодолет менее трех десятых процента пути.

И все же он не жаловался и не рыдал. Он дойдет. Из убежища он может связаться с Землей и сказать, что поднимается в космос, и никто не попытается его остановить. Он станет знаменитостью, и горячий молодой бабник сыграет его в фильме.

Но звонить вниз он не будет.

* * *

В один из дней в лестничном пролете вместо девяти ступеней оказалось десять. Теперь между убежищами стало ровно 2500 пролетов.

Существование измерялось усилиями. Шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг. Поворот. Шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг. Поворот. Жизнь свелась к минимальным потребностям.

Раз в неделю он устраивал себе выходной и ограничивал

продвижение только одним убежищем за день. Он никогда не был особенно религиозным, но «на седьмой день он отдыхал» - неплохая идея.

Однажды он пережил первую солнечную бурю. Предупреждений было много: он все время подзаряжал свой маленький коммуникатор и держал его настроенным на нужные частоты. Это жизненно важно: он знал, что вспышки на Солнце будут представлять для него все большую опасность. Когда прозвучала тревога, он понял, что делать: добраться до ближайшего убежища (всегда подниматься, никогда не спускаться) и считать следующий день выходным, независимо от календаря.

Поначалу его приводило в восторг, что он один и путешествует. Он всегда был один, но редко путешествовал. Мечтал, но никуда не отправлялся. Теперь он осуществил мечту, и она подавила все сомнения... лишь иногда, когда лежал один в темном убежище, он видел во сне ищущий луч фонарика. Как этот луч недолго перемещается, а потом гаснет. Навсегда.

Километр следовал за километром, и вот за один день он прошел целых три убежища. Но перестарался. Сила тяжести уменьшилась, но все же не настолько. Пока. На следующий день он устроил себе внеплановый выходной.

Каждое убежище было таким же, как и предыдущее. Даже припасы в них были сложены в едином и неизменном порядке. Сублимированный соевый творог здесь. Растворимый кофе рядом. Почему? Потому что эти пакеты хорошо укладывались бок о бок и занимали минимум места. Порошковый омлет в шкафчике на противоположной стороне помещения. К концу месяца он был готов убить ради разнообразия. Хотя убивать некого, кроме самого себя.

Он иногда задумывался, как поступил бы человек, склонный к самоубийству? Оттолкнулся... прыгнул... а потом долго размышлял об окончательности такого решения? Он никогда не был склонен к самоубийству - и не сомневался, что никогда таким не станет, - но сама идея заставила его содрогнуться. Однажды, когда он совершил ошибку и рассказал однокурснице из колледжа о подъеме на радиомачту, эта так и не состоявшаяся подруга запаниковала в самый интересный момент.

- Замолчи! - воскликнула она. - Когда я оказываюсь на высоте, мне всегда хочется броситься вниз.

Она провела с ним в шкафу одну ночь и никогда больше не возвращалась.

- Ты слишком уж странный, - сказала она. Но имела в виду не жизнь в шкафу, а рассказ о подъеме на мачту.

Позднее Джек искал в Сети, но так и не смог найти научного названия ее реакции на высоту. «Это нормально», - говорили все.

Он заставил себя забыть, что означают эти числа. Научился существовать только «здесь и сейчас». В котором не имели значения ни «будет», ни «было». Где единственной реальностью остались лестницы и убежища. И бесконечные, одни и те же, варианты выбора еды. Съесть ли сегодня «пасту примavera» с сыром и брокколи? «Чили мак» с бобами и морковью? Или двадцать восемь других вариантов, всегда одних и тех же.

Он почти религиозно выбирал их по очереди, пока не начинал сначала. И обязательно по две таблетки мультивитаминов в день - на случай, если в еде не хватает какого-нибудь важного компонента. Но постепенно ему становилось трудно вспомнить, что он ел накануне, и выбор был все более случайным. А может, и не случайным. Возможно, подсознание стремилось получить то, о чем сознание не догадывалось.

* * *

Одиночество ему не мешало. Он к нему привык. Когда атмосфера осталась внизу, у него появились звезды, видимые даже при ярком свете солнца. Звезды наверху, звезды по бокам, звезды на размытом голубом ореоле Земли, где космос встречался с атмосферой, пока межзвездная пустота не начинала тускнеть, мерцать, исчезать.

И еще Земля. Поначалу она была знакомой - мир, каким он его видел из самолета. Затем глобус стал таким, каким его видят метеоспутники. Потом - гигантский сине-белый шар, внушавший благоговейный трепет первым космонавтам.

Он думал, что никогда не устанет от этого зрелища. Но вид не менялся. Под ним был Эквадор. На одном краю горизонта - краешек Африки. На другом - ничего, кроме бесконечного Тихого океана. И как бы высоко он ни поднимался, вид оставался прежним, а все люди, с которыми он решил не знакомиться, неумолимо отдалялись.

Его исчезновения так никто и не заметил. Он шагал по Земле двадцать семь лет, но не оставил на ней следов. Внизу решили, что он напился и ушел в пустыню. Заплутал и умер от сердечного приступа или его укусила змея. И никому он не был нужен настолько, чтобы организовать хотя бы формальные поиски. Когда он поднимется до базы... вот тогда он им покажет. Хотя чем выше он поднимался, тем менее ясным становилось, что именно он им покажет.

Он уже не знал, зачем поднимается. Знал только, что не ради славы. И не ради красоты на другом конце радуги. Однажды он подумал, что поднимается, потому что должен, потому что был рожден для этого. Ну, вроде того, что он был тем, кем был - или кем заставил себя быть. Теперь он поднимался, потому что выход находился наверху. Пока он

не завершит подъем, он не узнает, почему никогда не был счастлив внизу.

* * *

Он никогда особо не интересовался новостями. Если планируешь свалить с планеты на пару лет - или подняться над ней, как в его случае, - то не станешь фанатом текущих новостей. Но сейчас выбор развлечений у него оставался совсем скромным: разглядывать одну и ту же картинку на глобусе под ногами, перебирать по кругу одни и те же мысли, слушать музыку, считать лестничные пролеты или решать, какой голос лучше всего подходит для его книжной читалки - сексуальное контральто, вынуждающее его думать о вещах, от которых он отказался, или хорошо поставленный мужской голос в духе шекспировских актеров... который тоже заставлял его думать о жизни, которую он предпочел не иметь.

А та жизнь, которую он выбрал, стала чередой повторов. Шаг-шаг - шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг. Поворот. Теперь уже одиннадцать ступеней в каждом пролете. Шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг. Поворот. Ритмы, наложенные на ритмы. Лестницы, убежища, дни, обеды, выходной.

И через какое-то время он стал слушать передачи из Сети.

У разговорных сайтов не было ритма. Иногда говорили о футболе. Иногда о поп-певце дня или о скандальном разводе какой-нибудь знаменитости, включающем раздел двенадцати пуделей и утки. Иногда о южноамериканской политике. О последней - все чаще.

Аргентина и Чили никогда не любили друг друга. В девятнадцатом и двадцатом столетиях они минимум трижды оказывались на грани войны. Десятилетиями все конфликты ограничивались словесными перепалками. А потом, как-то вдруг, каждый из президентов стал обвинять другого в том, что тот втайне переделывает в своей стране атомные электростанции с реакторами на быстрых нейтронах в устройства по наработке оружейного плутония.

Насколько Джак мог судить, реальных доказательств этому не имелось, но обе страны располагали технологиями изготовления бомб, а такой тип недоверия отравляет сознание. Границы закрылись. Раздались угрозы эмбарго. Вскоре оказались вовлечены и другие страны. Иран и Ирак. Индия и Пакистан. Индия и Китай. Старые враги и новые соперники. В конце концов Джак от всего этого устал. Это были не новости, а взаимные обвинения, а он не из тех, кто делает текущие новости приоритетом. И он вернулся к сравнению контральто и шекспировских актеров.

* * *

Если бы он оказался на лестнице, когда это произошло, то мог бы потерять зрение. Но ему повезло: он готовил обед, когда прозвучал сигнал тревоги.

Датчики убежища интерпретировали это как солнечную бурю, но никакого предупреждения не было. А раньше даже небольшую вспышку на Солнце предсказывали не менее чем за двадцать часов.

А потом, в отличие от бури, уровень радиации резко повышался и спадал, повышался и спадал, десятки раз за несколько часов. Когда он рискнул выглянуть наружу, то не сразу понял, что смотреть надо вниз.

Земля пылала. Гигантские столбы дыма поднимались на обоих берегах Южной Америки. Рио? Сантьяго? Одной из причин, почему он забросил радиопередачи, стала все возрастающая зашумленность сигнала - ведь никто не собирался излучать его так далеко в космос. Но когда он снова включил приемник, то услышал больше помех, чем могло быть только из-за расстояния. Выпуски новостей выходили нерегулярно и приводили в ужас. Разбомблен Карачи. Уничтожены Мумбай и Шанхай. Эту войну уже называли «пятичасовой». За пять часов погибли сто миллионов. А может быть, и все двести пятьдесят.

Никто не знал, кто начал войну. Где-то взорвалась бомба, и сработал «эффект домино», пока каким-то чудом все не остановилось. Теперь ответственность взяла на себя группа террористов под названием «Возвращение в Эдем». На планете слишком много людей, слишком много технологий, заявили они. И нет ничего лучше небольшой ядерной войны, чтобы вернуть мир к основам.

Реальная группа террористов, или козел отпущения, изобретенный отчаявшимися лидерами, чтобы остановить войну? Кто знает? Если подумать, то какая разница? Идея сработала. Мир не умер. Но был серьезно ранен.

Джек взял выходной, хотя и не испытывал особой усталости. Потом еще пять, на всякий случай. При желании он мог оставаться в убежище больше полугода. Но его жизнью стало движение. Это все, что у него осталось. Шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг. Теперь уже двенадцать. Поворот.

В какой-то момент несколько недель назад Земля из диска превратилась в шар. Шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг. Поворот. Шар, который стал заметно меньше, чем два месяца назад. Шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг. Поворот. Шар, который все еще пылает. Шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг. Поворот. Он уже не бело-голубой. Все больше и больше он становится тускло-коричневым - это дым циркулирует в нижних слоях атмосферы, и темная завеса ползет все выше.

Для этого шара Стебель стал слишком дорогим удовольствием. Джак уже неделями не видел ни единого краулера.

* * *

Однажды Стебель задрожал.

Посмотрев вниз, Джак разглядел ползущие снизу длинные низкие волны - как будто кто-то встряхнул дальний конец веревки. Возвращение в Эдем стало реальностью. Кто-то атаковал Стебель. И страховочные растяжки его больше не удерживали.

* * *

Когда случается худшее, всегда есть одно хорошее обстоятельство: выбор становится простым.

Сотни миллионов умерли - еще сотни миллионов вскоре умрут. С кем-то из них Джак был знаком. Но среди них нет и не будет никого, кого бы он знал. Одинокий в космосе, он был не более одинок, чем прежде, дома.

Стебель никуда не денется. Даже оказавшись без страховочных корешков, гигантская морковка и дальше будет болтаться, пока ее медленно подталкивают случайные силы. Если не считать достаточно быстро прекратившихся колебаний Стебля, в жизни Джака ничего не изменилось. Шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг. Поворот. Изменилась только Земля. Шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг-шаг. Поворот. Теперь уже тринадцать ступеней. Один ритм сменялся другим. Сила тяжести уменьшалась.

Как-то давно, тренируя навыки одиночки, Джак отправился в долгую пешую прогулку по Неваде и увидел, как огонь пожирает заросли полыни в одной из долин. Днем пожар выглядел лишь огромным мазком дыма, заслоняющим горизонт. Но по ночам он оживал со зловещей интенсивностью, когда пламя освещало дым и все это выглядело подобием адских врат. И он собрал в кулак всю волю, чтобы не убежать, хотя до пожара было несколько километров, а смотрел он на него с вершины хребта высотой в три километра.

Здесь, даже через несколько недель после бомб, картина была такой же. Днем дым накрывал Анды, густо растекался над Тихим океаном. Даже в тех местах, где океан и берег все еще были видны, белоголубой мраморный шар стал выцветшим и грязным.

Но по ночам он словно возвращался в Неваду. От адских врат его отделяли тысячи километров пустоты, но было невозможно не представлять, как жар проникает сквозь комбинезон, проплавливая в нем

дыры и покрывая кожу пузырями. Требуя, чтобы он, не сделавший в жизни ничего полезного, не стал единственным, кто избежал судьбы человечества.

Ночи в космосе становились короче по мере удаления от Земли, которая все меньше и меньше заслоняла Солнце. Но внизу длительность ночи не изменилась. Двенадцать часов в тропиках, где бушевали самые сильные пожары. Три или четыре часа лишнего отдыха, который Джаку не очень-то и требовался. Но ему не было нужды мчаться наверх. Подъем стал его жизнью. Конечная точка подъема утратила смысл.

* * *

Сеть давно позабыла о пустой болтовне. Она стонала и ругалась. Паниковала и демонстрировала поразительную храбрость. Но чем дальше, тем больше голоса обсуждали самый серьезный вопрос - выживание. Все пришли к согласию, что их ждет десять лет неурожаев, и минует поколение, прежде чем атмосфера очистится. Потом голоса стали пропадать один за другим. Те, кто нашел способы выживания, не желали ими делиться.

И настал день, когда Джак выключил приемник в последний раз. Война остановилась раньше, чем человечество уничтожило себя, но теперь внизу долгие годы не будет ничего, кроме отчаянной борьбы за жизнь. А у него был 35781 километр Стебля, с месячным запасом пищи, воздуха и воды через каждые пять километров. Этого хватит на сотни жизней - пока он движется вперед. И он выбросил приемник. Символический жест - это была всего лишь микросхема, весящая несколько граммов, но еще и водораздел.

* * *

Теперь его врагом была монотонность. Но она же была и другом. День, ритм. День, ритм. Он поднимался по двадцать километров в день. Потом по двадцать пять, по тридцать. Выходные стали днями полного отдыха. Он понятия не имел, какой прием ожидает его наверху, поэтому торопиться некуда. Если его не захотят принять, он может развернуться и отправиться вниз... а затем подняться снова, через несколько лет, и проверить, не передумали ли они.

Австралийские аборигены когда-то отправлялись в долгие пешие походы. Джак тоже вышел в поход, только по вертикали. Когда-то его жизнь была сосредоточена на цели. Теперь эта цель осталась лишь пережитком прошлого, заменой... он и сам не знал чего. Имелось всего

два направления. Давным-давно он выбрал одно из них. Так почему бы не двигаться дальше?

* * *

Он понятия не имел, сколько у него ушло времени, чтобы добраться до станции. Выбросив приемник, он перестал считать что-либо, кроме собственных ритмов. Пятьдесят недель? Сто? Двести? Тело старело - его не удивили бы и пятьсот недель. Но в космосе нет ни времен года, ни лет. Есть лунные месяцы, если бы он хотел их считать, но он предпочитал смотреть на Луну с вожделением, а не следить за ее изменениями. Жить шаг за шагом, неделю за неделей было вполне достаточно. Особенно когда Земля внизу стала неизменяющимся шаром из дыма. Пожары давно погасли, но теперь дым равномерно распределился, и по календарю ядерной осени стоял глубокий ноябрь. Пятьдесят недель или тысяча... даже если он сможет спуститься, ему там нечего делать.

Если честно, то ему и раньше там нечем было заняться. Джак пожертвовал своей жизнью ради подъема. По иронии судьбы, это сделало его одним из немногих, для кого пища и кров никогда не будут проблемой, пока он не станет калекой или не постареет настолько, что переместиться на несколько километров даже почти в невесомости окажется не по силам.

Настал день, когда он заметил утолщение над верхним видимым концом ствола. В пролетах стало тридцать ступеней, а скоро будет тридцать одна. Станция приближалась - дом для почти тысячи человек. Как они встретят тысячу первого? И помнит ли он, как общаться с другими людьми, как жить по их ритмам?

Он едва не повернул обратно. И остановило его вовсе не то, что внизу его ничего не ждет. Просто он никогда ничему не давал шанса удержать себя. Все эти пустые годы были сами по себе ритмом, который растянулся на единственный и медленный удар.

* * *

Если бы Джак был более общительным, он мог бы потратить какое-то время на репетицию своего появления. А так его прибытие поначалу оказалось разочаровывающим.

Месяц за месяцем пролеты становились все длиннее и длиннее, но не потому что ствол расширялся, а потому что теперь он парил почти в невесомости. Лестницы стали не нужны. Теперь каждый пролет сделался пролетом в полном смысле слова - сетчатой трубой, сквозь

которую, если хорошо прицелиться и оттолкнуться, можно пролететь сто метров до следующей площадки. Точность важнее мускулов - хотя при необходимости сетка делала коррекцию траектории достаточно легкой. Под конец пять километров превратились всего в пятьдесят прыжков, хотя расстояние между убежищами осталось неизменным. Возможно, если учесть общую стоимость Стебля, убежища очень дешевы. Или же проектировщики решили, что среднему человеку и так хватит проблем в невесомости, поэтому для него пять километров до убежища - все еще немалый путь.

Джак давно уже не был средним. Под конец он уже летал. Толчок, полет. Толчок, полет. Иногда легкое прикосновение к сетке. Пять километров в день. Если бы ему захотелось, он делал бы и по сто.

А потом лестница внезапно кончилась.

Или, точнее, уперлась в шлюз.

Он даже не сразу сообразил, что делать. Он привык к дверям, но они всегда находились перед ним. Эта оказалась сверху. Он едва не скрикошетил от нее обратно в сетчатую трубу, но успел ухватиться за поручень.

Он прибыл.

Какое-то время он осматривался. Земля внизу. К ней тянется ствол, исчезая в почти бесконечности. Солнца нет, хотя на планете под ним сейчас полдень. Впервые за... сколько прошло времени?.. солнце заслоняет нечто иное - не Земля и не ствол. Нечто большое, чьи наружные края степенно вращаются, хотя средняя часть неподвижна. Мрачное и зловещее? Нет, просто... новое. Прошло много времени с тех пор, как он позволял себе думать о чем-то новом.

По окружности центральной части располагалось пять причалов для краулеров. Говорят, пентаграмма - плохой знак? Но краулеров там не было. Интересно, где они? Вверху, внизу, внутри? Когда-то он много читал о Стебле, но никогда не видел план станции. Его мечтой было лишь добраться туда. Теперь, когда цель достигнута, мечта как-то съежилась. Ритмы кончились, а что делать дальше, он представлял очень смутно.

В космических станциях двери на замок не запираются. Возле шлюза он увидел кнопку. Ее назначение пояснялось рядом на десятке языков, но Джаку пояснение не требовалось. Неожиданно разволновавшись, он нажал кнопку.

* * *

За шлюзом оказался склад. Огромный в сравнении с любым помещением, увиденным после того, как он покинул Землю, хотя и всего лишь около двадцати пяти метров в поперечнике. Джак как будто

оказался внутри гигантской консервной банки. Повсюду стояли рыхлые пирамиды ящиков, прихваченных тонкими сетками. Здесь, в невесомости, ничего более прочного и не требовалось.

Большинство ящиков имело маркировку «продовольственный склад», и на мгновение Джак ощутил укол боли - даже сильнее, чем когда смотрел на горящую Землю. Его бабушка хранила в подвале запас консервов, тщательно расставляя банки по алфавиту, а не по категориям - тунец рядом с томатами, говядина рядом с горохом. Запас на несколько месяцев «на случай землетрясения», хотя жила она в Индиане.

Он иногда гадал, что стало со всей этой едой, когда бабушка умерла лет двадцать назад. Может быть, так до сих пор и лежит в подвале, дожидаясь, пока ее найдет какой-нибудь бродяга.

Однако здешним сокровищем уже хорошо попользовались. Многие ящики оказались вскрыты и пусты.

От входа начинался проход между ящиками, ведущий к двери - достаточно большой, чтобы сквозь нее пронесли даже самые большие ящики. Очевидно, ему надо туда, но Джак на несколько секунд замер. Он привык к длинным прыжкам в невесомости, и попасть в нужную точку с двадцати пяти метров для него пустяк. Но до сих пор у него всегда имелась страховка из проволочной сетки. Весь путь в 35 781 километр сохранялась опасность очень долгого падения, если он каким-то образом потеряет контакт со Стеблем. А теперь единственным способом попасть куда-то стала потеря этого контакта... и у него ушло несколько секунд, чтобы убедить мозг: «упасть» он может только на дальнюю стену.

Наконец он глубоко вдохнул и оттолкнулся - сильнее, чем требовалось, желая свести к минимуму время перелета сквозь это незащищенное пространство.

И немедленно, как будто по сигналу, кто-то выскользнул из-за ящика. Джак попытался крикнуть, предупредить, но на нем все еще был шлем, и крик оказался глухим и неразборчивым. И все же в последний момент она его заметила.

Миниатюрная азиатка, черные волосы собраны на затылке и сколоты чем-то вроде палочек для еды; Удивленно округлившийся рот. И никто уже не мог изменить курс, пока он, более тяжелый, не врезался в нее и они не превратились в клубок рук и ног.

Теперь завопила она, так громко, что он даже что-то расслышал, и принялась молотить его кулачками. Один из ударов пришелся ему в грудь как раз в тот момент, когда он пытался ее оттолкнуть, и они разлетелись, кувыркаясь, пока он не ударился о ящик. И тут же срикошетил и полетел, как в замедленном кошмаре.

Ей повезло больше, и она ухватилась за строп. Выдернула из волос заколку и принялась ею размахивать, как ножом. Она что-то говорила,

но даже если и по-английски, он ничего не понял.

Затем, как раз перед новым столкновением, она оттолкнулась в сторону, лягнула другой ящик и улетела под углом в направлении того, что мозг Джака упорно продолжал считать потолком. Там она ухватилась за сетку и принялась ждать, тяжело дыша. До него запоздало дошло, что он произвел на нее примерно такое же впечатление, какое вызвали бы зеленые человечки, выходящие из шкафа в его квартире.

В бесконечном ритме лестниц, убежищ, дней и выходных на протяжении всего подъема он никогда не репетировал этот момент. Наверное, никогда по-настоящему не верил, что попадет сюда. Он отпустил свой строп и снял шлем.

- Привет, - хриловато произнес он. Черт, он ведь может говорить. Во время долгого подъема он иногда разговаривал сам с собой. Иногда даже подпевал, когда слушал радио.

Он попробовал снова:

- Привет. - Слово прозвучало, как взрыв, но зато пробило путь для членораздельной речи. - Извини, что напугал тебя.

Она лишь крепче вцепилась в сетку и подобралась для нового прыжка. Теперь, когда он снял шлем, заколка превратилась в реальное оружие.

- Кто ты такой, черт побери?

Он едва не рассмеялся, вспомнив, как его очень давняя фантазия начиналась именно этими словами.

- Меня зовут Джак. - Наверное, следующую фразу произносить не стоило, но Джак не смог удержаться: - Я поднялся по Стеблю.

Ее рот снова округлился, но на этот раз она промолчала. Лишенные заколки волосы превратились в облачко, окутывающее безупречный овал лица: его мечта сбылась. Правда, он представлял на ее месте скандинавскую блондинку. Но иногда реальность бывает лучше мечты.

Он напомнил себе, что был придурком из придурков. Джаком-из-шкафа. А такие не объект мечтаний прекрасных женщин любого типа.

«Наверное, ее волосы покорили меня», - решил он. А может быть, годы одиночества. Может быть, она и вовсе старуха.

Ага, как же.

Он заставил себя отвести взгляд. И напомнил себе, что он крутой Джак. Мэллори, Шеклтон, Тенцинг и Бёртон в одном флаконе. Тот, кто совершает небывалые подвиги. Он показал на дверь:

- Она ведет на Землю.

Или вела... когда-то. Теперь она ведет к тому, что осталось внизу. Оборванные канаты, болтающиеся над Атлантикой? Он уже давно не присматривался к тому, что делается внизу. Земля все еще была грязным, задымленным шаром. Только звезды сияли ясно, сильно и ярко.

И еще Земля была прошлым. Восхождение - настоящим. А теперь, безо всякой подготовки, он очутился в будущем.

* * *

Ее звали Миранда. Как одну из лун Урана. Как предупреждение для подозреваемых преступников. Как шекспировскую героиню. Джак, очевидно, слишком много слушал книжную читалку. Кроме того, ни у одной из этих Миранд не было фамилии Фан.

Она повела его в направлении, которое назвала северо-запад: вверх, а затем наружу.

Туда, где обод станции вращался, создавая силу тяжести.

* * *

По дороге они никого не встретили. Джак не знал, чего ожидать, но уж точно не такого. У корпорации «Бобовый стебель» когда-то имелись амбициозные планы относительно станции «Высокая база». Курортный отель, университет для респектабельных и знаменитых, пансионат для богатых стариков. Не все они осуществились: к тому времени, когда поднимешь наемный персонал на самый верх, обеспечишь питание, проживание и утилизацию отходов, понятие «дешевая рабочая сила» перестает существовать. Не говоря уже о том, как трудно найти людей, желающих отправиться в космос, чтобы чистить ночные горшки, развлекать космических туристов и вкалывать за чаевые. Но отели и гериатрические центры для самых богатых все же приносили прибыль, к тому же имелись еще и Марс, и промышленные предприятия, которые работали в невесомости, перерабатывали сырье и выдавали чудесную нанопродукцию.

По любым стандартам станция была крупной. Ныне почти пустая, она казалась просто огромной, и не только по сравнению с убежищами, в которых он ночевал два года.

- А где все? - спросил Джак.

Миранда остановилась.

- Отправились домой. - Она отвернулась. - Только вряд ли им от этого стало лучше.

- А ты почему осталась?

Помолчала, пожала плечами. Сейчас силы тяжести уже хватало, чтобы превратить ее волосы в спутанные космы.

- А почему не остался ты?

Он начал было произносить очевидное: когда он покинул Землю, там все было стабильно. Но кое-какие признаки, наверное, все же имелись.

Войны не вспыхивают просто так.

Он обращал на политику очень мало внимания. На Земле его ничто не удерживало. Ему нечего было терять, потому что он никогда не был связан с чем-либо, что жалко утратить. У него была мечта, но он никогда не представлял, что будет, когда она осуществится - он просто не осмеливался об этом задумываться.

- Потому что... - Он мог лишь повторить слова Мэллори, а они прозвучали бы слишком затерто. - Просто потому.

Он все отдал мечте, и его ничего не удерживало.

Она все смотрела на него, и внезапно до него дошло, как он должен выглядеть. Волосы он подрезал перочинным ножом. Бороду укорачивал столь же нерегулярно.

Но она видела не это.

- Хорошее решение, - сказала она. Повернулась и повела его дальше.

- Наверное, внизу все уже мертвы.

* * *

Когда умерла мать Джака, он нашел среди ее вещей историю семьи, записанную кем-то за два поколения до него, когда их клан был более многочисленным и теснее спаянным. Записи не обновлялись пятьдесят два года, а это значило, что большинство имен и биографий оказались незнакомы, но все же он скопировал родословную в свою читалку... и забыл о ней, пока мир не взорвался. Позднее, перебираясь из убежища в убежище, он проштудировал ее, гадая, что же узнает (если узнает), изучив свои корни.

Похоже, совсем немного. Его предки жили в Северной Америке с 1720-х годов, а значит, их было много. В истории записи вроде: «Джон Бартоломью Белкин: р. в 1826 в Силвер Спрингс, Пенсильвания; женился в 1847 на семнадцатилетней Грейс Мэри Орнистед; переехал в Канзас в 1849, где стал отцом Титуса, Альмиры, Теодосии, Бенджамина, Тимоти, Люсинды, Роды и Декстера. Тимоти умер в детстве, в трехлетнем возрасте». Остальные, очевидно, выжили, но про них историк семьи лишь сухо отмечал: «Более ничего не известно».

Джак иногда гадал, как выглядело бы описание его жизни в столь сжатом виде? «Родился; окончил колледж; совершил восхождение. Или, скорее всего, просто исчез».

В 1849 году Джонатан Бартоломью отправился в Канзас, должно быть, пешком. То было серьезное приключение, ныне затерянное во времени. А какие еще приключения выпали его детям, прежде чем они столь безнадежно затерялись в тумане времен?

«Более ничего не известно». Это все, что останется от Джака и его

мечты - коли кто-нибудь на Земле вспомнит и напишет про него, если цивилизация возродится.

* * *

На станции жили и другие люди. Семьдесят пять человек, как он со временем узнал. Но в тот момент тот десяток, который Миранда собрала, чтобы познакомиться с ним, равнялся для него миллиону.

На протяжении почти всей жизни Джака люди были просто вещами, проходящими мимо. Которые он мог иногда захотеть понять... когда мог себе такое позволить. Когда они не становились у него на пути. И теперь он не знал, что делать. У людей, которых ему представила Миранда, были современные имена: Аманда и Рэнди, Анатолий и Иоланда, Райана, Кэтрин и Жаклин. Но с тем же успехом они могли быть Альмирами, Теодосиями, Декстерами и Титусами.

* * *

Его определили в группу логистической поддержки - так «по-умному» называлось перетаскивание чего-нибудь с места на место. Молчаливый подтекст такой работы - «сила есть, ума не надо».

Еще в тот первый день ему стало ясно: толстяков на станции нет. Даже людей со слегка избыточным весом. Здесь отчаянно требовалась пища. Биологи и инженеры из всех сил пытались создать самоподдерживающуюся экологическую систему, но станция не для того проектировалась. Энергии хватало с избытком, но все продукты доставлялись с Земли - пока внезапно не потребовалось выращивать пищу самостоятельно... и утилизировать абсолютно все.

Лидером на станции был Анатолий.

- Если мы сумеем замкнуть систему достаточно плотно, то сможем выживать бесконечно, - сказал он. - Энергии у нас больше, чем может когда-либо потребоваться. Газы мы можем добывать, черпая ионы из солнечного ветра или построив новые краулеры и спуская их в достаточно плотные слои атмосферы. Но в первую очередь - еда. Нам нужны работающие баки для выращивания клеточной массы, и много. Генный материал у нас есть: даже в сублимированной моркови достаточно ДНК для ее клонирования в любых количествах. Но нам не хватает времени.

Однако биология - дело медленное, и ужасная лотерея со смертельным исходом неумолимо приближалась. Лотерея, о которой никто не хотел говорить, но альтернативы не видел никто.

Ничего не было сказано прямо, но Джак понял намек. Лишний рот им

совершенно не нужен. Пока он не рассказал им о давно позабытых аварийных убежищах. Более семи тысяч между станцией и Землей. Семь тысяч складов еды для восьми человек на месяц каждый. Для семидесяти пяти человек ее хватит на шестьдесят лет. Не говоря уже о дополнительных запасах на внешнем отростке Стебля, между станцией и марсианскими челноками.

Конечно, не все эти запасы, и даже не большая их часть были доступны. Миранда сказала, что все краулеры вернулись на Землю. Но в пределах легкой досягаемости имелось достаточно пищи, чтобы выиграть время, а Джак знал, как до нее добраться.

* * *

Миранда вызвалась пойти с ним.

При почти нулевой силе тяжести лишь объем ограничивал, сколько они смогут унести, поэтому они сделали огромные мешки, как у Санта-Клауса, способные вместить по 200 килограммов.

Первые несколько ходок были легкими. Отталкивайся и двигайся от одного пролета к другому. Один толчок - и готово.

Но мешки у них были громоздкими.

Это произошло во время третьей ходки, в тридцати километрах ниже станции - настолько они смогли спуститься в течение дня, чтобы к вечеру успеть вернуться. На обратном пути Миранда, несмотря на ее хрупкое сложение, постоянно его опережала, маневрируя вместе с мешком с такой легкостью, как будто занималась этим с рождения. Усталый, недовольный, со слегка уязвленным мужским самолюбием Джак сильно оттолкнулся, потянув за собой мешок. На следующем пролете, не останавливаясь, он снова оттолкнулся - еще сильнее.

Независимо от силы тяжести, инерция двухсот килограммов никуда не делась. Не пролетел он и метра, как ощутил мощный рывок. Его завертело, а мешок оторвался, вращаясь в противоположном направлении и расшвыривая свое содержимое облаком из упаковок с готовой едой.

Миранде это показалось смешным.

А Джаку - нет.

Двести килограммов - это много упаковок. Половина содержимого успела вылететь, прежде чем он сумел поймать его, погасить вращение и затянуть шнурок в горловине. Несколько упаковок он успел поймать, но большая часть уже вылетела через сетку, рассчитанную на то, чтобы не дать выпасть наружу человеку, а не упаковкам сублимированной еды. И вскоре под солнечными лучами заблестели сотни новых маленьких спутников.

Миранда подлетела к нему и положила ладонь на его руку - настолько

легко, что он едва ощутил прикосновение через комбинезон.

- Я занималась этим несколько лет, - сказала она. - Как, по-твоему, все эти ящики оказались на складе? - Ее лицо оставалось невидимым под серебристым щитком шлема. - Знаешь про местный отель и пансионат для пенсионеров? Так вот, я там работала. - Шлем повернулся к звездам. - Все эти пенсионеры, доктора наук... А я смогла получить лишь степень магистра. По океанографии. И единственным способом попасть сюда была работа горничной. - Шлем снова повернулся. - Или таскать ящики.

* * *

Через две недели они отправились в первую дальнюю экспедицию, спустившись на пятьсот километров, а затем систематически перемещая запасы наверх, чтобы очистить сотню убежищ. Более двадцати тонн еды, минус несколько килограммов, которые они оставляли в каждом убежище на случай, если кому-нибудь в будущем понадобится спускаться за еще более далекими продуктами. Почти годичный рацион для каждого на станции и такое же количество столь же доступных продуктов ждет на наружном отростке Стебля.

Их следовало бы считать героями. Но таскать мешки может любой. И они превратились в чужаков, живущих в убежищах размером со стенной шкаф.

- Могла бы остаться горничной, - процедила Миранда, когда они затолкали мешки в убежище после семидесятикилометрового дня. - Их тоже никто не замечает, пока не облажаешься.

Джак задержался, прежде чем войти, взглянув сперва на звезды, потом на Землю. Трудно сказать наверняка, но ему показалось, что океаны выглядят чуточку синее, а облака - чуть белее. На станции он мог обзавестись новым сетевым приемником и слушать новости о том, что происходит внизу. Но не захотел.

Он отвернулся от двери.

- У нас хорошо получается оставаться невидимками, - заметил он и втащил внутрь мешок. - Мы много тренировались.

Миранда развернула свой мешок, напряглась и затолкала его в спальную ячейку. Два других уже заполняли все небольшое свободное пространство убежища. Вскоре им придется начать подъем мешков на самый верх - хотя бы потому, что у них заканчивались пустые.

Миранда напряглась и давила сильнее, пока мешок не втиснулся на место.

- Готова поспорить, тебе было одиноко.

Джак не рассказывал ей о жизни в шкафу или о фонарике, так быстро прекратившем поиски. Он и не думал, что когда-нибудь об этом кому-то

расскажет. Но ошибся. Уж слишком это значительная часть того, что превратило его в нынешнего Джака. Подобного его предкам, которые пересекали пешком континент только для того, чтобы потом исчезнуть в «более ничего не известно».

Но момент еще не настал.

- Ты поднялась сюда одна? - спросил он.

На долгое мгновение ему показалось, что он переступил черту, отпугнув ее. Неужели все кончится тем, что они станут избегать друг друга, работать на разных участках Стебля, прятаться в огромной и почти опустевшей станции? Пространства, чтобы скрыться, там более чем хватало... но не было, куда спрятаться. Наверху нового Стебля нет новой станции. Все, конец пути. Ни фонарика, мигающего в темноте... ни чего-то еще. Чего-то нового.

- Или ты поднялась сюда с кем-то?

Она взяла его мешок и затолкала в другую спальную ячейку.

- Нет. - Она снова надавила на мешок, хотя и так было ясно, что тот никуда не улетит. - Но я встретила здесь парня. Он был специалист по металлургии в невесомости. Лаборатория всего на два этажа выше отеля. - Она помолчала. - Но у него была семья. Внизу. Когда все началось, он вернулся. - Она включила свет, протиснулась мимо Джака и захлопнула дверь с такой силой, что он ощутил это через пол. - А я не любила его настолько, чтобы отправиться с ним.

Она оттолкнулась от двери, нашла кран подачи воздуха, повернула его.

- Нельзя сказать, будто мы не знали, что произойдет. А те из нас, кто остался... У нас не оказалось причин возвращаться. Никого, кто был бы нам настолько дорог, чтобы попытаться его спасти. - Она нажала кнопки на панели контроля климата. Максимальный нагрев. - Может, поэтому мы и похоронили себя во взаимном игнорировании. Все мы здесь - это те, у кого нет лучшего места, куда можно отправиться.

- Вроде меня.

Она резко покачала головой:

- Нет. Мы остались. А ты выбрал нечто иное.

* * *

Той ночью она пришла к нему. Он уже почти заснул, когда услышал движение, ощутил прикосновение кожи к своей коже. В тусклом свете приборной панели ее волосы превратились в темный ореол.

Его губ коснулся палец:

- Помолчи. Это всего лишь то, что есть.

И чем бы ни было то, что произошло, это было намного больше, чем его полузабытый стенной шкаф.

* * *

У них ушло четыре месяца, чтобы очистить убежища на пятьсот километров вниз. И еще четыре, чтобы проделать это на такое же расстояние в противоположную сторону. Двухгодичный запас еды для каждого на станции, а пятимесячный запас уже съеден. Сорок тонн биомассы, которая со временем окажется в утилизаторах. Капля в море по сравнению с тем, что могло быть собрано, если приложить решительные усилия.

Восемь месяцев Джак и Миранда обсуждали будущее. И детей. В экологии, где для появления нового человека не требуется, чтобы сперва кто-то умер. В мире, который не вынужден бесконечно оставаться статичным.

- Мы закончили, - сказал Джак Анатолию, когда последние двести килограммов были сложены на складе, где он впервые встретил Миранду. Они стояли в его офисе, держась за руки. Пара. Дерзкая.

Анатолий то ли фыркнул, то ли рассмеялся:

- Океанограф и охранник. Если не пожелаете носить сюда воду, то даже не знаю, чем еще вы сможете заняться. Защищать нас от инопланетян?

Миранда крепче сжала руку Джака, но голос ее остался спокойным:

- Мы уходим. У вас будет двумя ртами меньше. И можете спросить, не захочет ли кто уйти с нами.

- Куда уходите? - не понял Анатолий.

- На Марс, - пояснил Джак.

Они начали это обсуждать, как только принялись за очистку верхних убежищ. На внешнем конце Стебля остался челнок, готовый к полету. Ну, не совсем готовый, но ждущий. Как и многие обитатели станции, его экипаж вернулся на Землю. Новые пассажиры так и не прибыли. Даже краулеров не осталось - все они спустились на планету. Но почти все оборудование челнока было автоматическим, а у них впереди месяцы на изучение технических руководств.

- И как вы собираетесь туда попасть? - спросил Анатолий.

Миранда улыбнулась:

- Угадай.

* * *

Они не удивились, что никто не захотел к ним присоединиться. Но на станции их ничего не удерживало, а они и в самом деле здесь два лишних рта.

Когда настал великий день, он был обычным. Или, точнее, утро обычного дня.

- У тебя есть что-нибудь, что ты хочешь взять с собой? - спросил Джак.

Миранда покачала головой:

- Ничего.

Они молча прошли через всю станцию, пока не оказались у шлюза возле внешнего отростка Стебля. На этот раз не было даже ищущего Джака фонарика. Он был слишком занят, таская припасы, чтобы завести здесь друзей. А все остальные слишком заняты более важными делами.

Но ему было все равно. Хотя он снова отправлялся в «более ничего не известно».

Может быть, когда доберутся до Марса, они с Мирандой станут первыми, кто поднимется на гору Олимп. Или нет.

В конце концов, это неважно.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Richard A.Lovett. Jak and the Beanstalk. 2011. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2011 году.

Глеб ЕЛИСЕЕВ

ПУТЕВОДНАЯ НИТЬ

Какими только способами сочинители фантастических историй не пытались добраться хотя бы до ближайшего небесного тела - Луны! В длинном списке чудес инженерно-космической мысли есть не только корабли, но и экзотические транспортные средства: всевозможные демонические существа, драконы, стаи птиц... Однако самым прагматичным способом достичь занебесья оказался вариант прямого подъема - по нити или по стеблю, зацепившемуся за нечто за пределами земной орбиты. Попросту говоря, космический лифт.

Традиционно литература вымысла обгоняла науку, которая долгое время даже умозрительно не рассматривала подобный способ путешествия в космос. Пожалуй, первое произведение, где присутствует идея искусственно соединенных друг с другом миров, - это хорошо известная сказка «Джек - победитель великанов», знакомая

также под названием «Джек в стране чудес».

Хотя, конечно, историю паренька, поднявшегося на небо по стеблю волшебного боба, нельзя воспринимать прообразом инженерной идеи. Как и путешествие на Луну барона Мюнхгаузена. «Самый правдивый человек на свете» так описывал первое посещение естественного спутника нашей планеты: «В Турции есть такой огородный овощ, который растет очень быстро и порою дорастает до самого неба. Это - турецкие бобы. Ни минуты не медля, я посадил в землю один из таких бобов, и он тотчас же начал расти. Он рос все выше и выше и вскоре дотянулся до Луны! «Ура!» - воскликнул я и полез по стеблю вверх. Через час я очутился на Луне... Я хотел спуститься вниз на Землю. Но не тут-то было: солнце высушило мой бобовый стебелек, и он рассыпался на мелкие части! Увидя это, я чуть не заплакал от горя».

Однако барон, всю жизнь руководствовавшийся принципом «безвыходных положений не бывает», - не растерялся и вернулся домой не менее остроумным способом: «Я подбежал к соломе и начал вить из нее веревку. Веревка вышла недлинная, но что за беда! Я начал спускаться по ней. Одной рукой я скользил по веревке, а другой держал топорик. Но скоро веревка кончилась, и я повис в воздухе, между небом и землей. Это было ужасно, но я не растерялся. Недолго думая, я схватил топорик и, крепко взявшись за нижний конец веревки, отрубил ее верхний конец и привязал его к нижнему. Это дало мне возможность спуститься ниже к Земле... И вдруг - о ужас! - веревка оборвалась. Я грохнулся наземь с такой силой, что пробил яму глубиною по крайней мере в полмили».

Даже у Мюнхгаузена спуск с небес по веревке все же окончился катастрофой. Поэтому, в отличие от юмориста Э.Распэ, научные фантасты идею подъема в космос по нити долгое время игнорировали, справедливо полагая, что ни одна нитка не выдержит собственного веса и просто оборвется.

Впрочем, один смелый автор все-таки попытался обыграть идею сверхпрочной паутины, способной связать Луну и Землю. Это сделал английский фантаст Б.Олдисс в романе «Теплица». Правда, речь шла об очень отдаленном будущем, где большинство животных вымерло, их экологические ниши заняли сильно изменившиеся растения, а спутник приблизился к нашей планете. Вот в этих условиях и появились на свет гигантские растительные пауки, способные сплести сеть между мирами, по которой можно достичь лунной поверхности. Героям нужно лишь прицепиться к лапе паука, отправляющегося в межпланетное путешествие.

И все же фантастическое построение Б.Олдисса выглядело не очень-то правдоподобным. А между тем еще в 1930-е годы идею космического лифта (вернее, орбитальной башни) высказал К.Э.Циолковский. К сожалению, великий мыслитель в очередной раз

обогнал свое время, и, как в случае с большинством его проектов, на него не сразу обратили внимание. Лишь в бурные 1960-е идея подъемника на орбиту вновь всплыла на страницах советской печати. И, в отличие от многих других НФ-изобретений, появилась не как досужий вымысел фантаста, а в качестве реального предложения отечественного изобретателя. В 1960 году инженер Ю.Н.Арцутанов в газете «Комсомольская правда» высказал идею «небесного фуникулера»: с одной стороны он зафиксирован на Земле, с другой - закреплен на космической станции.

Увы, в поглощенные ракетной гонкой 1960-е годы какой-то скучный и неромантичный лифт на орбиту энтузиазма не вызвал. Пожалуй, единственный заметный отклик на инженерную идею - НФ-картина «Космический лифт» космонавта-художника А.Леонова и живописца-фантаста А.Соколова.

Сам проект казался технически невыполнимым. Как тянуть нить на орбиту? Об этом позднее высказался А.Кларк: «Вопрос, который поставил перед собой Арцутанов, отличался детской непосредственностью, свойственной истинным гениям. Если бы такая мысль пришла в голову просто умному человеку, он тут же отбросил бы ее как величайшую нелепость. Если тело может оставаться неподвижным относительно поверхности Земли, нельзя ли спустить с него трос и таким образом связать Землю с космосом? Но как осуществить эту идею на практике? Расчеты показали, что ни одно вещество не обладает достаточной прочностью. Трос из самой лучшей стали не выдержит собственного веса еще задолго до того, как будут перекрыты тридцать шесть тысяч километров между Землей и синхронной орбитой».

Впрочем, Ю.Арцутанов не огорчился вялой реакции на идею и спокойно продолжал разрабатывать и совершенствовать техническую сторону проекта.

Несколькими годами позже, в 1966-м, похожую идею выдвинули американские океанографы Д.Айзекс, Х.Брэднер, Д.Бэксес и Э.Вайн в статье «Постановка спутника Земли на мертвый якорь». Позднее эту же тему поднял Д.Пирсон в статье «Орбитальная башня: устройство для космических запусков, использующее энергию вращения Земли». Но лишь в 1979 году состоялось воплощение дерзкой идеи космического подъемника на страницах НФ-литературы - в романе Артура Кларка «Фонтаны рая».

Роман целиком посвящен истории создания космического лифта на тропическом острове Тапробана. Под столь экзотичным названием писатель имел в виду хорошо ему знакомую Шри-Ланку, где он проживал долгие годы. Однако, сохраняя этнический и географический антураж острова, Кларк «подвинул» его на восемьсот километров

южнее, так как космический лифт выгодно располагать на экваторе нашей планеты. Поэтому, строго говоря, «Фонтаны рая» - это не только «твердая» НФ, но и «альтернативная география».

Но главное в книге, конечно же, не подобные вольности, а детальное описание возникновения замысла орбитального подъемника и его строительства на вершине самой высокой горы острова Тапробана - Шри-Канды.

Кларк четко и вполне научно обосновал преимущества космического лифта перед постоянными ракетными перевозками грузов на орбиту: «Однако, хотя ракеты стали сейчас наиболее надежным транспортным средством из всех, какие когда-либо были изобретены... они все еще малоэкономичны. Хуже того, их воздействие на природу чудовищно. Несмотря на все попытки контролировать коридоры входа и выхода, шум при взлете и посадке досаждал миллионам людей. Продукты выхлопа, накапливающиеся в верхних слоях атмосферы, уже привели к климатическим изменениям. Все помнят вспышку рака кожи в двадцатых годах, вызванную прорывом ультрафиолетового излучения, а также астрономическую стоимость химикатов, которые потребовались для восстановления озоносферы». Кларк скрупулезно описал, как сначала было изобретено моноволокно для троса подъемника, не рвущееся под собственной тяжестью, а затем подробно и четко представил читателю конструкцию космического лифта: «Общая высота башни должна составлять не менее сорока тысяч километров, причем наиболее опасна нижняя сотня километров, проходящая в плотных слоях атмосферы. Здесь следует бояться ураганов. Башня не будет устойчивой, пока ее надежно не прикрепят к земле. И тогда впервые в истории мы обретем лестницу на небо - мост к звездам. Простая подъемная система - лифт, приводимый в движение дешевым электричеством, - заменит шумную и дорогостоящую ракету, которая отныне будет применяться лишь для дальних космических полетов... Такая башня состоит из четырех одинаковых труб: две для подъема, две другие для спуска. Нечто вроде четырехколейной железной дороги с Земли на синхронную орбиту. Капсулы для пассажиров, грузов и топлива будут двигаться вверх и вниз по трубам со скоростью нескольких сотен километров в час. Поскольку девяносто процентов энергии будет возвращаться в систему, стоимость перевозки одного пассажира не превысит нескольких долларов... По самым скромным подсчетам, лифт в сто раз экономичнее любой ракеты».

Насыщенный техническими идеями и до визионерства конкретно написанный роман произвел глубокое впечатление на читателей. И Кларк вполне заслуженно получил заветный «дубль»: премию «Небьюла» в 1979-м, и «Хьюго» в 1980-м.

Выдающийся английский фантаст тему космического лифта в научно-

фантастической литературе открыл и, по большому счету, закрыл. После «Фонтанов рая» создавать технологически подробный производственный роман о сооружении космического лифта было бессмысленно. Ведь в романе британца использованы практически все возможные повороты сюжета, вплоть до неизбежной драматической катастрофы, произошедшей по ходу строительства и успешно преодоленной конструкторами. Более того, ближе к финалу в мыслях главного героя возникает самый оптимальный путь дальнейшего развития концепции космического подъемника: «Идея не была абсурдной - она не была даже оригинальной. Размеры синхронных станций уже составляли десятки километров, многие были соединены кабелями, простиравшимися на значительную часть их орбиты. Соединить их все и создать таким образом кольцо вокруг Земли было бы технически гораздо проще, чем построить башню, и на это потребовалось бы гораздо меньше материала. Нет, не кольцо, а колесо. Эта башня - всего лишь первая спица. За ней последуют другие (четыре? шесть? двенадцать?) с определенными интервалами вдоль экватора. Когда их все соединят друг с другом на орбите, проблема устойчивости, докучавшая строителям отдельной башни, исчезнет. Африка, Южная Америка, острова Гильберта, Индонезия - все они, если нужно, смогут предоставить места для конечных станций на Земле».

В современной НФ орбитальный лифт играет роль антуражного элемента в тексте, неизбежной детали, возникающей при описании околопланетной астроинженерии в отдаленном будущем. Несколько космических «небесных крюков», находящихся на Земле и Марсе, упоминаются у Ф.Пола в «Кометах Оорта». В качестве обычного способа подъема грузов с поверхности во всех цивилизованных мирах Галактики в романе Т.Пратчетта «Страта» предложена некая «Линия», представляющая собой единую искусственную молекулу исключительной прочности. В романе Д.Скальци «Обреченные на победу» люди не только активно используют на Земле и в космических колониях орбитальные подъемники, но и называют их «бобовыми стеблями» в честь Джека - победителя великанов. А кабина лифта на местном жаргоне именуется «бобовым зернышком».

В других текстах мирная идея механического подъемника в небеса связана с катастрофическими событиями или масштабными преступлениями. Так, в романах А.Рейнольдса «Город Бездны» и Т.Терри «Небесный город» описаны масштабные террористические акты, произошедшие на космических лифтах.

Наиболее детальное развитие темы в НФ после Кларка - это книга «Паутина между мирами» Ч.Шеффилда, где изображено множество подобных конструкций. В другом романе того же автора - «Летний

прилив» из цикла «Наследие Вселенной» - представлены оба возможных воплощения идеи орбитального подъемника: отдельное сооружение, связывающее две планеты («Пуповина»), и целый комплекс подъемных механизмов, идущих с поверхности в космос и объединенных в общую систему («Кокон»). Правда, создали лифты не люди, а инопланетяне - давным-давно исчезнувшая раса Строителей, заполнившая Галактику непонятными объектами космического масштаба. Человечество же эти конструкции лишь эксплуатирует и, возможно, совсем не по назначению.

Нередко идея орбитального подъемника используется в аниме, комиксах и компьютерных играх.

Но в целом к теме фантасты заметно охладели. Например, у А.Громова в романе «Завтра наступит вечность» подобная конструкция, заявленная в начале книги, вскоре оказывается не совсем лифтом, а затем уже и совсем не лифтом... Однако, в отличие от времен автора «Барона Мюнхгаузена», строительство подобного подъемника кажется вероятным и даже почти неизбежным, а потому уже не будоражит воображение. Ныне это дело не фантастов, а инженеров-проектировщиков.

Сейчас проекты космического лифта обсуждаются вполне практически. Американские фирмы даже борются за право первыми реализовать опытные варианты этого сооружения. Появились идеи конструкций, творчески развивающие концепцию Арцутанова, - космический фонтан, пусковая петля («петля Лофстрома»), сверхзвуковой подвес, электромагнитная катапульта и т.д.

А фантасты теперь предпочитают изображать плотные космические поселения на орбите, своего рода искусственную скорлупу, окружающую земную атмосферу. У того же А.Кларка в последних романах из цикла «Космическая одиссея»(например, «2061: одиссея три») описано несколько космических лифтов, связанных со множеством искусственных спутников, объединенных в город на орбите: «И если очень внимательно присмотреться, можно было различить тонкую нить Панамской башни - одной из шести алмазных труб, связывающих, подобно пуповине, Землю с ее рассеянными в космосе детьми, - которая на двадцать шесть тысяч километров протянулась вверх от экватора, чтобы соединиться с Кольцом Вокруг Мира».

Это действительно наиболее логичный путь освоения околоземного пространства. В таком случае оно не превращается в суверенную область, заполненную отдельными искусственными спутниками, нередко стремящимися проводить самостоятельную политику и часто недовольных матерью-Землей (как у Д.Холдемана в цикле «Миры» и у М.Рейнольдса и Д.Инга в «Лагранжийцах»). Возникает единая система, обитатели которой ощущают себя жителями одного, хотя и

существенно выросшего мира. Впрочем, для поддержания связи «верхнего этажа» с поверхностью фантасты уже предлагают использовать не только лифты, но и его модификации. Например, у Д.Симмонса в НФ-дилогии «Илион» и «Олимп» герои попадают на повисшее над Землей экваториальное кольцо при помощи гибрида подъемника и электромагнитной катапульты.

Рано или поздно идея космического лифта будет реализована. Вопрос только - когда? Неужели придется ждать до XXII века, как прогнозировал в «Фонтанах рая» А.Кларк? Или все-таки суперподъемник «Земля - Орбита» заработает уже в этом столетии?

САГА ПРИБРЕЖНОГО ГОРОДА

Грэй Ф.Грин. КЕТОПОЛИС. КИТЫ И БРОНЕНОСЦЫ. Астрель

Информация об этой книге проникала в среду любителей фантастики, как вода сквозь толщу земли: по капле, но беспрерывно. И о романе, и об авторе ходили самые противоречивые слухи. Что ж, если о самом Грэй Ф.Грине по-прежнему мало что можно сказать с абсолютной достоверностью, то мнение о «Кетополисе» теперь способен составить каждый. «Киты и Броненосцы», первая часть эпопеи, наконец-то вышли на русском языке.

Разговоры об агонии классического романа уже успели набить оскомину. Казалось бы, за два последних века усилиями мэтров роман оказался вычерпан до донышка: любая сюжетная коллизия выглядит заимствованием, любой стилистический оборот - цитатой. Удел романиста нынче не очень-то разнообразен: либо штамповать поделки согласно одобренным массовым читателем клише; либо погружаться в

пучину постмодернизма, переходя на язык, понятный от силы сотне-другой посвященных; либо апеллировать к внелитературной оценке своего творчества, делая акцент на «идейности», то есть «историзме», «общечеловеческой значимости» и прочих достоинствах, расположенных скорее в поле общественных наук, нежели изящной словесности.

А можно рискнуть. Выйти за очерченные традицией рамки.

Одного таланта мало: потребуются недюжинная смелость и даже самоуверенность, которая граничит едва ли не с наглостью. Что ж, таинственному автору, известному как Грэй Ф.Грин, не занимать ни первого, ни второго.

Фактически, «Кетополис», сочетая в себе всю атрибутику фантастического метода с изощренной композицией, застыл в том пограничье, где водораздел между фантастикой и мейнстримом может быть проведен разве что издательским волюнтаризмом, как это в свое время произошло, например, с книгами турбореалистов.

Сразу отмечу для осторожного читателя: Грин, кто бы ни скрывался под этим именем, отнюдь не революционер. Каковы бы ни были мотивы, побудившие его на создание «Кетополиса», стремления отменить разом всю предшествующую литературу, дабы на *tabula rasa* начертать свои словеса, среди них нет. Напротив, роман пестрит скрытыми цитатами и реверансами в адрес сонма предшественников - от Гомера до Геймана, а сам автор определяет направление, в котором работает, как «смесь паропанка и виски».

Не пытается писатель (возможно, напрасно) и сломать традиционную линейность повествования. Несмотря на общую фрагментарность, заявленную уже в жанровом определении «роман-мозаика», перед нами отнюдь не совокупность разрозненных фрагментов, которая способна волею читателя сложиться в ту или иную картинку, как у Милорада Павича. Различные элементы подаются в единственно возможном, авторском, порядке, исключая преждевременное раскрытие интриги.

Пожалуй, более всего предложенная игра напоминает те детские наборы, чьи причудливые детали - при должной кропотливости и следовании прилагаемой инструкции - складываются в нечто узнаваемое. В случае с «Кетополисом» ни инструкции, ни даже завлекательного образа конечной «картинки» нет, зато предусмотрен порядок их расположения.

Собственно, попытки показать одни и те же события глазами нескольких персонажей предпринимались неоднократно, да и обилием сюжетных линий публику тоже не удивишь... Однако 15 описаний одного и того же дня, предшествующего Кетопольской катастрофе 31 октября 1901 года, расположенных не параллельно, а

последовательно, - это, пожалуй, ПАТЕНТ. Перед нами полтора десятка вполне самостоятельных историй, совокупно раскрывающих многие (но не все) тайны одного из самых загадочных городов современной фантастики.

Кетополис - столица государства, расположенного на одноименном острове, крупнейшем в Магаваленском архипелаге. Его не стоит искать на современной карте: в реальности романа он находится где-то в Тихом океане, на перекрестке морских путей, примерно между Индокитаем и Гавайскими островами.

Мультикультура, сложившаяся из испанской, голландской, британской, французской, польской, сиамской волн миграции и приправленная розенкрейцерской мистикой, на диво органично вписывается в общеисторический контекст. Немало способствуют этому и мелкие тоскиментари, подобно арабескам, обрамляющие текст. Легкая, едва заметная корректировка - и упоминания Кетополиса появляются, например, в «Острове сокровищ» Стивенсона или в воспоминаниях Виктора Шкловского, а то и в научно-популярных журналах начала прошлого века.

Разумеется, паропанк. Гигантские дирижабли, перевозящие пассажиров и грузы, днем и ночью причаливают к вершине Хрустальной башни; местные механики творят чудеса, создавая из пружин и шестеренок сверхсложные аппараты; гигантские автоматы и шагающие форты патрулируют побережье, а в это время...

Таможенный инспектор пытается перекрыть канал поставки наркотиков в город. Юная звезда кинематографа вычеркнута из жизни, в одночасье забыта и поклонниками, и коллегами. Парочка авантюристов-неудачников скитается по праздничному Кетополису в поисках китового черепа. Ищет пути на далекую родину беглец Циклоп. А в это время в закрытой от посторонних глаз Плетельне под охраной немногословных мужчин плетут свои волшебные сети слепые девушки; безумный Вивисектор, совмещая несовместимое, плодит чудовищ; армия дикарей другого гениального безумца, генерала Остенвольфа, вот-вот покинет джунгли и двинется на штурм, а собравший в своих руках всю власть в Кетополисе Одноногий Канцлер уже завтра готов бросить военную эскадру на уничтожение ненавистных китов...

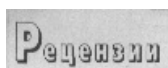
При всем этом «Кетополис» отнюдь не чтение для «высоколобых». По крайней мере, не только для них. Если композиция из предложенных фрагментов и требует серьезного интеллектуального усилия, то каждая составляющая представляет собой законченный рассказ, способный доставить удовольствие любому ценителю фантастической прозы.

Отдельно стоит сказать об особенностях перевода «Кетополиса». Собственно, речь идет не о переводе, а, скорее, пересказе. Дело в том,

что сам автор настаивал, чтобы каждый из фрагментов был переложен отдельным автором. Отсюда и особые требования к тем, кто фактически стал соавтором русского варианта «китовой эпопеи». Полагаю, знатоки жанра будут приятно удивлены знакомству с неизвестными доселе гранями тех переводчиков, благодаря которым «Кетополис» появился на русском.

«Киты и Броненосцы» плыли к читателю более пяти лет. Хочется надеяться, что издательская судьба последующих томов окажется менее подвержена всем надводным и подводным течениям.

Аркадий РУХ

Рецензии

Нил СТИВЕНСОН

АНАФЕМ

Москва: АСТ, 2012. - 926 с.

Пер. с англ. Е.Доброхотовой-Майковой.

3000 экз.

«Анафем» - первый роман Стивенсона, действие которого происходит не в нашем мире, а по соседству, на планете Арб, населенной мирянами и инаками: унариями, деценариями, центенариями и даже милленариями, живущими в матиках и концептах, которые названы именами великих просветителей. На ниве словотворчества писатель поработал изрядно: провенер, аперт, элигер, инбрас, мессал и собственно анафем - лишь несколько авторских неологизмов, с которыми предстоит столкнуться читателю. Благо роман снабжен развернутым глоссарием и даже сборником упражнений.

Обстоятельное знакомство с миром «Анафема» происходит по мере развития действия, и за ширмой средневековья мы обнаруживаем общество высоких технологий. Пространство романа, которое пересекает главный герой, фраа Эразмас, столь же последовательно и постепенно расширяется - до пределов космоса и даже поликосма. Несмотря на внушительный объем, текст очень плотный. Этот роман - концентрат научных идей. В книге представлена история науки от древнегреческих философов и математиков до наших дней и немного дальше. Влияние науки на общество - одна из центральных тем произведения. Поэтому неслучайно автор обратился к выдуманному миру. Он от души играет концепцией «Наука и технологии без

ограничений». Примечателен в этом смысле набор авторских «иконографии» - перечень стереотипов восприятия ученых и научной деятельности обыденным сознанием.

Другая важная тема «Анафема» - пересечение гипотез множественности миров (по Эверетту) и квантовой природы сознания. Вспомнив о расцвете когнитивных наук в текстах Уоттса и Игана, можно заключить, что тема сознания становится новым фронтиром для НФ.

Наконец, книга написана изобретательно и смешно. Не зря же один из героев «Мобильника» Стивена Кинга назвал Нила Стивенсона богом научной фантастики.

Сергей Шикарев

РОССИЯ ЧЕРЕЗ 30 ЛЕТ: ВЫЖИТЬ ИЛИ ЖИТЬ?

Сборник прогностических эссе.

Сост. Д.Володихин

Москва: Воздушный транспорт, 2012. - 256 с.

4000 экз.

Немало людей к футурологии относятся с сомнением. Эта сестрица хиромантии и астрологии в XX веке сумела придать себе лоск респектабельности и прикинуться научной дисциплиной. Поэтому приятно взять в руки сборник текстов, где авторы, понимая истинную сущность футурологии как одного из направлений фантастики, пытаются смело фантазировать о судьбах России в близком будущем. Уязвимость своих размышлений они тоже отлично осознают, к делу подходят без унылой демонстрации собственной значимости. Поэтому столь много в «России через 30 лет» просто обычных фантастических рассказов.

Сборник поделен на четыре части. Первая - «Все рухнуло» - пожалуй, наименее интересная из них: чтобы живописать подробности развала всего и вся, особой выдумки не надо. Впрочем, у С.Шаргунова, Д.Куренкова и А.Гуларяня получились вполне занимательные истории на затертую тему «Конец света в одной отдельно взятой стране». Противовесом выступает раздел «Будущее России лучезарно», в котором А.Меньшиков, М.Москвитин, Ю.Баженов и Ю.Вороненков пытаются вообразить утопию, воцарившуюся наконец-то на Руси.

Наиболее же правдоподобными выглядят прогнозы авторов из раздела «У нас есть надежда», в котором собраны не столько беллетристические, сколько аналитические тексты. В числе авторов немало и фантастов, в том числе Э.Геворкян, А.Тюрин, Д.Володихин, Н.Иртенина. Хорошо осознавая ограниченность самого метода прямой

экстраполяции, они пытаются нащупать контуры приближающегося будущего. Любопытнее других это удалось П.Святенкову в статье «Будущее России: три сценария», И.Гринчевскому в «России через 30 лет» и Н.Иртениной в «Церкви и мире».

В целом сборник удался, включенные в него тексты будоражат мысль и вдохновляют на дискуссию с авторами.

Хотя интереснее будет почитать этот сборник лет эдак через 30.

Игорь Гонтов

Алексей КАЛУГИН

МИР-НА-ОСИ

Москва: Эксмо, 2012. - 448 с.

(Серия «Абсолютное оружие»).

4000 экз.

Изображенный мир - девятимерный, магический и, на первый взгляд, ничего не имеющий общего с нашим. Видимо, поэтому и начинается роман с лекции о различиях между мирами. Алексей Калугин прекрасно владеет приемом гротеска. Вывернув наизнанку реалии нашего бытия, позволяет читателю взглянуть на общество как бы со стороны. Доктор-виртуоз Малахаев, гастарбайтеры-шенгены, Вова и Медведь, Джеймс Бонд, Кафка, Дали - вот лишь некоторые из тех, кого встретит читатель на страницах романа.

Но перед нами все же не фэнтези, а, скорее, сайнс-фэнтези. Магическое кружево причудливо соединяется с элементами социальной НФ.

К сожалению, на фоне узнаваемости и безумства самого мира сюжет выглядит бледнее. Автор параллельно ведет две линии, сталкивая их в финале. Гарантированный хэппи-энд для всех.

Основной сюжет вращается вокруг детективной истории похищения рояля из «Желтого Дома». За расследование берутся, с одной стороны, последний чародей в Мире-на-Оси, а с другой - некая загадочная личность, готовая ухватиться за любую проблему. Впрочем, нанимают ее не столько для расследования, сколько для объяснения появления этого самого рояля на Лысой горе, расположенной на территории Центральной Академии.

Алексей Калугин, по счастью, не впадает в искушение «спасительного» стеба. На ироничном, даже комичном материале он мастерски выстраивает детективную интригу, заставляет читателя двигаться до поры до времени по ложному следу. Но за детективной игрой, густо сдобренной скрытыми и явными цитатами, писатель не забывает поговорить о главном - о нас с вами, обычных «человеках»,

живущих в самом обыкновенном из миров.

Светлана Кузнецова

Феликс Х.ПАЛЬМА

КАРТА ВРЕМЕНИ

Москва: Астрель - Corpus, 2012. - 640 с.

Пер. с исп. Е. Матерновской и др.

4000 экз.

Викторианская эпоха для современных авторов - что-то вроде старого детского сада, в котором давно не меняли игрушки. Воспитанники уходят, а куклы остаются. Здесь и потасканный Влад Цепеш, и Джек-потрошитель, и Человек-невидимка, и знаменитый дуэт, арендующий комнаты на Бейкер-стрит. Читатели по всему миру куда лучше знают географию того «темного» Лондона, чем нынешнего «причесанного» мегаполиса. А уж сколько литераторов стяжали свой хлеб на благодатной умащенной смогом «ниве» британской столицы! От Диккенса и Конана Дойла до Нила Геймана и Сюзанны Кларк.

Новый викторианский замес от мастера коротких историй испанца Феликса Пальмы демонстрирует знакомые черты не раз проверенных в боях героев и мрачную привлекательность многократно использованных подмоштков. Даже знаменитый писатель Уэллс - один из центральных персонажей произведения - выступает в этом амплуа не впервые. В романе «Машина пространства» Кристофер Прист уже использовал отца-основателя НФ, сведя его с героями «Машины времени» и «Войны миров».

«Карта времени» исполнена в духе европейского приключенческого романа рубежа XIX-XX веков. Как обещает автор, в книге есть и приключения с дикими туземцами, и любовные страсти, и мрачные тайны, и причудливые творения человеческого разума. Пальма выкладывает их перед читателем неторопливо и монотонно, как усталый, но хитрый факир, готовящий главное напоследок.

Вопреки восторженным репликам в англоязычной прессе и в Сети, можно сказать, что перед нами средний роман-стилизация, почти во всем вторичный и чересчур пространственный. Это книга, которую можно взять в дальнюю дорогу. Скорее всего, вам хватит и на обратный путь. Куда больше интереса вызвало бы сходное произведение с испанским колоритом, но автор поставил на проверенную лошадку.

Николай Калиниченко

КЛАССИЦИУМ.

Фантастическая антология нефантастической классики

Москва: Снежный ком М, 2012. - 496 с.

3000 экз.

Минувший XX век принес крупнейшие политические и идеологические эксперименты, взлет научной мысли, выход в космос и многое другое. Он подарил литературе непревзойденных мастеров пера, классиков современности.

Любое событие повседневной жизни находит отклик у человека пишущего. Но о чем бы писали, к примеру, Хемингуэй, Маяковский или Гумилев, если бы история XX века пошла иным путем? Если бы человечество намного раньше вышло в космос и добралось, скажем, до ближних планет Внеземелья?

Об этом новый проект издательства «Снежный ком М» под названием «Классициум». В нем умельцы современной российской НФ-литературы взялись творить так, как творили бы классики прошлого столетия, живи они в альтернативном НФ-времени. Иногда им удавалось выполнить эту сложнейшую художественную задачу, иногда - нет. Сборник вышел «пятнистым»: удачи и очевидные провалы соседствуют.

Каждому рассказу предшествует биография автора. Естественно, такая, какой она могла быть, живи классик в этой интересной реальности космодромов и колонизации планет Солнечной системы. Антология делится на две части. В разделе «И ракета взлетит!» представлены стилизации под иностранных авторов. Завершает ее Владимир Набоков. И он же открывает вторую часть антологии - «Жемчужные ворота», где представлены уже российские классики: Горький, Маяковский, Грин и другие.

Из наиболее интересных стилизаций сборника выделим рассказ о летающих марсианских кораблях и корабелях «Смерть займы» Г.Л.Олди, укрывшихся под маской Марии Гинзбург, и историю «И ракета взлетит» Андрея Щербака-Жукова, выступившего от имени Эрнеста Хемингуэя. Это изящный рассказ о настоящих и вымышленных реалиях, с которыми сталкивается человек на Венере. Добрых слов заслуживает и рассказ Юлианы Лебединской «Черный бок Япета», написанный от лица Джека Лондона.

Светлана Кузнецова

Валерий ОКУЛОВ

КАПЕРАНГ ФАНТАСТИКИ

Драматург Александр Островский утверждал: русский писатель должен жить долго, чтобы успеть получить признание. В этом месяце патриарху отечественной фантастики (да и литературы вообще) Евгению Львовичу Войскунскому исполнилось 90! И на творческую пенсию уходить он не планирует. Его литературный стаж - более 60 лет, его жанровый диапазон - реалистическая проза, научная фантастика, мемуаристика. Многие нынешние звезды отечественной НФ справедливо называют его Учителем.

Кстати, у Е.Л.Войскунского в этом году еще один значительный юбилей. Ровно полвека назад состоялся его дебют в фантастике, когда увидел свет роман «Экипаж «Меконга» (1962), написанный в соавторстве с двоюродным братом Исаем Лукодьяновым. Роман этот стал самым популярным в НФ-биографии писателя и, вне всякого сомнения, оставил глубокий след в читательских душах нескольких поколений.

Хотя нынешние тинейджеры, вскормленные Гарри Поттером, скорее всего, не поймут восторга тогдашних подростков, захлеб зачитывавшихся «Экипажем». Время тогда было особенное, романтическое: мечтали о построении коммунизма, но зачитывались при этом штильмарковским «Наследником из Калькутты», беляевским «Человеком амфибией»... Так что ничего странного в том, что в те годы немолодые уже кузены - 35-летний капитан-лейтенант в отставке Войскунский, успевший опубликовать книгу повестей о военных морях, и его 44-летний двоюродный брат «колоссально начитанный» технарь Лукодьянов - решили написать не вполне «советский» приключенческий роман.

«Экипаж» начинается с фразы: «Приятно начать приключенческий роман с кораблекрушения...». Однако сказалась любовь соавторов к фантастике и произведениям Жюль Верна, и появились такие сугубо НФ-темы, как, например, проницаемость материи. Авторы щедро расцветили текст пестрым бакинским бытом, хорошо знакомым им не

понаслышке.

По признанию Е.Л.Войскунского, «писали роман весело, с увлечением». Через два года отправили рукопись в Детгиз и стали ждать ответа. Им повезло: машинописный фолиант попал в руки редактору Аркадию Стругацкому, сразу поддержавшему новый писательский дуэт. Соавторам пришлось немало поработать, но летом 1962 года в серии «Библиотека приключений и научной фантастики» сотысячным тиражом (средненький тираж для тех лет) книга наконец вышла. Еще до выхода внутренний рецензент издательства Юрий Рюриков, литературовед, не чуждый фантастике, писал: «Читается книга с интересом, у которого два основных возбудителя: фантастическая научная проблема, никогда не поднимавшаяся в фантастике, притягивающая читателя своей новизной и необычностью, и сюжет тайн и борьбы. Смелостью и интересностью проблемы, живостью повествования книга примыкает к новому направлению нашей фантастики». Положительно оценил рукопись и самый влиятельный жанровый критик тех лет Кирилл Андреев: «Увлечение, с каким авторы писали книгу, невольно передается ее читателям». Высоко оценили роман и коллеги - фантасты Михаил Емцев и Еремей Парнов: «Читатель забывает о недоверии. Читатель ни разу не усомнился». Образы молодых ученых из НИИ Транснефти вряд ли сопоставимы с «вечными героями» известных приключенческих книг. Но успеху романа в немалой мере способствовали живые запоминающиеся персонажи, а также яркие, иногда пародийные параллели с «Тремя мушкетерами» и обширная эрудиция авторов.

Как сообщает отечественная «Энциклопедия фантастики»: «Стилизованный под жюль-верновскую фантастику роман, соединяющий историческую, морскую, приключенческую и детективную, сатирическую и юмористическую прозу с НФ-романом изобретений и открытий», сразу вывел их в первые ряды советской научной фантастики 1960-х годов.

В феврале 2004 года на «Росконе» Е.Л.Войскунский наконец-то получил свою первую жанровую награду - специальный приз оргкомитета «Большой Роскон». До этого затянувшегося признания достижений была прожита нелегкая, но счастливая жизнь.

Будущий писатель родился 9 апреля 1922 года в Баку. Его отец, участник Первой мировой, после возвращения с русско-турецкого фронта в 1918 году решил остаться в этом азербайджанском городе и встал на постой в доме, где с конца XIX века жила переселившаяся из Минска семья его будущей жены. Был он фармацевтом, но резко изменил все свое существование: закончил филологический факультет и стал преподавать латынь в мединституте.

После школы Евгений, с детства увлекавшийся рисованием, решил

стать архитектором. В 1939 году он поступил на факультет истории и теории искусств Академии художеств в Ленинграде и планировал через год перейти на архитектурный. Но в том же 1939-м появился Закон о всеобщей воинской обязанности, никаких отсрочек не предусматривавший, так что спустя несколько месяцев после совершеннолетия Евгений получил повестку. Никогда не помышляя о многолетней военной службе, в октябре 1940 года он попал в Отдельный восстановительный железнодорожный батальон на бывший финский полуостров Ханко (он же Гангут). Участвовал в строительстве ветки для транспортеров, несших пушки главного калибра, работал в библиотеке и художником в клубе. Командиры были всякие, так что неспроста в одном из романов писателя приведена известная всем служивым поговорка: «На флоте так: стой там - иди сюда». Хотя собственно на флот Войскунский попал только в начале Великой Отечественной...

«Люди выбитого войной поколения не выбирали себе судеб. Те, кому посчастливилось, выжили - формула нашей судьбы», - сказал писатель в полюбившемся многим читателям романе «Кронштадт» (1984). «Недосып, много тяжелой работы. Очень много шума. И гибель... Было голодно, сил не хватало для жизни», но все равно надо было жить: «Всему надо радоваться, братцы».

Со школьных лет одержимый литературным зудом Войскунский осенью 1941 года стал корреспондентом редакции газеты «Красный Гангут». Он участвовал и в обороне, и в десантах. После Ханко - в редакции кронштадтского «Огневого щита», в 1944 году снова оказался в Финляндии. Затем его командировали на военную базу полуострова Порркала-Удд. Военному журналисту Войскунскому присвоили звание старшины I статьи, он был награжден медалями, орденом Красной Звезды (вторую Звезду он получил после победы). И вскоре присвоили звание младшего лейтенанта. Он служил в Пиллау (Балтийск) в качестве журналиста флотской печати, затем политработником Балтийской дивизии подводных лодок в Лиепае. С 1947 года учился на заочном отделении Литературного института имени Горького, закончил его в 1952-м. В 1956 году на флоте начались большие сокращения, Войскунский в звании капитан-лейтенанта (капитана III ранга ему присвоили позже) вышел в отставку и уехал в родной Баку.

В том же году в «Воениздате» вышла его первая прозаическая книга - небольшой сборник повестей «Первый поход». Еще через год пьеса Войскунского «Бессмертные» получила премию на Всероссийском конкурсе, а в 1959-м его приняли в Союз писателей.

Словом, литературная жизнь налаживалась. Но 1960-е оказались для успешного писателя-реалиста десятилетием фантастики: вдохновленные удачным НФ-дебютом Войскунский и Лукодянов

продолжали активную работу в этом жанре до середины 1970-х, опубликовав повесть «Черный столб» (1963), сборник рассказов «На перекрестках времени» (1964), роман «Очень далекий Тартесс» (1968). А повесть «Формула невозможного» даже была экранизирована советским ТВ.

Но если «Плеск звездных морей» (1970), описывающий попытки планетарной инженерии и рисующий панораму коммунистической утопии, цензура приняла благожелательно, то роману «Ур, сын Шама» (1975) не повезло: ретивые функционеры Госкомиздата обвинили книгу в «протаскивании» сионизма и навесили ярлык «вражеская пропаганда». Наступали другие времена...

Последняя совместная книга Е. Войскунского и И. Лукодянова вышла в 1980 году - НФ-роман «образца начала шестидесятых» под названием «Незаконная планета». В создании еще одного варианта желаемого будущего соавторы преуспели: в него начинаешь верить. К сожалению, Исай Борисович, чье здоровье сильно пошатнулось, отошел от литературных дел.

Е.Л. Войскунский еще с 1962 года вел немалую организационную и «воспитательную» работу в области фантастики, сначала на «посту» руководителя Комиссии по научно-фантастической литературе при Союзе писателей Азербайджана, а после переезда в 1971 году в Москву стал одним из руководителей Московского семинара молодых фантастов и знаменитых Малеевок, вошел в Совет по научно-фантастической и приключенческой литературе при Союзе писателей СССР. В течение нескольких лет он был членом редколлегии легендарных сборников «НФ» издательства «Знание», выступил составителем двух выпусков.

Он активно помогал своим семинаристам, а не только делился опытом. В 1983 году написал благожелательную рецензию на рукопись сборника рассказов своих малеевских подопечных Евгения и Любви Лукиных. Но разгромную рецензию на ту же рукопись дал для Роскомиздата Александр Казанцев, нападая не столько на авторов, сколько на рецензента и других «врагов советской фантастики». Войскунский не побоялся вступить в открытый конфликт с главным «номенклатурщиком» советской НФ.

После смерти в 1984 году И.Б. Лукодянова Войскунский надолго ушел из фантастики и возвратился к своим литературным истокам - реалистической и военной прозе. Судьбы людей своего поколения привлекали его куда больше, чем жизнь персонажей «коммунистического завтра». Заметными событиями стали его романы «Кронштадт» (1984), отмеченный премией им. К.Симонова, «Мир тесен» (1990), «Девичьи сны» (2000). Позже писатель сказал: «Душа у меня не на месте... Меня тревожили воспоминания о войне, я понял,

что должен выразить свое поколение». Но даже в этих максимально реалистических романах то и дело выплывают признания в любви к фантастике, которая всегда оставалась любимым чтением Войскунского.

В 1995 году с публикации повести «Химера», основанной на старом рассказе «Прощание на берегу» (1964), состоялось возвращение Е.Л.Войскунского в жанр. В 2000 году в журнале «Если» появилась повесть Войскунского «Командировка», тепло встреченная и критиками, и читателями, а в 2008-м в сборнике «Порох в пороховницах» была опубликована повесть «Девиант».

А как встретили его воспоминания! Началось с «Научной фантастики в Баку» в третьем выпуске ежегодника «Фантастика 2002» - о том «свежем и интересном» времени, когда люди разных национальностей вышучивали, а не резали друг друга. Затем последовала целая серия мемуарных публикаций в «Если»: «Рефлекс поиска» (2007) - о Сергее Снегове, «Новые пути бытия» (2008) - о Георгии Гуревиче, «Остров в океане» (2008) - о семинарах в Малеевке. Последний очерк в следующем году обрел «АБС-премию».

Все эти разрозненные очерки - лишь главы, фрагменты главной книги Е.Л.Войскунского - 900-страничного мемуарного романа «Полвека любви» (2009), над которым писатель работал более шести лет. В любви Евгению Львовичу действительно повезло: почти полувековой счастливый брак, дети, внуки*¹⁶.

Сегодня Евгений Львович в отличной литературной и хорошей физической форме. Он работает над новым романом. По флотскому званию «кап-три», но в литературе - определенно каперанг! Да, жить непросто, когда здоровье уже не то и (по Войскунскому) «само течение времени ускорилося»... «Мне редкостно повезло, - признается писатель. - Я не истлел на холодном грунте Финского залива, не сгорел в огне... Я остался жив - для чего?..»

Вл. ГАКОВ

РУССКИЙ МЕННОНИТ В АМЕРИКАНСКОЙ НФ

¹⁶ * *Сын, А.Е.Войскунский, известный ученый-психолог, пионер отечественной киберпсихологии, крупнейший специалист по влиянию интернета на психику человека. (Прим. авт.)*

В этом месяце мир фантастики отмечает 100-летие со дня рождения одного из столпов англо-американской НФ Альфреда Ван Вогта. Трудно найти в истории западной НФ-прозы другого такого же автора, чье творчество вызывало бы оценки столь полярные - от культового обожания (причем не только в Америке и Англии, но почему-то и во Франции!) до агрессивного неприятия, выраженного лапидарным приговором: «Бред какой-то!».

То, что в конце прошлого века Альфред Ван Вогт оставался одним из немногих живых классиков американской science fiction и ее кэмпбелловского золотого века, не подвергали сомнению даже самые ярые критики этого писателя. Тем более поразительно, что живым классиком Альфред Ван Вогт стал еще в 1940-е годы, едва успев свыкнуться с другим приятным ощущением: называться «писателем-дебютантом». Впрочем, все они, «птенцы гнезда кэмпбеллова» - Азимов, Хайнлайн, Старджон, Бестер, Кларк, стартовали на удивление стремительно: несколько лет в дебютантах - и уже классики!

Хотя, в отличие от литературных «однокашников», Ван Вогт дальше двинулся «другим путем». Писатель-фантаст всю жизнь увлекался разного рода «независимыми мыслителями», к чьим идеям научное сообщество относилось как к явному бреду. И если бы только зачитывался ими, так еще и отчаянно, наперекор всем - читателям, издателям, критикам - пропагандировал эти идеи в своих фантастических романах! Вполне вероятно, что кто-то и сегодня зачитывается его «Слэном», «Миром Анти-А», серией об Оружейниках и «Путешествием космического «Бигля»^{*17}.

Но не признавать, что и эти книги оказали огромное влияние на развитие

¹⁷ * *А никакой не «Космической гончей»! Видимо, нашим первым - самиздатовским - переводчикам-фэнам было невдомек, что так называлось знаменитое судно Чарлза Дарвина, с чьей теорией прямо перекликается сюжет романа. (Здесь и далее прим. авт.)*

американской фантастики, значит грешить против исторической правды. Тем более что достаточно обратиться к его лучшим рассказам «Чудовище», «Зачарованная деревня», «Процесс», и все споры разом прекращаются: классика, что тут добавить!

Будущий писатель НФ родился 26 апреля 1912 года в Канаде на ферме в провинции Манитоба. Насчет того, чья кровь текла в жилах Альфреда Элтона Ван Вогта, споров вроде бы тоже нет: голландская. Хотя предки будущего писателя были голландцами особенными - они принадлежали к религиозной общине меннонитов, которых одинаково преследовали и католические, и протестантские государи. И не просто меннонитов, а «русских меннонитов»! Это не опечатка и не оговорка - так в европейской литературе называют религиозных диссидентов, отколовшихся от «прусско-голландского» анабаптизма и в XVIII веке осевших на южных окраинах Российской империи. А веком позже оттуда же разъехавшихся по всему свету - Старому и Новому...

Поэтому не исключено, что предки Ван Вогта когда-то жили на территории нынешней суверенной Украины. И что известно точно: до четырехлетнего возраста маленький Альфред общался с родителями только на так называемом «плаутдиче» (Plautdietsch - немецко-платский диалект). И подданным США писатель стал лишь после того, как разменял четвертый десяток.

Детство свое сам Ван Вогт считал ужасным, и не потому что семья была бедной. Скорее, наоборот: отец работал адвокатом в солидной компании и по делам службы много раз менял место жительства. Но эти бесконечные переезды, как выясняется, для его сына стали настоящим кошмаром. «Я был как корабль без якоря, уносимый куда-то штормом во тьму. Постоянно искал тихую гавань, а вместо этого снова и снова несся навстречу новым неожиданностям». Любопытное признание для будущего писателя-фантаста...

Позже Ван Вогт вспоминал еще о двух предельно конкретных травмах детства, повлиявших, как ему казалось, на будущее творчество. Во-первых, не смог защитить младшего брата, которого поколотили старшеклассники: сунулся, а ему самому наваляли... А во-вторых, в двенадцатилетнем возрасте был высмеян учителем, уличившим «взрослого парня» в чтении детских сказок!

Теперь ясно, откуда у взрослого писателя и «нетрадиционного мыслителя» взялись все эти идеи об «эволюции каждого человека в сверхчеловека», о «духовном прорыве» к неаристотелевой логике, эти комплексы на грани паранойи («Монстры вокруг нас»). Даже о той же абсолютной монархии, которая представлялась писателю Ван Вогту вершиной социальной эволюции... Короче, живи он тогда в Вене, один тамошний седобородый доктор, конечно, довольно потер бы руки: «А что я говорил!».

* * *

Писателем Ван Вогт мечтал стать с детства, но заняться литературным трудом пришлось по необходимости. В семью пришло несчастье - на сей раз не подростковый комплекс, а самое что ни на есть реальное. Сразу после краха нью-йоркской биржи в октябре 1929-го, вызвавшей Великую депрессию, отец потерял высокооплачиваемую работу в крупной судоходной компании Holland American Lines. Мысли о продолжении учебы в колледже пришлось отложить до лучших времен, и Альфред начал зарабатывать деньги, чтобы помочь семье: трудился на ферме, мелким клерком в статистическом бюро, водил грузовик... Пока не обнаружил, что делать деньги можно и с помощью пишущей машинки!

Разумеется, первые гонорары принесла никакая не фантастика (она вообще редко приносила солидные деньги до начала 1950-х), а литературная поденщина - журнальные очерки (в Америке их называют true stories), любовные новеллы, рекламные статейки, - которую у нас называют «джинсой», и радиопьески. Так что к концу 1930-х, когда Альфред Ван Вогт дебютировал наконец в фантастике, по части литературного профессионализма у него был полный порядок.

Год его дебюта в знаменитом журнале Джона Кэмпбелла «Astounding Stories» стал легендарным для американской science fiction. Потому что в тот год взойшло сразу несколько звезд на «фантастическом» небосклоне: Роберт Хайнлайн, Айзек Азимов, Теодор Старджон, Лестер дель Рей. И Альфред Ван Вогт. В том же 1939-м, кстати, он обзавелся не только первой публикацией в профессиональном журнале фантастики, но и женился на Эдне Мэйн Халл, в соавторстве с которой позже написал несколько произведений (она умерла в 1975-м, после чего писатель женился во второй раз - на пережившей его Лидии Берегински).

Да и сам дебютный рассказ «Черный разрушитель» (ранее был написан еще один и также отправлен Кэмпбеллу, но вернулся от редактора на доработку) ждала судьба необычная. Правда, с перерывом почти в 40 лет...

Дело в том, что история инопланетного хищника, способного адаптироваться к любым условиям - даже проходить сквозь металлические стены! - и планомерно пожирающего экипаж земного звездолета, слишком напоминала сюжет сенсационного фильма Ридли Скотта «Чужой». Настолько, что многие начитанные фэны и критики сразу же увидели в сценарии явный плагиат. Точнее, плагиат сразу на два дебютных рассказа Ван Вогта - «Черный разрушитель» и вышедшие чуть позже «Кровавые раздоры». И хотя сценаристы Дон О'Бэннон и Рональд Шассетт клялись и божились, что написали

оригинальный сценарий, а ранних рассказов Ван-Вогта «в упор не видели», да и тему инопланетного чудовища, пожирающего всех и вся, особенно оригинальной не назовешь, осадок, как говорится, остался. И студия, чтобы не допустить развития скандала в зале суда, вынуждена была улаживать конфликт с Ван Вогтом во внесудебном порядке. «Цена вопроса» в прессе не скрывалась - 50 тысяч, в те годы деньги немалые. Особенно для писателя, не являющегося автором бестселлеров.

Чуть позже обе упомянутые новеллы вместе с двумя другими составили роман «Путешествия космического «Бигля», написанный под очевидным воздействием путевых дневников Дарвина. Эту книгу Ван Вогта многие по сей день считают тем самым произведением, что вдохновило продюсера Джина Родденберри на создание его неувядающего телесериала, а ныне киносериала «Звездный путь»...

Но роман вышел лишь в 1950 году. А в 1941-м Ван Вогт окончательно порвал со службой где бы то ни было (последним его местом работы была своего рода «спецслужба» - правительственное Агентство национальной безопасности, где Ван Вогт трудился мелким клерком), чтобы полностью посвятить себя литературному труду. И перебрался в соседние Штаты, гражданином которых он стал в 1944 году. Потому что к этому времени он уже числился живым классиком американской science fiction, и этот статус принес писателю его роман «Слэн», в 1940-м напечатанный с продолжением у того же Кэмпбелла, а затем вышедший отдельной книгой.

Роман переведен на русский язык, поэтому нет необходимости подробно останавливаться на истории девятилетнего супермена - экстрасенса с двумя сердцами и интеллектом гения - и таких же, как он, экспериментально выведенных сверхчеловеков, которым приходится жить, если не выживать, во враждебном им мире «нормальных» людей. О популярности этого романа говорит хотя бы то, что придуманное автором слово slan (от имени и фамилии «творца» сверхчеловеков - Сэмюэла Лэнна) вошло если не в толковый словарь английского языка, то уж в лексикон фэнов точно. Чего стоит один слоган «Fans Are Slans» («фэны - это слэны»).

* * *

Поселившись в Голливуде - тогда еще «самостийном» городке, позже вошедшем в состав большого Лос-Анджелеса, Ван Вогт вопреки ожиданиям не стал писать киносценарии, хотя место к тому определенно располагало. Он занялся совсем иным делом, огорчившим немалое число его литературных поклонников. Романы он еще некоторое время выпускал, и они хорошо расходились, а в 1947

году по результатам читательского опроса он был признан самым популярным писателем-фантастом Америки. Но вскоре литературный поток превратился в ручеек, а затем и совсем иссяк. Ибо писатель открыл в себе новое призвание - проповедника.

Человек, безусловно, глубоко религиозный, Альфред Ван Вогт не стал проповедовать какую-либо из существующих мировых религий, а постарался обратить блуждавшее во тьме человечество в религию новую. Причем искренне верил, что обращает не в новую веру, а приобщает к откровениям новых наук - неортодоксальных, раздражающих академическое сообщество, но наук! Хотя речь шла о хорошо известных нам сегодня разнообразных псевдонаучных теориях и практиках, лежащих на стыке эзотерики и психологических тренингов и обещающих адептам духовное просветление. Словом, превращение в того самого сверхчеловека, о котором Ван Вогт грезил всю жизнь.

Уже в его ранних рассказах, вошедших в «Путешествие космического «Бигля», мелькнул термин «нексиализм» - так называлась придуманная автором «научная дисциплина», позволявшая землянам изучать поведение инопланетян. Впоследствии Ван Вогт стал горячим сторонником науки, уже реально существовавшей, т.н. «общей семантики», созданной тезкой писателя - американцем польского происхождения Альфредом Коржибски^{*18}.

Что, безусловно, привлекало Ван Вогта в личности автора «общей семантики», так это отсутствие формального научного образования. Коржибски, правда, окончил Варшавский технический университет с дипломом инженера, но в области философии и психологии так и остался просто «независимым мыслителем». Как и прочие «независимые мыслители», идеи которых очаровывали впечатлительного писателя-фантаста. Идеи Коржибски Ван Вогт пропагандировал в цикле романов о мире, где работает «антиаристотелева логика» - «Мир Анти-А» и «Пешки мира Анти-А»^{**19} (в 1980-х, вернувшись в НФ, он написал завершающий роман трилогии - «Анти-А - 3»). Если кто-то что-нибудь понял в этих заумных опусах - респект.

Кстати, первые читатели, такие же пленники «обычной», аристотелевой логики, остались, мягко сказать, в недоумении. И забросали Кэмпбелла обидными для всякого редактора требованиями

¹⁸ * Среди известных последователей Коржибски можно обнаружить целый ряд коллег Ван Вогта во главе с Робертом Хайнлайном и Фрэнком Хербертом, а также гуру поколения детей-цветов писателя Уильяма Берроуза, футурологов Бакминстера Фуллера и Элвина Тоффлера и множество других знаменитостей.

¹⁹ ** На русском языке выходили под более поздними названиями, предложенными самим автором для переизданий: «Мир Нуль-А», «Пешки Нуль-А».

объяснить, «о чем этот роман?». Редактор обещал, попросив всего несколько дней на формулировку ответа, но так и не выполнил обещанного...

Сам же автор не скрывал особенностей своего творческого метода: «Когда я приступаю к работе, мои первоначальные задумки бывают временами настолько неопределенными, что кажется просто невероятным, как из столь щедедушного исходного фантома в конечном счете получается законченное произведение... У меня сложилась привычка включать в ту историю, над которой я работаю, все бродящие у меня в голове в данный момент мысли. Частенько бывало, что они, казалось бы, никак не к месту, но, поразмыслив, я всегда находил тот угол, под которым их можно было использовать...».

А еще Ван Вогт в первые послевоенные десятилетия переболел, как и многие, паранойей на тему «красные идут». Правда, в его реалистическом романе «Преступник» (1962) свободному миру угрожают «желто-красные», поскольку действие происходит в маоистском Китае. И в качестве идеала общественного устройства пропагандировал... абсолютную монархию! Отголоски этой «свежей» идейки можно найти в популярном цикле об Оружейниках Ишера и в других произведениях Ван Вогта, написанных в разные годы.

Но все это оказалось сущими цветочками по сравнению с тем, чем писатель увлекся в начале 1950-х. Точнее, кем увлекся - Роном Хаббардом! И не просто увлекся, как многие, но стал верным адептом хаббардовской дианетики (предшественницы еще более популярной сайентологии). На сей раз роман с идеями очередного «независимого мыслителя» оказался настолько серьезным, что писатель Ван Вогт надолго забросил фантастику и всецело посвятил себя Учению. Он возглавил калифорнийский Центр дианетики, но не прошло и года, как тот оказался на грани банкротства. Это ж нужно было постараться, чтобы разорить один из проектов «афериста века», всегда и из всего выжимавшего денежку до последней! Однако Ван Вогту с супругой это удалось... Но битым нейметя - после улаживания дел с кредиторами семейно-творческая пара на гонорары от своих произведений организовала собственный Центр дианетики.

Этой, не побоюсь слова, дурью писатель занимался почти десятилетие. В НФ он вернулся в начале 1960-х - говорят, по призыву Фредерика Пола. И за оставшиеся четыре десятилетия написал еще несколько десятков романов (всего их в активе Ван Вогта, кстати, не так много по американским стандартам - менее полусотни).

Умер один из последних классиков золотого века американской science fiction от болезни Альцгеймера, всего года не дотянув до наступления нового века и тысячелетия - в январе 2000-го. А лучшие его произведения, в особенности его рассказы, ставшие классикой жанра, остались там, в 1940-1950-х, в том недолгом веке, который был

назван золотым благодаря в том числе и Альфреду Ван Вогту.

ВСЕЛЕНСКОЕ ПРИМИРЕНИЕ

Крайне любопытный факт: если раньше кинематограф торопился за прозой, то ныне литература зачастую оказывается в тени фильма. Вопрос писательницы и журналиста звучал так: «Если вы посмотрели фантастический фильм по роману, повести или рассказу и он вам понравился, прочтете ли вы это произведение?».

Ответы распределились следующим образом:

Да, из любопытства, чем отличаются замысел автора и идея режиссера - 36%;

Да, чтобы вновь погрузиться в этот мир, но уже самому стать его «режиссером» - 19%;

Да, чтобы узнать подробности, не уместившиеся в фильм - 28%;

Нет, чтобы не портить впечатление от кинопросмотра - 4%;

Нет, потому что я уже знаю, чем все закончится - 5%;

Нет, потому что после спецэффектов книга покажется тусклой - 5%;

Я лучше еще раз посмотрю фильм - 3%.

Всего в голосовании приняли участие 435 человек.

Одну и ту же историю можно поведать разными способами, и человечество продолжает придумывать новые. С одной стороны, появление следующих возможностей не отменяет прежних. Первобытные пращуры слушали рассказчиков, собравшись у пещерного костра, и с тем же успехом наши современники травят байки у костерка в походе. Древние греки внимали драматическим диалогам в театре, и вот, тысячелетия спустя, театр все еще присутствует в нашей жизни. Кино не уничтожило театр, телевидение не прикончило кино, а компьютерные игры не подписали приговор всему вышеперечисленному.

С другой стороны, хотя прежние методы и не исчезают совсем, они изрядно сдают позиции под натиском современных. Поход в кинотеатр в наши дни - необязательная причуда, но кто из нас откажется посмотреть новинку кинопроката?

На первый взгляд, можно решить, что соперничество между книгой и фильмом относится к категории старого и нового. Почтенному изобретению Гутенберга идет уже шестой век, а братья Люмьер придумали свой аппарат только сто с лишним лет назад. Но и сотня лет - возраст внушительный, особенно на фоне самого свежего

развлечения нашей цивилизации: компьютера со всеми его производными.

И литература, и кинематограф старательно рядятся в одежды нынешнего века. Компьютерные технологии подняли достоверность изображаемых на экране событий на небывалую высоту, а в Facebook прямо сейчас пишут коллективный роман, в котором может поучаствовать любой из пользователей этой социальной сети. Так что основное различие между фильмом и книгой не в «выслуге лет» данного метода повествования, точнее, не только в этом.

Кино предъявляет зрителю картинку, которая на вид почти не отличается от действительности. Чтобы попасть в реальность фильма, достаточно вообразить плоское объемным: этот фокус наши мозги проделывают без труда. А с развитием трехмерного кино даже такое минимальное усилие станет ненужным.

А вот действие книги полностью разворачивается в воображении читателя, и этот трюк посложнее преобразования двумерной картинки в 3D. Основываясь на собственном визуальном опыте, читатель создает пейзажи, интерьеры, внешность героев и прочий видимый мир книги, лишь в общих чертах намеченный писателем.

Помните, у Стругацких в «Понедельнике» есть путешествие в описываемое будущее. «То и дело попадались какие-то люди, одетые только частично: скажем, в зеленой шляпе и красном пиджаке на голое тело (больше ничего), или в желтых ботинках и цветастом галстуке (ни штанов, ни рубашки, ни даже белья), или в изящных туфельках на босу ногу. Окружающие относились к ним спокойно, а я смущался до тех пор, пока не вспомнил, что некоторые авторы имеют обыкновение писать что-нибудь вроде «дверь отворилась, и на пороге появился стройный мускулистый человек в мохнатой кепке и темных очках».

Лукавили классики, ой, лукавили! Автор и не может дать полное описание того, как выглядит каждый персонаж, иначе текст перестанет быть художественным и превратится в нечто другое. Условности жанра требуют от читателя умения - и желания - самому восполнять визуальные лакуны и достраивать книжный мир до приемлемой степени реальности.

Значит, можно сказать, что главная разница между книгой и фильмом кроется в задачах, которые они ставят воображению зрителя (он же читатель). Зритель может, хотя и не обязан, воспринимать информацию пассивно. Если же читатель откажется от активного участия в тексте, то его ожидают частично одетые люди, которые совершают разрозненные элементы действий посреди фрагментарно существующего мира. Чтобы получить удовольствие от книги, читателю необходимо стать ее соавтором!

Приятно узнать, что читатели журнала «Если» в абсолютном большинстве люди с тренированным воображением, и их эта

перспектива не страшит, а привлекает.

Фантастический жанр между тем добавляет остроты соперничеству фильма и книги, а мы ведь говорим именно о фантастике. Компьютерные спецэффекты позволяют показать в ярких подробностях то, чего зритель никогда не видел в натуре: Терминатора, Чужих, Матрицу, Звездные войны... Список уже весьма немаленький и продолжает расти. Вряд ли кто-то, не кривя душой, станет утверждать, что его персональное воображение способно нарисовать все эти картины без подсказки с экрана.

Итак, дано: понравившийся зрителю фантастический фильм, в основе которого лежит литературное произведение. Станет ли зритель еще и читателем?

Подавляющее большинство участников опроса ответило «Да!», что, безусловно, делает честь нашим любителям фантастики.

Среди причин, которые способны подтолкнуть благодарного зрителя к прочтению исходного текста, больше трети от общего числа опрошенных назвали желание сравнить замысел автора книги с идеей режиссера фильма. Это действительно любопытно: взглянуть, как разные творцы преломляют под углом собственной индивидуальности одну и ту же историю, разыгранную в одних и тех же декорациях. Ну, приблизительно одну и ту же, ведь порой режиссер уходит далеко от литературного первоисточника. Иногда в таких случаях честно указывают «по мотивам».

А вот 28% ответивших на анкету прочтут книгу, чтобы узнать подробности, которые не попали в фильм. Логично. Даже если в основе киноленты был короткий рассказ, из текста можно почерпнуть дополнительную информацию. А уж если фильм снят по роману, и говорить не о чем.

И дело даже не в том, что с книгой читатель может провести гораздо больше времени, чем перед экраном, а при желании вернуться к любой странице и перечитать ее. Литературный текст показывает читателю мысли и чувства героев изнутри, дает обоснования их поступков, чертит логическую линию событий и расставляет вехи, отчего рассказанная в книге история предстает связной и законченной. И если читателю приходится напрягать воображение, представляя то, что на экране демонстрируют «за так», то зрителю взамен достается работенка домысливать логику сюжета и характеров, пунктирно показанных в ключевых сценах и символических моментах. Иногда только прочтя книгу, можно понять, что именно произошло в некотором эпизоде фильма и почему.

Но ведь 19% участников опроса пошли еще дальше! Они собираются прочесть литературное произведение, чтобы разыграть в воображении свою «режиссерскую» версию истории, увиденной на экране. Вот это творческий подход! Текст и впрямь дает читателю больше свободы,

чем фильм - зрителю, но этой свободой нужно уметь пользоваться. Столько потенциальных творцов - это больше, чем можно было ожидать.

В силу тех или иных резонов отказались прочесть исходный текст понравившейся им киноленты 17% опрошенных. Среди них 5% зрителей отпугивает от книги уже известный им финал. Что ж, определенная логика в этом есть. Существуют люди, которые не перечитывают книги и не пересматривают фильмы; им достаточно одного раза, даже если история пришлось по душе.

Но есть и загадочная для меня категория зрителей, которые согласны повторно увидеть кино, однако за текстом не потянутся. Может быть, они вообще не любят читать? Таких оказалось меньшинство, всего 3%. Еще 5% респондентов считают, что книга окажется тусклой по сравнению со спецэффектами фильма. Очень самокритично, ведь яркость восприятия текста зависит от воображения читателя.

И напоследок ответ, против которого я надеялась увидеть цифру «ноль». Но нет, 4% любителей фантастических фильмов не хотят портить текстом впечатление от кинопросмотра. Мне их жаль, что тут еще скажешь? Остается радоваться тому, что они хотя бы фильм посмотрели.

А в целом, как видите, картина оптимистичная. Любители хорошей кинофантастики оказались в подавляющем большинстве неравнодушны и к фантастике литературной. И значит, фильм книге вовсе даже не соперник, а союзник и товарищ.

В завершение я хочу привести лишь некоторые пары «фильм - текст», в которых каждая из составляющих обрела статус классики жанра: «Сталкер» А.Тарковского (1979) - повесть «Пикник на обочине» А. и Б.Стругацких (1972); «Вспомнить всё» Пола Верховена (1990) - рассказ «Из глубин памяти» Филипа Дика (1966); «Иван Васильевич меняет профессию» Л.Гайдая (1973) - пьеса М.Булгакова «Иван Васильевич» (1935); «Сияние» Стэнли Кубрика (1980) - роман «Сияние» Стивена Кинга (1977); «Иствикские ведьмы» Дж.Миллера (1987) - роман «Иствикские ведьмы» Дж.Апдайка (1984); «Нечто» Дж.Карпентера (1982) - рассказ «Кто там?» В.Кэмпбелла-мл.; «Бегущий по лезвию» Ридли Скотта (1981) - роман «Снятся ли андроидам электроовцы?» Филипа Дика (1968).

Да, одну историю можно рассказать разными способами.

И фильм, и книга хороши по-своему.

Тем лучше для зрителей и читателей!

Анна КИТАЕВА

Курсор

▣ **Джоан Роулинг**, самая успешная писательница современности, заключила контракт на новую книгу с издательством Little, Brown and Company. И это отнюдь не подростковый роман. Роулинг признается, что при написании поттерианы она обрела «свободу исследовать новые жанры».

▣ **Полных тезок**, а также потомков Корнелия Ивановича Удалова и Николая Ивановича Ложкина намерены разыскать в Вологде поклонники Кира Булычёва. Акция приурочена к сорокалетию со дня выхода первого сборника рассказов «гусярского цикла». И хотя прототипом вымышленного городка Великий Гусляр является Великий Устюг, Булычёв признавался, что фамилии своих главных героев он позаимствовал из «Адресной книги города Вологды» за 1913 год. Книгу подарили местные краеведы во время визита фантаста на Вологодчину.

▣ **«Я убил Адольфа Гитлера»** - этот норвежский комикс, автор которого скрывается под псевдонимом Язон, взялась экранизировать американская Studio Eight. Герою фильма - наемному убийце заказывают... Адольфа Гитлера. На машине времени он отправляется в прошлое выполнять это поручение. Но всё идет не так, и Гитлер сам попадает в будущее. Сценарий фильма пишет Ди Си Уокер.

▣ **«Хранитель времени»** Мартина Скорсезе вполне мог претендовать на большой «оскаровский урожай» - ведь речь в картине идет об истории кино и великом Жорже Мельесе. Однако в главной номинации «Лучший фильм» фантастическая история мальчика Хьюго уступила немой французской ленте «Артист». Зато фильм Скорсезе отыгрался во второстепенных номинациях, сравнявшись с «Артистом» по общему количеству статуэток - пять. «Хранитель времени» стал лучшей операторской работой и работой художника-постановщика, использовал лучшие визуальные эффекты, звук и звуковой монтаж. Остальной фантастике не повезло: только «Ранга» признали лучшим полнометражным мультфильмом, но анимационные работы и так почти все фантастические.

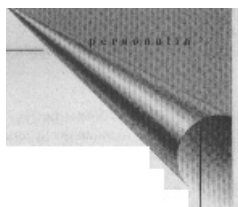
▣ **Идея Артура Кларка**, популяризовавшего разработку советского инженера Юрия Арцутанова - лифт на орбиту, похоже будет реализована в ближайшем будущем. Несколько лет назад о работе над космическим лифтом объявляло НАСА, однако проект почти заглох. И вот за дело взялись умеющие добиваться поставленных целей

японцы. Корпорация Obayashi планирует к 2050 году построить станцию и связать ее с Землей космическим лифтом, на котором станут поднимать на орбиту туристов. Промежуточная космическая станция будет находиться на геостационарной высоте в 36 тысяч километров над поверхностью Земли. Ее свяжут с планетой тросами из углеродных нанотрубок во много раз прочнее металла. Путешествие со скоростью 200 километров в час займет неделю. Еще одна станция-«противовес» планируется на высоте 96 тысяч километров и займется исключительно космическими исследованиями: туристов туда не пустят. К масштабным проектам корпорации не привыкать -именно она строит сейчас самое высокое шестисотметровое здание Японии Tokyo Sky Tower.

▣ **Русские инженеры,** в свою очередь, продолжают продвигать новые идеи в освоении космического пространства. Так, премия имени К.Э.Циолковского, утвержденная Российской академией наук, по итогам 2011 года досталась группе ученых за серию работ с весьма фантастическим названием «Теория управления сборкой больших космических конструкций на орбите с помощью свободно летающих роботов».

[In memoriam] Ночью 3 февраля в городе Бэт умер известнейший британский фантаст Джон Кристофер (настоящее имя - Сэмюэл Йоуд). Всего несколько дней писатель не дождал до своего 90-летнего юбилея. Сэмюэл Йоуд родился 12 февраля 1922 года в городке Ноусли (графство Ланкашир). С началом Второй мировой был призван в армию и служил радистом на Средиземноморье. После войны работал клерком. Дебютировал в жанре в 1949 году рассказом «Рождественские розы». Всего на счету Кристофера, которого критики именовали «Сэлинджером научной фантастики», около трех десятков романов и множество рассказов. Наибольшую известность получили его романы-катастрофы «Смерть травы», «Рваный край» («У края бездны»), «Долгая зима», а также подростковый цикл о триподах - трилогия «Огненный бассейн» (конец 1960-х) и приквел «День, когда пришли триподы» (1988). Подробнее о жизни и творчестве Кристофера можно прочитать в статье Вл. Гакова «Колокол по человечеству» («Если» № 4, 2007).

Агентство F-пресс

personalia

БРЕВЕР Филип (BREWER, Philip)

Американский писатель Филип М.Бревер родился в 1959 году в семье биологов и закончил университет с дипломом экономиста, а затем защитил диссертацию по этой же дисциплине. Некоторое время проработал в сфере e-business, давая консультации в интернете, после чего посвятил все свое время журналистике и литературному творчеству.

Бревер был участником семинара молодых писателей-фантастов (Clarion Science Fiction and Fantasy Writers Workshop). Первый рассказ опубликовал в 1979 году - «Фляга с кошмарами». С тех пор напечатал всего семь рассказов и повестей, зато неоднократно выступал в различных изданиях на экономические темы. Увлекается эсперанто и пользуется этим языком для общения с друзьями и коллегами из других стран.

ГОРНОВ Николай Викторович

Омский фантаст и журналист родился в 1966 году. После окончания Сибирского автомобильно-дорожного института работал инженером-дорожником, мастером теплового участка. Несколько лет занимался книготорговым бизнесом, с 1999 года - профессиональный журналист. Работал заместителем редактора делового омского еженедельника «Коммерческие вести», в настоящее время - обозреватель-аналитик этого же издания.

В 1989 году создал и выпускал юмористический фэнзин «Страж-птица», весьма популярный в фэндоме. Примерно к этому же времени относятся и первые литературные опыты фантаста. В 2001 году рассказ Н.Горнова «Пароход идет в Кранты» победил в литературном конкурсе «Альтернативная реальность» журнала «Если», став печатным дебютом автора в профессиональной периодике. С тех пор писатель прочно связал свою литературную судьбу с «Если», регулярно публикуя в журнале свои рассказы и повести. А в 2009 году состоялся двойной книжный дебют писателя: вышли в свет роман

«Общество мертвых пилотов» и сборник «3000 метров ниже уровня моря».

**КААН Жесс
(KAAN, Jess)**

Под этим псевдонимом публикует свои произведения французский писатель-фантаст, публицист и антологист Фредерик Мерлье. Он родился в 1974 году в Дюнкерке. В университете обучался по специальностям «Юриспруденция» и «Административная работа», потом избрал стезю преподавателя и верен ей по сей день.

Начал печататься в 1999 году. Уже тогда проявлялись его склонности к сочинению «хоррора в юмористическом стиле», но позднее Каан стал пробовать свои силы и в других жанрах. С начала 2000-х годов произведения автора стали появляться в антологиях. В 2004 году вышел в свет первый сборник писателя «Уловка»: несколько вошедших в него рассказов получили национальные жанровые премии «Мерлин» (2003, 2005) и «Армия двенадцати обезьян» (2005). А в 2004 году Каан по предложению издательства «Оксимор» сам составил тематическую антологию фантастики под названием «Дорога».

В 2007 году писатель опубликовал первый НФ-роман «Строптивцы», в 2010-м - еще один, «Расследования с Тритоном», написанный в жанре юмористической фэнтези. Произведения Ж.Каана печатались в Польше, Бельгии, Канаде, Аргентине, Греции, США и Испании.

**ЛАНКУ Антуан
(LENCOU, Antoine)**

Французский писатель Антуан Ланку родился на атлантическом побережье Франции в середине 60-х годов прошлого века. Проживает неподалеку от города Пуатье, где работает специалистом по информатике и вычислительной технике. Активно интересуется астрономией и палеонтологией. В одном из недавних интервью писатель признался: «Несмотря на то, что я всегда нахожу мрачные оттенки в окружающем, на самом деле я отчаянный оптимист... Меня сжигают любопытство и жажда узнать как можно больше о том мире, в котором мы живем, и особенно о происхождении человека, о его месте во Вселенной».

Первый свой рассказ «Священный огонь» А.Ланку опубликовал в 1999 году. С тех пор в различных сборниках, антологиях и журналах НФ увидели свет полтора десятка его повестей и рассказов. В 2004 году писатель выступил как составитель тематического сборника

фантастических рассказов «Двери». После выхода в свет его повести «Ваша смерть принадлежит нам» (2009) читатели и критики заговорили о «новой звезде на небосклоне французской фантастики».

ЛОВЕТТ Ричард (LOVETT, Richard A.)

Канадский писатель Ричард Ловетт закончил университет с дипломом астрофизика, затем получил второе образование - юридическое, а после этого и третье - экономическое. Защитил диссертацию по экономике. Однако в 1989 году он полностью переключился на творческую деятельность. Спектр научно-популярных интересов Ловетта чрезвычайно широк: он опубликовал шесть книг и более 2000 статей в журналах, а также в большинстве самых известных американских и канадских газет на темы дистанционного зондирования, экологии, аналитической химии, токсикологии, пищевой микробиологии и т.д.

Поклонникам научной фантастики Ловетт известен в основном своими научно-популярными статьями в журнале «Analog». Только в 2003 году автор попробовал себя в научно-фантастической прозе, дебютировав в том же издании двумя рассказами - «Броуновское движение» и «Равновесие». С тех пор Ловетт опубликовал два десятка рассказов и коротких повестей, многие из них были напечатаны в «Если» и с успехом встречены читателями.

РУДЕНКО Борис Антонович

Московский писатель и журналист родился в 1950 году. Окончил Московский автомобильно-дорожный институт, после чего оказался в одном из КБ (пресловутые «закрытые ящики»), но вскоре перешел на работу в милицию, где прослужил полный срок и уволился в чине подполковника. После демобилизации занялся журналистикой, в настоящее время работает в журнале «Наука и жизнь».

Участник легендарных малеевских семинаров, Б.Руденко свой первый рассказ «Вторжение» опубликовал в 1978 году в журнале «Техника - молодежи». В течение следующего десятилетия его НФ-рассказы и повести регулярно выходили в периодической печати и сборниках. Однако в 1989 году писатель неожиданно «эмигрировал» в детективную прозу (дебют - повесть «До весны еще далеко» в «Искателе»). В этом жанре он выпустил книги «Всегда в цене» (1994), «Исполнитель» (1995), «Смерть откладывается на завтра» (1995), «Время черной охоты» (1996), «Мертвых не судят» (1996), «Снайпер»

(1997), «Беглец» (1998) и другие.

В 2003 году на страницах журнала «Если» состоялось возвращение писателя к литературным истокам - в жанр НФ. С тех пор Б.Руденко - постоянный автор журнала. В феврале 2005 года вышла и первая НФ-книга Б.Руденко - роман «Те, кто против нас».

ТОРГЕРСЕН Брэд (TORCERSEN, Brad R.)

Молодой фантаст Брэд Торгерсен родился в городе Оук-Харбор (штат Вашингтон). По словам автора, ему сейчас «тридцать с небольшим», он программист, «ушибленный компьютером», работает «в небольшой медицинской компании в штате Юта». До этого Торгерсен сменил множество профессий: торговал гамбургерами, мыл посуду в заведении фастфуда, служил офисным клерком в доме для престарелых, работал на нескольких радиостанциях.

В научной фантастике Торгерсен дебютировал в 2010 году рассказами «Эксанастазис» и «Бродяга». Редчайший случай: произведение начинающего автора «Бродяга» читателями журнала «Analog» было признано лучшей короткой повестью года. Автор продолжает сотрудничать с этим изданием, и перевод его последнего рассказа «Помощник капеллана» печатается в этом номере «Если».

ТОРТЛОТТ Шейн (TOURTELOTTE, Shane)

Шейн Майкл Тортлотт родился в 1968 году в Плейнфилде (штат Нью-Джерси), где проживает по сей день. В научной фантастике дебютировал в 1998 году рассказом «Инструменты смертных», опубликованным в журнале «Analog». С этим печатным изданием связана дальнейшая литературная карьера автора: к настоящему времени он написал более трех десятков рассказов и повестей и большинство напечатано в этом журнале.

В 1999 и 2000 годах Тортлотт номинировался на Премию имени Джона Кэмпбелла, присуждаемую самому перспективному молодому писателю-фантасту, а два его произведения, опубликованные в 2001 году, - повесть «Отступник!» (в соавторстве с Майклом Берстином) и короткая повесть «Возвращение весны» - были номинированы сразу на две высшие премии «Хьюго» и «Небьюла».

ХАУБОЛЬД Франк

(HAUBOLD, Frank W.)

Немецкий фантаст Франк Хаубольд родился в 1955 году в городе Франкенберг (Саксония). Изучал информатику и биофизику в Дрездене и Берлине.

Первое выступление Ф.Хаубольда - рассказ «Пылающее лето» - состоялось в 1993 году. В последующие годы он публиковал романы и сборники рассказов: «На берегу ночи» (1997), «День серебряных зверей» (1999), «Ворота мечты» (2001), «Подарок ночи» (2003), «Волчьи черты» (2007), «Тени Марса» (2007), «Звездная танцовщица» (2009).

В 2008 году писатель получил двойную Deutscher Science Fiction Preis. Это уникальный случай в истории премии, когда автор завоевал самую престижную национальную награду сразу за две работы. В данном случае - роман «Тени Марса» (2007) и рассказ «Возвращение домой» (2007).

Сейчас Франк Хаубольд живет с женой в небольшой деревне Вальдсаксен, вблизи города Мееранте.

Подготовили
Михаил АНДРЕЕВ, Владимир ИЛЬИН, Юрий КОРОТКОВ, Елена
ПЕРВУШИНА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

**ООО «Культснаб» предлагает вам подписку на шесть номеров
журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, ВКЛЮЧАЯ
СТОИМОСТЬ почтовых услуг.**

Цена действительна на номера 2012 года.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

**Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете
подписку.**

**Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка,
оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и
отправить вместе с данными о себе в издательство.**

**Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по
которому высылать журнал.**

Извещение	 ООО «Культснаб» <small>(наименование получателя платежа)</small>	Форма № ПД-4
	ИНН 7714757529 № р/с 40702810038260012548 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>	
	ОАО Сбербанк России, г. Москва <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	
	БИК 044525225 № к/с 30101810400000000225 <small>(номер кор./сч. банка получателя платежа)</small>	
	КПП 771401001	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>	
	Сумма платежа	540 руб. 00 коп.
	Сумма платы за услуги	руб. коп.
	Итого	руб. коп.
Кассир		
	 ООО «Культснаб» <small>(наименование получателя платежа)</small>	
	ИНН 7714757529 № р/с 40702810038260012548 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>	
	ОАО Сбербанк России, г. Москва <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	
	БИК 044525225 № к/с 30101810400000000225 <small>(номер кор./сч. банка получателя платежа)</small>	
	КПП 771401001	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>	
	Сумма платежа	540 руб. 00 коп.
	Сумма платы за услуги	руб. коп.
	Итого	руб. коп.
Квитанция		
Кассир		

Извещение

ООО «Культснаб»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7714757529

р/с 40702810038260012548

№

(ИНН получателя платежа)

(номер счета получателя платежа)

ОАО Сбербанк России, г. Москва

В

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с 30101810400000000225

БИК

№

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Сумма платежа:

руб.

коп.

Сумма платы за услуги

руб.

коп.

Итого

руб.

коп.

Кассир
Квитанция

ООО «Культснаб»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7714757529

р/с 40702810038260012548

(ИНН получателя платежа)

№ _____

(номер счета получателя платежа)

ОАО Сбербанк России, г.Москва

В _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с 30101810400000000225

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771401001

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

(наименование платежа)

540

00

Кассир

Сумма платежа:

_____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги

_____ руб. _____ коп.

Итого

_____ руб. _____ коп

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ!

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
ООО «Культснаб», отдел распространения.
Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177) e-mail: sales@lubkniga.ru**

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

© 2007 - 2008 г.г. ООО «Сбербанк России»

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

ФЭНТЕЗИ В СТИЛЕ «ЕСЛИ»

ПОВЕСТИ

Марии ГАЛИНОЙ

«КУРИНЫЙ БОГ»

Далии ТРУСКИНОВСКОЙ

«СТЕЛЛА МАРИС»

РАССКАЗЫ

**Питера БИГЛА, Святослава ЛОГИНОВА,
Анны КИТАЕВОЙ, Фелисити ШОЛДЕРС,
Аркадия ШУШПАНОВА**

ЗАМЕТКИ

Сергея ЛУКЬЯНЕНКО:

давайте забудем о сценарии

СТАТЬЯ

Анастасии ШУТОВОЙ:

Сальвадор ДАЛИ и кинематограф

**ЧИТАЙТЕ МАЙСКИЙ
ВЫПУСК ЖУРНАЛА**

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах
«Пресса России» и «Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс 73118.

Подписаться можно с любого месяца на любой срок.

Стоимость одного номера — 87 рублей,
включая почтовые услуги.

Подписка ведется во всех отделениях связи.

ФЭНТЕЗИ В СТИЛЕ «ЕСЛИ»

ПОВЕСТИ

Марии ГАЛИНОЙ

«КУРИНЫЙ БОГ»

Далии ТРУСКИНОВСКОЙ

«СТЕЛЛА МАРИС»

РАССКАЗЫ

**Питера БИГЛА, Святослава ЛОГИНОВА,
Анны КИТАЕВОЙ, Фелисити ШОЛДЕРС,
Аркадия ШУШПАНОВА**

ЗАМЕТКИ

Сергея ЛУКЬЯНЕНКО: давайте забудем о сценарии

Сканирование, распознавание, вычитка - Глюк Файнридера